

АН СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1989 г. И СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

МОСКВА

1989

АН СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 г. И СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

МОСКВА

1989

Редакционная коллегия:

д.и.н. И.И.Поп - ответственный редактор

к.и.н. В.И.Беллева

к.и.н. Е.К.Жигунов

© Институт славяноведения и балканистики АН СССР

От редакции.

Сборник составлен на основе материалов "круглого стола", проведенного 15 февраля 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР по инициативе сектора истории международных отношений Института. Обсуждавшиеся проблемы имеют особую актуальность в связи с 50-летием второй мировой войны; высказанные участниками "круглого стола" мнения, естественно, не претендуют на "истину в последней инстанции". Хронологические рамки определены были событиями, происходившими в регионе в период с марта 1939 г. до начала советско-финского конфликта. Этот короткий отрезок времени до предела насыщен драматическими событиями, в которых страны Центральной и Юго-Восточной Европы выступали как в роли субъектов, так и в роли объектов острейшей политической и дипломатической борьбы. Однако их роль не получила до сих пор в исторической литературе адекватного освещения. Основная масса трудов по проблемам 1939 года вращается в кругу проблем отношений только великих держав. В этот контекст позиции самих стран Центральной и Юго-Восточной Европы вписаны мало и плохо. Чаще всего рассматривается позиция Польши, как очередной жертвы германской агрессии, в меньшей мере позиция Румынии. Все другие страны региона — Венгрия, Югославия, Болгария, Греция, Турция, Албания фактически выпадают из общего круга проблем исторической литературы, посвященной тому периоду. В результате отсутствует полная и взаимосвязанная картина всех политических процессов, происходивших в Европе в тот период. Политика указанных стран исследуется их национальной историографией, однако ее достижения известны в СССР очень узкому кругу специалистов. Участники "круглого стола" в ИСБ АН СССР попытались в определенной мере ликвидировать этот пробел, воссоздать цельную картину политического кризиса 1939 г., ликвидировать имеющиеся до сих пор многочисленные "белые пятна" в истории тех драматических месяцев накануне и начала второй мировой войны.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВОЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1939 г. В ЕВРОПЕ

Предвоенный политический кризис в Европе открылся событиями 14-15 марта 1939 года, когда по нацистскому сценарию была провозглашена "независимость" марионеточной Словакии, а германские войска захватили Прагу. Уже тогда было ясно, что эти новые агрессивные действия гитлеровской Германии, приведшие к ликвидации чехословацкого государства, затрагивают в первую очередь интересы западных держав. Они перечеркнули договоренности, которые были достигнуты в Мюнхене, в частности обязательство гарантировать Чехословакии неприкосновенность ее оставшейся территории. В политическом плане это был удар по позициям западных держав в мировой политике: дальнейшее их бездействие могло привести к установлению полной германской гегемонии в Европе и сползанию западных держав на второстепенные позиции. В экономическом плане захват гитлеровской Германией чешской промышленности, в первую очередь ее развитой военной индустрии, резко усиливали военный потенциал Германии. Наконец, в военно-стратегическом плане в Восточной Европе произошли радикальные изменения: вступление немецких войск на чешскую и словацкую территории привело к военно-стратегическому окружению Польши, что сразу создало для нее особую ситуацию.

Решительно изменилась обстановка в Юго-Восточной Европе. Скачкообразно обострились и подошли к грани войны отношения между Румынией и Венгрией (последняя захватила Закарпатскую Украину). Аллергически реагировали на происшедшие изменения Югославия и Болгария. Последующий захват Италией Албании (7 апреля 1939 г.) привел к тому, что и южный фланг Юго-Восточной Европы, а именно Греция и Турция, были охвачены такой же политической лихорадкой. Все эти события послужили исходным пунктом начавшейся "политики гарантий" западных держав.

В советской исторической литературе получил распространение тезис, что "политика гарантий" являлась продолжением мюнхенского курса, только другими средствами. Думается, что эта характеристика нуждается в уточнении, особенно с позиций сегодняшнего дня. Хотя говорить о "дипломатической революции", как иногда именовали политику гарантий в западных публикациях, не приходится, тем не менее нельзя считать, будто ничего не изменилось. Об этом говорят факты. 31 марта была предоставлена английская гарантия Польше, позднее превращенная в соглашение о взаимной помощи. Начались переговоры об английской гарантии Греции, а также переговоры о заключении договора с Турцией (в мае 1939 г. была опубликована декларация о намерениях сторон). Наконец, 13 апреля были предоставлены гарантии не только Греции, но и Румынии, причем к английским гарантиям присоединилась и Франция. Одним словом, был создан некий конгломерат обязательств западных держав в отношении ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦВЕ).

Что же представляла из себя та система гарантий? Прежде всего следует констатировать, что она не составляла чего-то единого целого. Гарантии отдельным странам не были увязаны друг с другом, не были подкреплены военно-стратегическими выкладками или соответствующими мероприятиями. Между самими странами, которые получили эти гарантии, тоже не существовало каких-то договорных обязательств. Характерны "люки" или брешы, которые оставила эта политика гарантий. Так, в тогдашних условиях, помимо Польши, наибольшая угроза нависала над Югославией. Но Югославия не получила гарантий, а британская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы уйти в сторону даже от обсуждения этого вопроса. Такая тактика не была случайной. Английская политика в тот период преследовала цель расколоть "ось", не допустить заключения союза между Италией и Германией. Поставленная задача, по мнению британских стратегов, была несовместима с политикой создания какого-либо блока в Юго-Восточной Европе. Более того, существовали

расчеты столкновения германских и итальянских интересов из-за Югославии. Именно по этим причинам английская дипломатия не предоставила гарантий Югославии. Тем не менее "политика гарантий" связывала определенными обязательствами западные державы, ставила некоторые рамки их политическому курсу. Была ли она альтернативной политике "умиротворения" агрессии? В известной степени – была. Хотя обе эти тенденции – и к нарастанию конфронтации между западными державами и фашистскими государствами, и к политике "умиротворения" – сохранялись в тот момент в политике западных держав, существовали параллельно, но и боролись одна с другой.

Невозможно в полной мере оценить эту политику без анализа отношения западных держав к Советскому Союзу. После 15 марта 1939 года они неоднократно отклоняли советские предложения о совместных действиях. Из обнародованных британских документов с полной очевидностью предстают причины такой тактики¹. После сталинских чисток, считали западные политики, военная сила СССР сомнительна, а сотрудничество с ним принесет больше неудобств, чем выгод. В частности, полагали они, союз с СССР может оттолкнуть от западных держав такие страны как Польша и Румыния, а Германия получит огромный пропагандистский козырь. Только под влиянием общественных настроений они приступили к переговорам с СССР, да и то лишь после завершения создания системы гарантий. Естественно, что их позиция накладывала печать на отношения стран ЦУВЕ к Советскому Союзу. Последний находился в состоянии изоляции, его искусственно оттирали от участия в решении европейских дел.

Внешнеполитическая изоляция СССР была следствием ряда причин. Сказались следствия укрепления в стране деформировавших социалистический строй тоталитарно-бюрократических методов правления, коллективизация, безумные репрессии 1937–1938 гг., другие внутривнутриполитические эксцессы, подорвавшие международный престиж страны. В период становления командно-административной системы внешняя политика окончательно превратилась в домен узкой группы политических дея-

телей, группы, у которой имелись также и свои собственные интересы, не остававшиеся к тому же неизменными (это, по-видимому, самая сложная для изучения проблема, которую необходимо обозначить).

Международная изоляция СССР стала заметной в период гражданской войны в Испании. Фактически это был первый в истории региональный конфликт (их влияние на всю систему международных отношений мы знаем по современности), притом на европейском континенте, в который втянулись все великие державы. Для Советского Союза, принявшего в связанных с ним событиях активное участие, он обернулся размыванием его международных позиций, в частности - выхолащиванием его союзных договоров с Францией и Чехословакией. Этот региональный конфликт внес свою лепту в складывание "политики невмешательства", фактического попустительства агрессорам. В период Мюнхена и после него международная изоляция СССР стала очевидной. И хотя с СССР другие страны поддерживали дипломатические отношения и вели переговоры, последние не давали результатов. Последовавшие со стороны западных держав после завершения "политики гарантий" предложения были таковы, что М.М.Литвинов, который находился уже последние дни на посту народного комиссара иностранных дел, назвал их издевательскими.

Есть такое понятие как союзоспособность, введенное в практику исследовательской работы теорией международных отношений. Этот термин обозначает привлекательность той или иной страны в качестве союзника для других государств, их готовность вступать с нею в договорные отношения, что отражает их доверие к ее внешнеполитическим целям, готовность связать с ее судьбой свою собственную судьбу и безопасность. По всем этим параметрам союзоспособность нашей страны к концу 30-х годов была близка к нулю. И это сказалось в период предвоенного политического кризиса в Европе. В период кризиса стало ясно, что переговоры с СССР были для западных держав средством перестраховки, а также преследовали цель сорвать возможность советско-германского сближения.

Не разделяю существующего мнения будто советско-германский пакт — это "Мюнхен № 2". Явления эти разные, хотя причинно-следственная связь между ними и существует: без Мюнхена не могло быть пакта. Отмеченные выше внутри- и внешнеполитические причины сыграли, на мой взгляд, существенную роль в проведении этого широкомасштабного маневра в генезисе советско-германского пакта, который завершился его заключением.

Теоретически возможность советско-германского сближения всегда учитывалась в западных правящих кругах. Обсуждали ее и в правящих кругах стран ЦУВЕ (в частности, такие предупреждения высказывала весной 1939 г. турецкая дипломатия в своих контактах с Польшей). Однако в возможность такого поворота летом 1939 г. мало верили. Доминирующим было нежелание идти на сотрудничество с СССР, что особенно ярко проявлялось в позиции Польши и Румынии. Советская сторона отдавала себе отчет в сложившейся ситуации, хотя и по-своему трактовала ее причины. У столь подозрительного политика как Сталин все больше росло убеждение, что эти переговоры велись западными державами только для того, чтобы связать руки советской дипломатии и лишить ее возможности маневра на дипломатической арене. К тому же реальная оценка возможностей СССР должна была привести его к выводу, что страна не готова к большой войне, что перспектива даже "плохого" сближения с Германией сулила гораздо больше, чем сотрудничество с западными державами. Отсюда рождались идеи альтернативного курса: любое соглашение с Германией сразу выводило страну на позицию нейтралитета в условиях нарастающей возможности военного столкновения между западными державами и Германией. При этом предполагалось, что это будет длительный конфликт. Поэтому когда мы говорим о возможности большого политического маневра, то принимая во внимание состояние наших внутренних дел, особенности нашей политической элиты, образ мышления сталинского руководства, мы можем констатировать: никакой другой реальной альтернативы не было.

Каковы же были формы реализации такой альтернативы?

Во-первых, надо учитывать исключительно высокую степень информированности сталинского руководства. Поступавшая достоверная информация говорила о нежелании западных держав идти на сотрудничество с СССР, о готовности гитлеровцев к столкновению с западными державами и подготовке агрессии против Польши. Огромную психологическую роль играл страх оказаться перед лицом нового стовора западных держав и фашистских государств ("новый Мюнхен" за счет Польши).

Первые зондажи в отношениях между СССР и Германией начались весной 1939 г. Они шли параллельно переговорам СССР с западными державами. Этим контактам германская сторона довольно быстро придавала форму циничного торга (особенно отличался в этом плане германский дипломат Шнурре²).

Характерная деталь: чем больше западные державы становились в позицию противостояния Германии, тем больше ослабевала готовность Советского Союза идти на соглашение с ними. Такая тенденция подогревалась и кунштаторской тактикой английской и французской дипломатии. И хотя первые контакты наметились еще весной 1939 г., все-таки реальный сдвиг произошел где-то на рубеже июня - июля.

Другая характерная особенность того времени: каждая из трех заинтересованных сторон была достаточно полно и достоверно информирована о состоянии дел на двух других сторонах треугольника. Так, о советско-германских переговорах английская разведслужба знала вполне достаточно уже в середине июля 1939 г. (сведения об этом имеются в мемуарах руководителя чехословацкой разведки в эмиграции генерала Моравца).

Но был и цейтнот, в обстановке которого оформлялось советско-германское соглашение. Оно носило на себе неизгладимые черты импровизации. Они усугублялись тем, что соглашение готовилось с советской стороны людьми, которые не обладали профессиональными навыками в области внешней политики после отставки 3 мая 1939 г. Литвинова и обрушившегося на НКВД нового шквала репрессий, фактически завершившего его ликвидацию, под той же вывеской был создан новый аппарат, значительная часть которого была некомпетент-

на в вопросах внешней политики. Отсюда масса грубых ошибок и просто противоправных формулировок вследствие их незнакомства с нормами международного права. И хотя многие документы о действиях советской стороны отсутствуют, уже сейчас ясно, что подготовка заключения советско-германского пакта велась очень узкой группой лиц. Помимо Сталина и Молотова прослеживается участие Ворошилова и, может быть, Буденного. Многие детали его подготовки вообще не документированы, а причастные к нему лица (например, Астахов и Мерекалов) вскоре были репрессированы.

Окончательное решение о заключении пакта с Германией, судя по имеющимся данным, было принято буквально в последний момент, а именно 19 августа 1939 г. Все последующие шаги делались в спешке, а ряд косвенных данных свидетельствует о том, что многие предпринимаемые действия совершались без достаточной проработки, без серьезного взвешивания ожидаемых выгод и вероятных издержек. В самый последний момент, уже в ходе выработки текста документов и при их подписании (если судить по опубликованным германским материалам) наблюдалась эскалация ожиданий, причем в степени, близкой к утрате чувства реальности. Это "головокружение от успехов" еще более усилилось после заключения договора "О дружбе и границе" от 28 сентября 1939 г.

Последнее обстоятельство позволяет высказать сомнение в появившихся в нашей публицистике утверждениях, что пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор "О дружбе и границе" от 28 сентября 1939 г. представляют собой единое целое, один пакет договорных обязательств. Несмотря на их хронологическую близость и даже перекличку в содержании их секретных протоколов, между ними лежит целая эпоха, а заодно — решительная смена вех во внешнеполитическом мышлении и концепциях сталинского руководства.

Секретные дополнительные протоколы к пакту от 23 августа 1939 г. (хотя они и не обнаружены в советских архивах, у нас нет оснований считать их фальсификатом) носят на себе следы спешки и непродуманности в определении "зон интересов". За очевидными огрехами (что частично было следст-

нием низкой компетентности лиц, ответственных за выработку принимавшихся решений) скрывался не только импровизационный характер выработанных формул, но и значительная доля неясности относительно форм и методов реализации достигнутых соглашений, неуверенность в развитии событий в ближайший период, в частности в позиции западных держав, а также недоверие к истинным намерениям Германии.

Напротив, к 28 сентября многие неизвестные величины были уже определены. За фактом частичного изменения "зон интересов" (в германскую сферу отходили чисто польские области западнее линии Керзона, хотя последняя и не была упомянута, а в советскую - Литва, так что отныне она охватывала всю Прибалтику) скрывалось завершение первого этапа выработки новой внешнеполитической концепции. Она исходила из стремления не иметь внутри страны "польского вопроса", а также установить стратегический контроль над Прибалтикой, исключить здесь германское влияние. Характерно, что такое разграничение совпадало с границами Российской империи накануне первой мировой войны.

Заключение договора 28 сентября 1939 г. сопровождалось другими договоренностями. В секретных протоколах, приложенных к нему, говорилось, в частности, что ни одна из сторон не допустит на своей территории польской агитации, направленной против территории второй стороны.

В промежутке между двумя договорами лежали такие громадные события, как германское нападение на Польшу и объявление западными державами войны Германии, т.е. начало второй мировой войны, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Обозначилась новая расстановка сил на мировой арене, при которой резко возросла враждебность западных держав к СССР, но одновременно была снята напряженность в отношениях между СССР и Германией. Анализ событий убеждает в том, что сталинское руководство восприняло происшедшие перемены односторонне, не заметило их преходящего характера, перенесло положения пакта "о ненападении" на сферу идеологии (антифашистская пропаганда на два года сошла с повестки дня), а

руководство Коминтерна, расценив войну как империалистическую с обеих сторон (т.е. уравнивая западные державы с гитлеровской Германией), сосредоточило пропагандистские усилия на разоблачении политики Великобритании и Франции, на которых стала возлагаться ответственность за продолжение войны вследствие их отказа заключить мир с Германией.

В послесловии к брошюре с материалами о встрече с представителями польской интеллигенции в Варшаве 14 июля 1988 г. М.С.Горбачев расценил пакт от 23 августа 1939 г. как "неизбежный", но в то же время резко осудил договор от 28 сентября 1939 г. Последний вместе с заявлениями Молотова, связанными с этим договором, был охарактеризован как "политическая ошибка с тяжелыми последствиями" для СССР и для других стран, а также для коммунистического движения, как "прямое и вызывающее отступление от ленинизма, попрание ленинских принципов" ³.

Такая трактовка представляется оправданной. В основе ее лежит, на мой взгляд, разграничение необходимости крупного внешнеполитического маневра и попытки остаться в стороне от конфликта (об этих проблемах и их причинах сказано выше) от конкретных форм и методов, которые были применены в практических шагах сталинского руководства. И дело не в существовании секретных протоколов к заключенным договорам (без разграничения "зон интересов" пакт о ненападении, например, терял всякий смысл и был бы непригоден как реальный инструмент внешней политики). На практике политика Сталина вышла далеко за рамки, очерченные этими договорами. Следует учитывать, что Советский Союз разбил ту экономическую блокаду, которая была организована западными державами вокруг Германии. Было положено начало сотрудничеству между службами безопасности обоих государств. Дело дошло до чудовищных фактов: выдачи в руки гестапо немецких антифашистов и коммунистов, арестованных в годы сталинского террора.

Многоплановость истории проявилась в тот период и в неоднозначном подходе к советско-германскому пакту о ненападении со стороны балканских государств. Ибо на практике

только они реально ощутили такое его последствие, как колебания в отношениях между фашистскими Италией и Германией, временное ослабление для них угрозы со стороны Италии, агрессивности которой особенно опасались тогда Югославия и Греция, а также Турция. Это сказалось и на характере их нейтралитета, о котором они заявили после начала войны. Пожалуй, только одна румынская дипломатия распенила его однозначно как полное обесценивание гарантий, которые страна получила от Великобритании и Франции. В целом балканские страны подходили к нему с той точки зрения, что он облегчал их задачу остаться в стороне от начавшегося мирового конфликта. Их позиция прослеживалась в контактах балканских дипломатов с советскими. В частности, советский посол в Лондоне И.М.Майский подробно обсудил связанные с пактом проблемы с югославским поверенным в делах, опытным дипломатом В.Милановичем (документы об их беседах сохранились в югославских архивах). Интересно отметить, что уже в начале сентября 1939 г. Майский развил ту аргументацию, которая после войны легла в известную историческую справку "Фальсификаторы истории". Не поступившись против истины, он заверил югославского собеседника, что никакого дележа сфер влияния на Балканах (о чем тогда писала западная пресса) между СССР и Германией не было ⁴. Такая информация имела значительную ценность для ориентации югославского правительства.

В Болгарии большинство политических течений (кроме крайних антисоветских сил) весьма позитивно откликнулись на заключение пакта. Его политическое воздействие выразилось в заметном падении британского, а равно и французского влияния на болгарскую политику (по этому поводу имеется свидетельство посла Великобритании в Софии Дж.Ренделя, болезненно реагировавшего на это обстоятельство) ⁵.

Особого рассмотрения заслуживает позиция Турции. Известно, что Советский Союз еще в мае 1939 г. дал согласие на заключение англо-франко-турецкого политического договора. В сентябре месяце, накануне заключения этого договора, министр иностранных дел Турции Шукрю Сараджоглу приехал в

Москву. 26 сентября 1939 г. состоялась его первая встреча с Молотовым. Но в связи с приездом Риббентропа в Москву их переговоры прервались на два дня. Когда они возобновились 30 сентября в них уже участвовал лично Сталин. Он предложил турецкому министру заключить широкий политический договор, который в условиях существования пакта о ненападении с Германией становился известной альтернативой англо-франко-турецкому договору. Во-вторых, Сталин предложил заключить новую конвенцию о режиме проливов (хотя бы на время войны), что было сразу же отклонено турецким министром. Трудно сказать, рассчитывала ли советская сторона на принятие таких предложений Турцией или, может быть, это было формой зондажа турецких намерений. В пользу последнего предложения говорит тот факт, что советская сторона в соответствии со сложившейся ранее практикой советско-турецких отношений высказала одновременно пожелание, что если Турция будет заключать англо-франко-турецкий договор, то она должна сделать так называемую "советскую оговорку", смысл которой сводился к тому, что этот договор не вступает в силу, если он может привести к столкновению Турции с Советским Союзом.

С временной дистанции в 50 лет тогдашняя советская позиция представляется чрезмерно усложненной, временами нелогичной и рассчитанной на достижение нестыкующихся целей. Только этим можно объяснить, например, тот факт, что Советский Союз в свое предложение о союзе с Турцией включал так называемую "германскую оговорку". Дело заключалось в том, что переговоры Советского Союза с Турцией привлекли особое внимание германской дипломатии и Риббентроп во время пребывания в Москве в конце сентября 1939 г. поднимал этот вопрос в беседах с Молотовым и Сталиным. Поэтому Советский Союз и занял такую своеобразную позицию. Дипломатическая игра сводилась к тому, что Советский Союз не собирался выполнять роли загонщика Турции в германские воды. Советско-турецкие переговоры, протянувшись несколько недель, закончились ничем. Однако, Советский Союз дал согласие на заключение англо-франко-турецкого договора, который

и был подписан 19 октября 1939 года. В целом такая игра не принесла какой-либо пользы советской дипломатии. Начавшийся же в конце ноября 1939 г. советско-финский конфликт нанес серьезный ущерб советским позициям на Балканах.

Примечания.

1. Documents on British Foreign Policy. Third Series, v. V
2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Baden-Baden. 1956-1961. Serie D, Bd. VII, VIII.
3. Правда, 15 июля 1988 г.
4. Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939-1943. М., 1965.
5. DBFP, Third Series, v. V.

15 МАРТА 1939 ГОДА

После Мюнхена в результате потери пограничных районов и крушения прежней системы союзов Чехословакия перестала существовать как самостоятельный фактор международной политики. Обогатия гарантии новых границ республики со стороны западных держав оказались всего лишь платоническим жестом, рассчитанным на успокоение общественного мнения на Западе, подслащивание горькой пилюли исчезновения с карты Европы независимого, демократического государства. Нацисты спешили использовать "благоприятную" послемюнхенскую атмосферу в Европе для решения своих ближайших планов в Центральной и Восточной Европе без крупного военного конфликта - окончательную ликвидацию Чехословакии, присоединение Данцига (Гданьска), Мемеля (Клайпеды).

Уже 11 октября 1938 г. Гитлер дал указания Риббентропу подготовить план политической изоляции Чехословакии. Спустя десять дней Гитлер подписал совместно с начальником ОКВ В.Кейтелем особое указание, начинающееся следующей формулировкой: "В любой момент мы должны быть готовы ликвидировать остаток Чехословакии (Rest-Tschechei)". В распоряжении Кейтеля от 17 декабря 1938 года указывалось, что при ликвидации "Rest-Tschechei" не предполагается какое-то серьезное сопротивление, поэтому акция должна быть проведена военными силами мирного времени, без дополнительной мобилизации.¹

В Берлине 1 февраля 1939 года Гитлером созвано было совещание, на котором разработана была окончательная форма оккупации чешских земель и отрыва от них Словакии. Совещание было строго секретным, и тем не менее уже 3 февраля чехословацкая контрразведка получила сообщение о нем от агента "А-54",^в которым был один из высших офицеров отделения абвера Дрездене Пауль Тюммель². 9 мар-

та он же посылает письмо из Праги, в котором сообщает, что имеет важные сведения и 11 марта будет ждать на вокзале в г. Турнов. Здесь его встретил работник II отделения контрразведки чехословацкой армии штабс-капитан Ф.Фрич и привез в Прагу. П.Томмель заявил, что рано утром 15 марта чешские земли будут оккупированы германскими войсками. Изложил также план действий нацистов в Словакии. Сообщил также, что вечером 14 марта будут заняты частями вермахта города Пльзень и Острава, высажены парашютисты на пражских аэродромах Рузине и Кбелы; подготовлен список офицеров II отделения контрразведки чехословацкой армии, которые должны быть арестованы в ночь с 14 на 15 марта и отправлены в Дрезден, а оттуда в Берлин.³ У второго отделения не было оснований не доверять своему информатору. Свою информацию он давал с 1936 года, при том она всегда была точной. В тот же день заместитель начальника второго отделения, полковник Ф.Моравец передал подробное сообщение правительству. Премьер-министр Р.Беран и министр иностранных дел Ф.Хвалковский отказались верить этому сообщению, назвав его провокацией⁴. Полковник Моравец обратился к генералу Я.Сыровы, министру обороны. Он предложил, чтобы президент и правительство вылетели во Францию или Великобританию и тем самым продемонстрировали свой протест против германского экспансионизма. Сыровы ответил отказом, заметив, что "не пойдет на авантюру"⁵. Такой акт имел бы огромное значение для политического престижа чехословацкого политического представительства за границей и вызвал бы значительные затруднения для нацистов.

Информация о планах нацистов поступила в Прагу также из Франции. Британское правительство также знало о готовящейся оккупации чешских земель. Характерна его реакция на это известие. Форин Оффис разослал 13 марта циркуляр своим заграничным представительствам с предупреждением, что британское правительство не будет проявлять какой-либо инициативы в смысле противодействия германской агрессии против Чехословакии⁶.

13 марта Главный штаб чехословацкой армии созвал совещание высших офицеров под председательством генерала Сыровы. Им было сообщено о германских планах оккупации чешских земель, зачитан меморандум полковника Моравца. Однако никакого решения принято не было⁷. На следующий день поздно вечером высшее командование чехословацкой армии отдало приказ всем частям оставаться в казармах и ни в какие стычки с германскими войсками не вступать⁸. Только рано утром 15 марта отдан был приказ об уничтожении секретной документации.

Итак, чехословацкое правительство в критические дни было в деталях осведомлено о планах Гитлера, но не предприняло по своей инициативе ничего существенного, даже не отдало распоряжения о рассредоточении или уничтожении секретных документов. 14 марта к премьер-министру Р.Берану пришли представители крупнейших чехословацких концернов по производству оружия "Зброевка-Брно" и "Шкодовы заводы-Пльзень". Они хотели получить информацию о ситуации и посоветоваться, что они должны сделать, чтобы производственные планы концернов не попали в руки гитлеровцев. Приняты премьером не были.

Единственным активным действием чехословацких офицеров накануне оккупации нацистами чешских земель был вылет группы из 11 человек членов II отделения контрразведки во главе с полковником Моравцем. Они воспользовались предложением майора Гибсона из британской военной миссии в Праге об отъезде в Лондон для продолжения борьбы против нацизма. Несмотря на то, что германские агенты следили за их передвижением, им удалось вечером 14 марта вылететь из Праги на самолете голландской авиакомпании через Роттердам в Лондон. В их багаже были важнейшие документы контрразведки, шифры связи с агентами в европейских государствах, главным образом, в Германии⁹.

После обеда 14 марта началось последнее заседание правительства второй Чехословацкой республики. Уже было

известно о провозглашении т.н. независимого Словацкого государства. В восточной части республики, в автономной "Карпатской Украине" части чехословацкой армии вели бои с наступающими венгероками войсками. После провозглашения "протектората Чехия и Моравия" чехословацкие войска отступили в Румынию, где были интернированы. Пражское правительство приняло решение об отъезде президента Э.Гаха и министра иностранных дел Ф.Хвалковского в Берлин. В I час ночи 15 марта их принял Гитлер в присутствии Геринга, Риббентропа, Кейтеля и представителей МИД'а. Гитлер строгим тоном отчитывал Гаху и Хвалковского за "антинемецкую" политику чехословацкого правительства, не желающего, по его словам, понять новую ситуацию. Поэтому он, Гитлер, принял решение оккупировать "Rest-Tschechei". Оккупация начнется в 6 часов утра и если она пройдет спокойно, то чехи получают автономию и даже какую-то "национальную свободу". Затем было подписано заявление, что по просьбе Гаха Гитлер "берет чешский народ под защиту Германского рейха"¹⁰. В 4 часа 30 минут 15 марта пражское радио от имени министерства обороны передало приказ президента Гаха о том, чтобы чехословацкие войска без сопротивления сложили оружие перед вермахтом, части которого вступят в чешские земли в 6 часов утра. Это был постыдный приказ о капитуляции.

В оккупации чешских земель участвовало 350000 солдат и офицеров вермахта и других нацистских вооруженных частей. В момент оккупации в чехословацкой армии под ружьем было всего 70000 человек из них 40 тыс. в Словакии и "Карпатской Украине" II.

16 марта 1939 года Гитлер приехал в Пражский Град. Здесь заявил о прекращении существования чехословацкого государства, превращении чешских земель, "которые тысячу лет были жизненным пространством германского народа, в составную часть Германии в форме "протектората Чехия и Моравия". При этом не забыл подчеркнуть, что "из этого пространства" однажды в прошлом произошла "чрезвычайная угроза европейскому миру". Он имел в виду,

по всей вероятности, гуситское революционное движение XV в. или восстание чешских сословий против Габсбургов в 1618 году¹². Чехия и Моравия превратились после 15 марта в германскую колонию не только в экономическом, но и в формально-юридическом смысле. В качестве юридического прецедента учреждения "протектората" было использовано колониальное соглашение между побежденным тунисским беєм и Францией, подписанное в 1861 году. Имперским "протектором" был назначен германский дипломат Константин фон Нейрат.

В результате оккупации чешских земель в руки нацистов попало практически все вооружение чехословацкой армии. Этот арсенал стал одним из важнейших источников укрепления вермахта. В своем выступлении в рейхстаге 28 апреля 1939 г. Гитлер заявил, что германскими войсками было захвачено 1582 самолета, 2175 тяжелых и легких орудий, 501 зенитное орудие, 469 танков, 1 090 000 винтовок, 114 000 пистолетов, 43 000 пулеметов, большое количество боеприпасов, в том числе 3 млрд. артиллерийских снарядов, 62 000 авиабомб. При том речь шла о самом современном оружии, предназначенном для 45 дивизий с соответствующим боезапасом. Стоимость этого оружия исчислялась в 33,5 млрд. крон, но фактическая ее ценность для все еще недостаточно вооруженного вермахта была гораздо выше¹³. Следует указать, что военная промышленность Чехословакии была на самом высоком техническом уровне. Не случайно ЧСР в 30-е годы была одним из крупнейших экспортеров оружия в мире, а в 1934-1935 гг. самым крупным. Военная промышленность ЧСР способна была в кратчайшие сроки вооружить самым современным оружием 15 миллионную армию. Два из 5 крупнейших европейских концернов по производству оружия были чехословацкими. В ЧСР работали такие известные фирмы как "Шкодовы заводы", "Зброевка-Брно", "Круш", "Шнайдер-Крезо", "Энфильд". Все это попало в руки нацистов как говорится "с иголочки".

Кроме того, нацисты получили современные сталелитейные заводы Витковице, Кладно, "ЧКД", "Рингхоффер"

"Авиа" в Праге, машиностроительную, химическую промышленность, что позволяло Гитлеру включить их на полные обороты в подготовке к экпанонии нацистов. Высокую оценку чехословацкому оружию и возможностей чешских оружейных заводов дал У.Черчилль. Он писал, что только "Шкодовы заводы" с августа 1938 по сентябрь 1939 года произвели столько оружия, сколько вся военная промышленность Великобритании того времени вместе взятая¹⁴.

Особую ценность для нацистов представляли чехословацкие танки и танковое производство в целом, такие типы современных танков, как LT-35 и особенно TNH с 37 мм пушкой, который чехословацкие заводы начали выпускать во второй половине 1938 г. Первые танки этого типа вместе с легкими LT-35 были использованы гитлеровцами в польской кампании в сентябре 1939 г. Позже были перемещены на западную границу Германии, а в мае 1940 г. применены в боях против французской армии, у Дюнкерка, а также во время оккупации Норвегии. Затем танки типа LT-35 были проданы гитлеровцами своим сателлитам. На вооружении румынской армии они были вплоть до конца войны. Во французской кампании танками типа LT-35 и TNH были вооружены 6, 7, 8 германские дивизии в количестве 334 машин¹⁵. Чехословацкий танк LT-38 выпускался нацистами вплоть до 1942 г. Характерно, что в период подготовки плана "Барбаросса" (нападение на СССР), Гитлер приказал вооружить дивизии первого эшелона "чешским оружием"¹⁶. Во время нападения на СССР чехословацкие танки были на вооружении 7, 8, 12, 19 и 20 немецких танковых дивизий¹⁷. Они представляли четверть танковых войск нацистов. Позже использовались Роммелем в Африке в боях против британских войск в Ливии.

В период войны нацисты использовали также высокий технический уровень ходовой части чехословацких танков, приспособленной для самходных орудий и истребителей танков "Хетцер-38". Их производили вплоть до 1945 г. С успехом применены были во время последнего наступления нацистов в период второй мировой войны в Арденнах,

зимой 1944–1945 гг. Увы, этот перечень относится к грустным страницам истории чехословацкой броневой техники, ибо использована она была вследствие предательства врагом для осуществления его неправых целей.

Но вернемся к дипломатической истории 15 марта 1939 г. Ликвидация Чехословакии открыла нацистам путь на восток и юго-восток Европы, разоружение 45 чехословацких дивизий обеспечивало тыл германским войскам при их наступлении на Западе. После 15 марта равновесие в Европе было нарушено в такой степени, что потребовало четкого определения отношения к этому факту всех европейских стран. В западных государствах шок был достаточно сильным, но и инерция политики попустительства не могла исчезнуть за одну ночь. Характерно, что часть британских кругов встретила сообщение об исчезновении Чехословакии с чувством облегчения. Министр иностранных дел лорд Галифакс заявил французскому послу в Лондоне, что Великобритания и Франция 15 марта получили фактически "компенсационную выгоду". Она, по словам Галифакса, заключается в том, что "естественным путем" было покончено с обязательствами предоставить гарантии Чехословакии, что для обоих правительств было задачей "несколько тягостной"¹⁸. Технику расчленения Чехословакии (отделение Словакии, оккупацию Чехии и Моравии на основании формального соглашения между Гитлером и Гачой) Чемберлен и Галифакс использовали для того, чтобы заявить, что "моральные" обязательства, принятые Великобританией в отношении Чехословакии после Мюнхена, не действительны. В заявлениях в обеих палатах британского парламента они указывали, что "... в результате внутреннего развала прекратило свое существование государство, границы которого мы хотели гарантировать. То состояние, которое мы всегда рассматривали как временное, перестало существовать, и правительство Его Величества больше не связывает никакие обязательства"¹⁹. Но одновременно в британском парламенте прозвучали и критические голоса лейбористов Эт-

тли, Гринфильда. С острой критикой курса правительства выступил А.Иден. Прозвучали требования об отставке правительства Чемберлена. 16 марта вся британская пресса осудила нацистскую оккупацию чешских земель.

17 марта 1939 г. британский министр Саймон заверил депутатов парламента, что чехословацкие капиталы и золото, помещенные в "Bank of England" не будут переданы Берлину без согласия правительства. И тем не менее они тихи были перевезены в германские сейфы.

Франция и Великобритания договорились о совместном протесте против оккупации чешских земель и отзыве своих послов из Берлина для консультации. 18 марта Гендерсон передал государственному секретарю МИД Германии Вейцзекеру британский протест против германской оккупации чешских земель. В нем указывалось: "Британское правительство не может оценивать события последних дней иначе, как полное отрицание Мюнхенского соглашения и отрицание того направления, в котором подписавшие соглашение обязались взаимно сотрудничать и решать проблемы путем соглашения... Правительство Его Величества вынуждено воспользоваться этим случаем, чтобы протестовать против тех изменений, которые произошли в Чехословакии вследствие германской военной акции, и которые в его глазах не имеют никакого юридического обоснования"²⁰.

Реакция правительства и общественности Франции на расчленение Чехословакии была такой же, как и в Англии. В первый момент в правительственных кругах стремились приуменьшить опасность происшедшего. Но затем в настроениях в Париже произошел поворот. В результате французская нота Берлину была острее, чем британская. Правительство Франции заявило, что "...в этих условиях оно не может признать законной новую ситуацию, созданную в Чехословакии действиями Рейха"²¹. Противники министра иностранных дел Бонна требовали немедленного отзыва французского посла из Берлина для консультаций. Французская экономическая делегация, приехавшая в Берлин, также была отозвана. Одновременно французское правительство обес-

печило охрану чехословацкого посольства в Париже от попыток нацистов занять его. Разница в подходе Парижа и Лондона вызвана была тем, что события в Центральной Европе в марте 1939 г. непосредственно угрожали безопасности Франции.

Советское правительство в своей ноте от 18 марта, резко осудив захват Германией Чехословакии, заявило, что эти действия усилили опасность всеобщему миру, нарушили политическую устойчивость в Центральной Европе и нанесли новый удар чувству безопасности народов²².

Ликвидация Чехословакии была составной частью плана германской агрессии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Весьма примечательным был также "подарок" Гитлера, позволившего Венгрии оккупировать Закарпатскую Украину. Тем самым нацисты привязывали Венгрию к своему обозу и нацелились на Румынию с ее нефтяными запасами.

В виду угрозы гитлеровской Германии Румынии Советское правительство 18 марта 1939 г. предложило созвать конференцию заинтересованных государств - СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции. Соответствующее предложение сделано было М.М.Литвиновым британскому послу в Москве, как ответ на его запрос о позиции СССР в случае агрессии Германии против Румынии. Ответ был дан в тот же день²³. Но британское правительство ответило, что созыв конференции считает преждевременным²⁴. Такой же ответ дало и правительство Франции. У.Ширер в связи с этим делает вывод, что Великобритания и Франция своим отказом от советского предложения о созыве конференции с целью создания антигитлеровской коалиции упустили возможность привлечь Советский Союз на свою сторону²⁵. Тем самым было перечеркнуто усилие СССР приостановить, а может быть и воспрепятствовать дальнейшей агрессии гитлеровской Германии. События, лавиной обрушившиеся с 1 сентября 1939 г., полностью подтвердили своевременность предупреждения Советского Союза. Подписание Мюнхенского соглашения, ликвидация самостоятельной Чехословакии 15 марта 1939 г., отказ правительств Велико-

Британии и Франции от созыва конференции по проблемам безопасности Юго-Восточной Европы — все это привело Советское правительство к выводу о том, что условия по обеспечению коллективной безопасности в данный момент бесперспективны и что возникла угроза фронтального нападения на СССР всех капиталистических государств. Исходя из этого вывода, стремясь избежать изоляции правительство СССР меняет направленность своей внешней политики. М.М. Литвинов, имя которого было связано с линией на сотрудничество с западноевропейскими демократическими государствами, который был последовательным сторонником независимости Чехословакии, 4 мая 1939 г. был отстранен от занимаемой должности наркома НКВД, на его место назначен В.М. Молотов.

15 марта 1939 г. означало не только конец самостоятельности Чехословакии, но и окончательный распад Версальской системы, нарушение равновесия сил в Европе. В этот день похоронены были также иллюзии, связанные с политикой умиротворения агрессора. Общественное мнение западных стран начало понимать всю опасность развития событий и стало оказывать давление на правительства своих стран. Это проявилось в определенном сдвиге в позициях Франции и Великобритании в марте 1939 г. от молчаливого примирения с совершившимся фактом к непризнанию законности агрессивных действий Германии и некоторым мерам, направленным против Германии.

Примечания:

1. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945 /AWAF/, Serie D, 1937-1945. Bd. I, S. 278-279.
2. Vojenský historický archiv ČSSR, Praha /VHA/, f. Ministerstvo národní obrany, Spisy II. oddělení generálního štábu, A-54 /1939, f. 2.
3. Moulis M. Osudný 15. března 1939. Praha, 1979, s. 38.
4. Strankmüller E. Československé ofenzivní zpravodajství v letech 1937 do 15. března 1939. — Odboj a revoluce,

- 1968, 2, zprávy, s. 67.
5. Vojenské dejiny Československa, III. d., Praha, 1987, s. 556.
6. Dějiny druhé světové války 1939-1945. II. d., Praha, 1978, s. 118.
7. Strankmüller E. Československé ofenzivní zpravodajství... s. 68-69.
8. Vojenské dějiny Československa, s. 556.
9. Strankmüller E. Československé ofenzivní zpravodajství... s. 70-72; Vojenské dějiny Československa, s. 556; Moulis M. Osudný 15. březen 1939. s. 73-74.
10. Dokumenty k historii mnichovského diktátu. Praha, 1979, s. 405, d. č. 265.
11. Moulis M. Osudný 15. březen 1939. s. 13.
12. Mnichov v dokumentech, Praha, 1958, d. II, s. 396-399.
13. Dokumente der deutsche Politik, 1939, Bd. VII, Teil I, S. 150.
14. Churchill W. The Second World War, vol. I., London, 1948, p. 302.
15. Hummelberger W. Die Rüstungsindustrie in der Tschechoslowakei 1933 bis 1939. - Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des zweiten Weltkrieges. Hrsg. von Forstmeier E., Volkmann H. E. Düsseldorf, 1975, S. 322.
16. The National Archives of the United States, Alexandria /NAUS/, Microcopy No. T-77, roll. No. 554, frames I. 730, 809-813.
17. Hummelberger W. Die Rüstungsindustrie ... S. 322-323.
18. Documents on British Foreign Policy, Third Series, vol. IV, p. 273, d. 280.
19. Procházka T. V předvečer války. Praha, 1945, s. 101.
20. Documents on German Foreign Policy, ser. D, vol. VI, London 1956, p. 27, d. 25.
21. Ibid, p. 27, d. 26.
22. Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. IV, с. 411.
23. История дипломатии. М., 1965, т. III, с. 769.
24. Там же, с. 770.
25. Майский И. М. Воспоминания советского посла. М., 1964, т. II, с. 454-457; История внешней политики СССР, т. I, с. 419.

ПОСЛЕ МОНХЕНА. ЛИТВИНОВ, ПОТЕМКИН, МОЛОТОВ

Мюнхенские соглашения провели водораздел в европейской международной политике и нанесли непоправимый удар борьбе за коллективную безопасность против наступления фашизма. С этого момента начался отсчет времени в направлении развязывания второй мировой войны. Для Наркома иностранных дел СССР М.М.Литвинова, верившего в возможность создания эффективной системы безопасности, мюнхенские договоренности были полнейшей неожиданностью. По его просьбе посол СССР в Великобритании И.М.Майский принял настойчивые попытки встретиться с министром иностранных дел лордом Э.Галифаксом с целью объяснения позиции Великобритании в отношении СССР. Такой встречи Майский не добился, а заместитель Галифакса сэр А.Кадоган, который принял Майского 4 октября, сказал, что СССР самостоятельная страна и никто не может помешать ей подписывать соглашения с любым государством, в том числе и с Германией. В ответ на это Майский заявил, что Великобритания и Франция предали не только СССР, но и свою союзницу Чехословакию и поставили Советский Союз в изоляцию, потворствуя тем самым агрессии против него. Но и в этой, сложившейся после Мюнхена, тяжелой международной ситуации М.Литвинов считал, что не все еще потеряно и СССР сможет продолжить свой внешнеполитический курс, направленный на обеспечение системы коллективной безопасности, союза с Западными демократиями, способного воспрепятствовать фашистской агрессии. При этом Литвинов возлагал особые надежды на правительство США.

В начале 1939 г. английское правительство, испытывавшее все возрастающие притязания гитлеровской Германии, само начало искать встреч с советским представителем в Лондоне. 24 и 27 февраля, а также 2 марта Майский имел беседы с лордом Галифаксом, в одной из которых (2 марта)

последний заявил: "Англия готова не только нормализовать отношения с Советским Союзом, но и сделать все возможное для того, чтобы СССР примкнул к группе держав, желающих в мирном сотрудничестве между собой добиться примирения между отдельными группами и быть готовыми дать вооруженный отпор агрессору". Однако Мюнхенские соглашения, подорвав доверие советского правительства к правительствам Великобритании и Франции, негативно отразились и на положении самого Литвинова. В НКВД СССР начали проявляться и прогерманские настроения в деятельности первого заместителя Литвинова В.П.Потемкина. Последний, в частности, считал, что Гитлера нужно "нейтрализовать". Лига Наций, настаивал Потемкин, потеряла свое значение, а Франция не намерена выполнять своих обязательств по заключенным договорам. Лондон же, по мнению Потемкина, начал свою игру на сближение с СССР, чтобы показать Германии, что в случае конфликта с ней он будет иметь на своей стороне Советский Союз. Если, как полагал Потемкин, Великобритании удастся запугать блок тоталитарных стран и предотвратить военное столкновение с гитлеровской Германией, то снова незамедлительно начнется новое обострение отношений между Германией и СССР. Поэтому нужно начать "перестраховку" от Берлина прямыми переговорами или через посредничество Италии. К сентябрю 1938 г. можно отнести первые робкие попытки Потемкина урегулировать советско-германские отношения. Однако в тот период его точка зрения не нашла поддержки в Политбюро, которое считало, что пока нужно ограничиться лишь зондажем отношений с Берлином. Тогда Потемкин выдвинул предложение добиться хотя бы нормализации экономических отношений с Германией. Расхождение между Литвиновым и Потемкиным приобрело открыто неприязненный характер. Несколько раз Литвинов предлагал отправить своего первого заместителя послом в одну из западных стран.

Отставка Литвинова 4 мая 1939 г. нанесла серьезный удар по внешнеполитическому курсу, направленному на поиск путей объединения со странами западной демократии

против фашистской агрессии. Однако его отставка еще не означала отказа от продолжения этой линии.

Перемены в НКВД СССР были весьма благосклонно восприняты в Берлине и расценены как желание СССР продемонстрировать независимость и самостоятельность своего внешнеполитического курса. Риббентроп заявил советскому послу в Берлине перед его отъездом в СССР, что личные чувства неприязни Гитлера к Литвинову играли роль обостряющих отношения между странами и что устранение Литвинова значительно облегчает задачу примирения между обеими странами.

Тем не менее нет никаких оснований считать, что после отставки Литвинова в мае 1939 г. Советское правительство было готово идти на сближение с гитлеровской Германией. Шансы Потемкина безусловно возросли, но не настолько, чтобы ему занять пост Наркома иностранных дел. Им стал В.М.Молотов. В центр внимания внешнеполитической программы Молотова выдвигалась задача в условиях борьбы между блоками отстаивания национально-государственных интересов СССР как страны социализма и прожектора мирового пролетариата. Молотов считал, что СССР должен выступать как сторона "не берущая, а дающая". Мюнхенский стовор, по мнению Молотова, являлся попыткой подтолкнуть Германию к агрессии против СССР, что и давало основания для недоверия СССР к политике Великобритании и Франции. Однако Молотов считал, что на ближайшую перспективу в условиях обострения отношений тоталитарного блока с Великобританией и Францией военное столкновение между Германией и СССР исключено, поэтому Советский Союз не должен стать орудием в чужих руках. Именно эта стратегически неверная посылка внешнеполитической программы советского правительства стала основой для последовавшего в дальнейшем сближения с гитлеровской Германией и оказалась чревата опасными последствиями. Другой столь же неверной посылкой внешнеполитической программы Молотова являлся тезис о складывании в обстановке военного конфликта в Европе революционной ситуации и необходимости в связи с

этим мобилизации коммунистических партий на борьбу против "монхенцев", за их отстранение от власти, что в определенной степени еще до советско-германского договора от 23 августа 1939 г. привело к дезориентации антифашистских сил, ослаблению борьбы за создание единого антифашистского фронта.

В своих отношениях с Великобританией и Францией, считал Молотов, СССР ни в коем случае не может выступать как сторона прервавшая переговоры, однако каждому предложению с их стороны должно быть противопоставлено конструктивное советское предложение, исходящее из основных задач внешней политики СССР и ее интересов как страны социализма.

Большое внимание во внешнеполитическом курсе СССР уделялось отношениям с балканскими странами, особенно граничащими с Советским Союзом, в том числе и с Румынией. В связи с ослаблением позиции Великобритании на Балканах, усилившейся тревогой советского правительства по поводу возрастания притязаний гитлеровской Германии в этом регионе и быстрой переориентации балканских стран на фашистский блок одной из задач внешнеполитической программы являлось обеспечение позиций СССР в районе черноморских проливов.

НКВД СССР внимательно следил за шагами правительства Румынии, направленными к сближению с гитлеровской Германией. Придерживаясь курса на нормализацию советско-румынских отношений, проводившегося Литвиновым, НКВД в то же время считал, что в случае, если фашистская Германия попытается сделать из Румынии плацдарм для нападения на СССР, то в корне будут изменены советско-румынские отношения, перед румынским правительством будет поставлен вопрос о Бессарабии и усилена работа компартии Румынии среди национальных меньшинств, которая на предыдущем этапе была свернута из-за поддержки румынской политики "статус-кво". Еще в 1938 г. Советское правительство заявило, что целый ряд договоров может быть пересмотрен, если обстоятельства изменятся и если СССР увидит, что

какие-либо страны могут стать соучастниками фашистской агрессии против СССР.

Румынский посол в Москве накануне войны Г.Гафенку писал в своей книге "Предыстория войны на востоке", опубликованной в Париже в 1944 г.: "Недоверие Запада к СССР породило мюнхенский комплексо, а недоверие СССР к Западу - московский компромисс (советско-германский договор 23 августа 1939 г. -Т.Л.). Сталин не верил больше в возможность одержать Германию коллективными усилиями. Он подозревал, что западные державы в Мюнхене окончательно отказались от принципа коллективной безопасности и что они отдали Германии всю восточную часть континента. Для того, чтобы не принять первыми и без всякой помощи удар германских войск, нужно было как можно скорее противопоставить эгоистической политике западных держав "реалистическую восточную политику". Сталин больше не боролся за то, чтобы предотвратить войну, а только за то, чтобы отдалить ее от своих границ".¹

Вместо вывода можно привести слова того же, далеко не прогрессивного румынского дипломата о том, к каким трагическим последствиям может привести взаимное недоверие и взаимонепонимание: "Эти взаимные неблагоприятные поступки и достойные порицания действия, - пишет Г.Гафенку, - раскрыли глубоко драматическое взаимонепонимание и благоприятствовали возникновению войны, которой как на Западе, так и в СССР одинаково опасались".²

Примечания.

1 Gafencu G. Preliminaires de la guerre a l'Est. Paris, 1944, p. 7.

2 Ibidem.

БРИТАНСКИЕ ГАРАНТИИ ПОЛЬШЕ
(март - апрель 1939 г.)

После мюнхенского оглашения введенное в заблуждение "умиротворителями" европейское общественное мнение недолго пребывало в эйфории от сознания спасения от войны в последний час. "Мир для нашего поколения", о чем торжественно заявил Н. Чемберлен после возвращения из Мюнхена, продержался пять с половиной месяцев. 15 марта 1939 г. Гитлер ввел войска в Чехословакию, и это государство перестало существовать. После 15 марта в Европе начался предвоенный кризис, который завершился 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу и развязыванием второй мировой войны.

Ликвидация Чехословацкого государства вызвала шок и возмущение европейской общественности. Главный "миротворец" Н. Чемберлен оказался в крайне двусмысленном положении. Широко разрекламированная аполитетскими политиками "умиротворения" речь премьер-министра в Бирмингеме 17 марта достаточно ярко продемонстрировала его растерянность в новой международной ситуации. Задавая вопросы о том, последняя ли это атака на малые государства и не является ли это шагом к завоеванию мирового господства, ответа на них он не дал. Однако было ясно, что британскому правительству необходимо было найти адекватный ответ на изменившиеся обстоятельства в Восточной Европе. Но можно ли оценить таким образом гарантии, данные Великобританией Польше в совместном коммюнике от 6 апреля?

Прежде всего, необходимо отметить, что отношения между Великобританией и Польшей после 15 марта носили достаточно странный характер: так себя Великобритания в межвоенный период ни до, ни после не вела. К примеру, точных сведений о том, каково состояние польско-германских отношений на тот момент, у британского правительства не было. Польские

дипломаты и сам Ю. Бек особенно не распространялись о требованиях гитлеровцев, выдвинутых в достаточно грубой форме в адрес Польши. А британский кабинет постарался обойти молчанием проблему национальных меньшинств, о правах которых в Чехословакии он так беспокоился в 1938 году.

Более того, выступая в палате общин 31 марта 1939 г., Н. Чемберлен фактически заявил о том, что Великобритания предоставит помощь Польше без взаимного обязательства с польской стороны. Это была односторонняя гарантия. Причем, вопрос о том, угрожает ли кто-либо независимости Польши, решало польское правительство и лишь в соответствии с его решением начинало действовать британское правительство. Другими словами, вопрос о вступлении Великобритании в войну становился прерогативой правительства иностранной державы. Это был достаточно опасный прецедент в развитии дипломатии, который вызвал неоднозначную реакцию в мире. В заявлении Н. Чемберлена содержалась еще одна формулировка, очень существенная. Речь шла о том, что Великобритания гарантирует независимость Польши, но не ее территориальную целостность. Кроме того, британское правительство должно было выступить только в том случае, если Польша вооруженным путем оказала бы отпор агрессии.

Март 1939 г. закончился как будто формированием блока государств, направленного против эвентуальной агрессии Германии. Но агрессивный блок в Европе усилился за этот месяц в значительно большей степени: Германия присоединила к рейху Чехию и Моравию, захватила Мемель, поставила в вассальную зависимость Словакию, генерал Франко объявил о вступлении Испании в антикоминтерновский пакт. Напряженность в Европе возрастала, обстановка ухудшалась с каждым месяцем. Угроза европейской войны буквально висела в воздухе. Видимо, крайне взрывоопасная ситуация в Европе после 15 марта вызвала поспешные шаги британского правительства о принятии на себя даже односторонней гарантии Польше, с тем чтобы оказать воздействие на Германию, со стороны которой надвигалась наиболее ошутимая угроза войны.

6 апреля 1939 г. было опубликовано совместное британ-

ско-польское коммюнике о заключении договора о взаимных гарантиях в случае вооруженного нападения на одну из сторон. В коммюнике оговаривалось, что договор вступает в силу не только в случае непосредственной, но и косвенной угрозы независимости одного из подписавших его государств. Великобритания назвала Нидерланды, Бельгию, Швейцарию и Данию в качестве государств, нападение на которые она по считала бы косвенной угрозой своей независимости, Польша - Венгрию, Румынию, Эстонию, Латвию и Литву. Таким образом, односторонняя гарантия, объявленная Н. Чемберленом 31 марта стала двусторонней гарантией 6 апреля. Не останавливаясь на вопросе о влиянии британско-польского договора на европейскую ситуацию (это отдельный вопрос), постараемся проанализировать причины и побудительные мотивы правительства Н. Чемберлена, приведшие к его заключению.

Предположение, что такой убежденный "умиротворитель" как Н. Чемберлен отказался от своей политики, не соответствует действительности. Напротив, существуют достаточные доказательства, что он от политики "умиротворения" не отказался до конца своего пребывания на посту премьер-министра. На протяжении всего межвоенного периода вплоть до конца марта 1939 г. британское правительство упорно уклонялось от принятия прямых обязательств в Восточной Европе. Наиболее наглядно это продемонстрировал чехословацкий кризис 1938 г., когда стала ясной опасность наличия союзных договоров в кризисной ситуации. Великобритания союзного договора о взаимной помощи с Чехословакией в случае агрессии не имела. У Чехословакии подобные договоры были с Францией и СССР, у Франции - с Великобританией. И поэтому британское правительство приложило максимум усилий, чтобы любой ценой не допустить вооруженного конфликта между Германией и Чехословакией. В этом случае автоматически вступал бы в силу французско-чехословацкий договор и Франции в такой ситуации было бы почти невозможно отказаться от своих обязательств. В свою очередь это повлекло бы за собой участие в конфликте Великобритании благодаря союзному договору с Францией. И предупреждение о подобном развитии событий

было достаточно твердо высказано Гитлеру в мае 1938 года. Гитлер был вынужден отступить. Но британское правительство осознало значимость и опасность именно двусторонних договоров о взаимной помощи в условиях обострения международного положения.

Что же происходило в марте 1939 г.? Обстановка в Европе резко ухудшилась. Угроза Польше со стороны Германии после аннексии Чешских земель и Моравии была столь же очевидна, как и угроза Чехословакии годом ранее после аншлюса Австрии. Но Великобритания, казалось бы, проводит в 1939 году политику, кардинальным образом отличающуюся от политики 1938 года. Несомненно, британское правительство ищет пути воздействия на Гитлера, чтобы удержать его от развязывания войны. Но открыто проводить мюнхенский курс, т.е. "умиротворять" Германию за счет территории Польши, намного труднее, чем год назад. Возмущение наглыми агрессивными действиями нацистов слишком велико. И Британия идет на заключение двустороннего договора с Польшей. Но основная идея британской политики — любой ценой не допустить открытого вооруженного конфликта — осталась неизменной. Поэтому мне представляется, что в марте 1939 г. предоставление гарантий Польше британское правительство пыталось использовать для оказания давления на Гитлера, с тем чтобы он осознал опасность для Германии в случае развязывания войны против этой страны.

Наличие британско-польского договора делало практически неизбежным участие Британии в возможной германско-польской войне. Поэтому британские гарантии — это не готовность Великобритании дать вооруженный отпор агрессии, а попытка оказать воздействие на Германию с целью заставить ее согласиться на переговоры. И переговоры выдвинулись британской стороне скорее всего в духе Мюнхена. Чемберлен был убежденным сторонником "умиротворения". Активный политический курс на борьбу против агрессоров вплоть до вооруженной борьбы с ними был ему глубоко чужд. Следовательно, политика гарантий, с моей точки зрения, была лишь модификацией мюнхенской политики. Британское правительство в данном слу-

чае использовало другой метод для той же цели: не допустить именно вооруженного отпора эвентуальной агрессии. Но в результате оно угодило в ловушку, и 3 сентября Чемберлен был вынужден сделать то, что противоречило всей его политике — объявить войну Германии. Если бы не было двустороннего договора с Польшей, события могли бы пойти и по другому пути.

Несколько слов относительно советских предложений от 18 марта 1939 года. Предложения Советского правительства созвать международную конференцию, с тем чтобы обсудить ситуацию в Европе, мне представляется предложением, не отвечающим реалиям европейской ситуации, которая сложилась в тот момент. Потому что уже в конце 30-х годов стало ясно, что отношения между европейскими странами основываются на такой степени взаимного недоверия и даже враждебности, что здесь международные конференции вряд ли могли привести к какому-нибудь позитивному итогу. Тем более, что позитивный итог, если его можно назвать позитивным, имела перед этим только одна международная конференция конца 30-х годов, и ею была мюнхенская конференция. Но такого успеха международной конференции, естественно, не желала бы ни одна сторона, которая действительно собиралась бороться против агрессии. И только ведь в 1975 году европейская международная конференция увенчалась успехом, я имею ввиду то, что произошло в Хельсинки. Да и то, от Хельсинки до Вены прошло еще более десяти лет. Дело в том, что предложение о созыве международной конференции в ситуации всеобщей враждебности и подозрительности вряд ли было продуктивным. Можно напомнить и о том, что в докладе И.В.Сталина на XIII съезде ВКП(б) наиболее резкие выпады были обращены в адрес Франции и Великобритании. Поэтому советские предложения о готовности сотрудничать в борьбе за коллективную безопасность, сформулированные к тому же в достаточно общем виде, фактически повисли в воздухе. Практически к тому моменту у Советского Союза не осталось ни одного соседа, настроенного по отношению к нему дружественно. Несомненно, отрицательное влияние на международный престиж СССР оказал раз-

гул репрессий в стране, который привел в частности к разгрому Наркомата иностранных дел, отставке М. Литвинова в мае 1939 г.

Британские гарантии Польше не остановили опасного развития событий, приведшего к развязыванию второй мировой войны. Правительство Н. Чемберлена не отказалось от проведения политики "умиротворения". Попытка оказать давление на Гитлера не увенчалась успехом, потому что оставались неизблевыми основные принципы британского внешнеполитического курса 30-х годов.

НА ПУТИ К КАТАСТРОФЕ

(Из истории внешней политики Польши в 1938–1939 гг.)

Могла ли Польша избежать катастрофы сентября 1939 г. и последовавшего за ней кошмара гитлеровской оккупации? Представляется, что она не могла избежать агрессии со стороны нацистской, империалистически-разбойничьей Германии. Но эта агрессия не обязательно должна была привести к утрате Польшей государственной независимости, к последовавшему затем истреблению оккупантами 1/5 польского населения, к неисчислимым материальным, духовным и другим потерям. Несомненно, что гитлеровский рейх обладал многократным военно-экономическим превосходством над Польшей. Однако само по себе это вовсе не предопределяло того, что постигло Польшу.

Несомненно при ином курсе внешней политики польских правящих кругов страна не была обречена на то, чтобы в трагические дни начала сентября 1939 г. единоборствовать с агрессором. Достаточно было бы взвешенно оценить судьбу, постигшую в 1938–1939 гг. Чехословакию, для того, чтобы понять фальш, фиктивность тех гарантий со стороны Англии и Франции от надвигавшегося на Польшу покушения агрессора, для того, чтобы, избегая неравного противоборства с ним, пресечь политику противопоставления Польши Советскому Союзу – единственной стране, которая могла и в пределах от нее зависевших делала все возможное и для создания системы коллективной безопасности в целях обуздания самых агрессивных сил империализма – гитлеровской Германии и ее партнеров, и для установления дружеских отношений с Польшей и военного сотрудничества с ней в случае, если она станет жертвой агрессии. Но все инициативы советской стороны, направленные к преодолению того противостояния Советскому Союзу, которые практически являлись доминантой польской внешней политики, неизменно так или иначе отвергались польскими пра-

вящими кругами.

Польша не изменила своего отношения к СССР и тогда, когда после противоправной Мюнхенской сделки, после захвата Польшей Заользья, т.е. прямого соучастия в расчленении Чехословакии, — а это принесло Бэку высшую государственную награду — орден Белого Орла, а также звание доктора "почета ради" (" honoris causa ") сразу двух университетов¹, обнаруживаются довольно существенные изменения в ранее длительное время, — практически с установления гитлеровской диктатуры, — почти ничем не омрачавшихся польско-германских отношениях. Вскоре же после Мюнхенской конференции, 24 октября 1938 г. гитлеровский министр иностранных дел И. фон Риббентроп указывает польскому послу в Германии Ю. Липскому, что сохранение сложившихся доброжелательных польско-германских отношений возможно в том случае, если Польша согласится на включение "вольного города Данцига" в состав рейха и на выделение экстерриториальной зоны через так называемый польский коридор; в этой зоне Германия намеревается проложить железную дорогу и автостраду для обеспечения прямой связи Восточной Пруссии с остальной Германией.

Польша оказалась в сложном положении. Желая упрочить ее позиции Советский Союз по дипломатическим каналам дал понять польскому правительству, что он считает нежелательным удовлетворение притязаний Германии, а опубликованное 27 ноября 1938 г. сообщение Телеграфного агентства Советского Союза подтверждало благожелательное отношение СССР к Польше, что было особенно важно в связи с становившейся достаточно очевидной угрозой ее целостности, на которую в послемиюнхенские дни открыто нагло покушалась гитлеровская Германия.

Казалось бы, пожелания высказанные Риббентропом, должны были весьма встревожить польское правительство. Учитывая ухудшавшееся положение Польши, Советское правительство проявляет далеко идущую готовность к улучшению советско-польских отношений. С этой целью М.М. Литвинов неоднократно беседовал с польским послом в Москве

В. Гжибовским, что нашло отражение в опубликованном в советской и польской печати сообщении.² Попутно нельзя не отметить, что в личном докладе вице-министру иностранных дел Польши Я. Шембеку, Гжибовский, настаивая на том, что Польша на практике, а не только в декларациях должна проводить политику неучастия в антирусских комбинациях, не преминул подчеркнуть, "что лично он в русской проблеме стоит за наши (т.е. польские - авт.) границы 1772 г."³ Если уж такой оравнительно трезво мыслящий дипломат, как Гжибовский видел какую-то "русскую проблему" и не отказывал себе в выражении желания видеть Польшу подобной многонациональной магнатско-шляхетской Речи Посполитой ХУШ в., то не приходится гадать о том, что было предметом мечтаний еще более авантюристически мыслящих правителей Польши.

Несколько обеспокоенный "пожеланиями" Риббентропа Бек как только это оказалось возможным отправился на прием к Гитлеру. Их встреча произошла 5 января 1939 г. в Берхтесгадене. Подтвердив позицию Германии в отношении коридора и Данцига, Гитлер в целом выражал удовлетворение развитием польско-германских отношений и особую заинтересованность Германии в том, чтобы Польша располагала силами, достаточными для того, чтобы противостоять России; отвечая фюреру, развернувшему удобную ему картину развития европейских отношений, Бек сказал, что Польша рассматривает Украину в свете взглядов Пилсудского о "балканизации" этой части Европы и что десятилетиями Польша видит в пространствах, находящихся к западу от Днепра свои территории.⁴ Подхватив этот многозначительный намек Бека, вполне соответствовавший замыслам гитлеровцев разжечь антисоветские поползновения польских правящих кругов, Риббентроп, посетив в январе 1939 г. Варшаву в связи с пятилетием польско-германского договора 1934 г., при обсуждении с Бекем вопроса о польских интересах на Балтийском море, недвусмысленно говорит своему собеседнику: "Черное море тоже море"⁵

Вскоре последовал новый акт гитлеровской агрессии:

поправ принятие на себя обязательства, гитлеровская Германия инспирировала провозглашение 14 марта 1939 г. "независимости" Словакии, а на следующий день приступила к захвату всех чешских земель, обратив их в германский "протекторат". Но не только гитлеровская Германия вооруженным вторжением на чешские земли растоптала мюнхенские соглашения: Англия и Франция, вопреки обязательствам принятым ими в Мюнхене, ограничились лишь формальным протестом и не предприняли никаких мер к защите гарантированных ими мюнхенского соглашения.

Лишь Советское правительство 18 марта осудило произвольные, насильственные, агрессивные, противоправные действия гитлеровской Германии и указало на то, что действия Германии усилили опасность, угрожающую всеобщему миру.⁶ В какой-то мере отдавая себе в этом отчет, английское правительство 21 марта предложило, чтобы Англия, СССР, Франция и Польша договорились о совместных консультациях в целях принятия общих мер противодействия агрессии против какого-либо европейского государства. Когда СССР без промедления сообщил о своем согласии с этим предложением, Англия неожиданно заявила, что считает вопрос о декларации отпавшим. Вероятно тут не последнюю роль сыграла и позиция Польши: хотя речь в английском предложении шла не больше, чем о консультациях, Бек поручил польскому послу в Лондоне уведомить английское министерство иностранных дел о том, что Польша возражает против участия СССР в каких либо соглашениях, которые могут привести к обязательствам о взаимопомощи, но приняла бы соответствующее двустороннее англо-польское соглашение.⁷

Так как западные страны упорно продолжали противодействовать советской политике борьбы за мир и коллективную безопасность, то Германия безнаказано 22 марта оккупировала порт Клайпеда и клайпедскую область, а 23 марта добилась подписания Румынией "хозяйственного договора", превращавшего Румынию в гитлеровского сателлита. Практически позиции Польши настолько ухудшились и

вся обстановка в Европе стала столь взрывоопасной, что даже такой рьяный вдохновитель политики потворствования гитлеровской агрессии как английский премьер-министр Н. Чемберлен посчитал нужным заявить 31 марта 1939 г. в палате общин, что в случае угрозы польской независимости, которую Польша будет отстаивать своими силами, Англия придет ей на помощь.

Как бы разъясняя смысл декларации премьер-министра, влиятельная английская газета "Таймс" писала, что суть английских гарантий состоит в защите независимости Польши, а вовсе не ее территориальной целостности.⁸ Но гитлеровская Германия вовсе не собиралась удовлетвориться присоединением Данцига и прокладкой "коридора" через "коридор": как раз через несколько дней после выступления Чемберлена, 3 апреля 1939 г. германское верховное командование утвердило совершенно секретный план операции "Вейс", имеющий целью "окончательно расчитаться с Польшей", т.е. уничтожить ее как независимое государство. В качестве контрольного срока начала осуществления этого плана намечалось 1 сентября 1939 г.

В связи с выступлением Чемберлена в палате общин Бек отправился в Лондон. Конечно, он не мог знать ни о плане "Вейс", ни того, что волею судьбы завершением англо-польских переговоров и вовсе не в прямой связи с ними Италия нападет на Албанию и что Балканский полуостров станет театром военных действий.

Между тем, в ходе непродолжительных англо-польских переговоров в Лондоне английские гарантии Польше, о которых говорил Чемберлен 31 марта, приобрели форму опубликованного 6 апреля двустороннего соглашения о взаимной помощи в случае прямой или косвенной угрозы независимости одной из договаривающихся сторон.¹⁰ Несомненно, такое соглашение могло тешить тщеславие Бека, охотно согласившегося на то, что и Польша стала "гарантом". Но при учете соотношения сил, географической удаленности обеих стран и — далеко не в последнюю очередь той проверки значимости английских гарантий, абсолютную бесполезность которых

убедительно раскрыла трагедия Чехословакии, поездка Бека не принесла Польше каких-либо положительных результатов.

Зная подлинную цену данных им гарантий, следуя своему курсу на осложнение ситуации в Восточной Европе и "канализации" германской экспансии в направлении Советского Союза, английское правительство 14 апреля 1939 г. обратилось к Советскому правительству с предложением дать одностороннее обещание об оказании помощи тому из европейских соседей Советского Союза, которому эта помощь может понадобиться и таким путем, который будет сочтен для этого наиболее удобным. II

Естественно, что эти предложения, ставившие СССР в неравноправное положение по отношению к Англии и ее союзнице - Франции, были неприемлемы для Советского правительства. Советский Союз 17 апреля выдвинул свои предложения о заключении между Англией, Францией и СССР договора об оказании всяческой помощи в случае агрессии в Европе против любого из них, а также против любого восточноевропейского государства, расположенного между Балтийским и Черным морями и граничащего с СССР.¹²

Длительное время советские предложения оставались без ответа. Между тем, 28 апреля в 11 ч. 45 м. германское правительство уведомило польское правительство о том, что в связи с заключением англо-польского соглашения, подписанного в начале месяца, оно считает потерявшим силу польско-германскую декларацию о ненападении, подписанную в январе 1934 г. Буквально через 15 минут началось транслировавшееся по радио выступление Гитлера, показавшее нарастающую агрессивность позиции и по отношению к Польше и по отношению к Англии - Гитлер заявил в этом выступлении о расторжении заключенного в 1935 г. англо-германского соглашения о военно-морских силах.

В крайне напряженной международной обстановке 3 мая произошла замена М.М.Литвинова на посту Народного комиссара иностранных дел СССР В.М.Молотовым, сохранявшим и ранее занимаемый им пост главы Советского правительства. Это не меняло внешнеполитического курса СССР на обеспе-

чение мира и организацию коллективной безопасности и свидетельствовало об особой значимости, придававшейся вопросам внешней политики. По времени это важное событие примерно совпало с попытками германской стороны провести какой-то зондаж позиций Советского Союза.¹³

В Варшаве не сумели сделать элементарно правильных выводов из непрерывно обострявшейся международной обстановки, резко усилившейся антипольской кампании гитлеровцев, их явных приготовлений к новым актам агрессии. Как в выступлении Бека 5 мая на чрезвычайном заседании сейма, так и во врученном Германии в тот же день польском меморандуме доказывалось, что разрыв Германией соглашения 1934 г. необоснован, что Польша была и остается добрым соседом Германии и готова к новым с ней переговорам.

Для того, чтобы побудить Польшу, ее правительство, к взвешенному, реалистическому восприятию сложившейся обстановки, в которой именно Польше при любой объективной оценке существовавшего положения предстояло стать очередной жертвой гитлеровской агрессии, в Варшаву в начале мая 1939 г. прибыл заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР В.П.Потемкин. В беседе с Бекком, состоявшейся 10 мая он говорил о готовности СССР оказать помощь Польше в случае ее конфликта с Германией,¹⁴ отметив при этом, что "без поддержки СССР полякам себя не отстоять".¹⁵

На следующий день Гжибовский был приглашен к Молотову. В связи с вопросом о возможности заключения советско-польского договора о взаимопомощи он заявил народному комиссару СССР: "Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности".¹⁶ Но, не говоря уже о том, что этому принципу не придавалось значение при заключении англо-польского соглашения о гарантиях, весной 1939 г. еще осведненнее чем осенью 1938 г. было то, что не СССР, а

Польша находится перед лицом с каждым днем непосредственно приближавшейся гитлеровской агрессии. Казалось бы в таких условиях жизненные интересы Польши диктовали ей проведение политики самого широкого сотрудничества с СССР. Но сквозь неукротимые антисоветизм и авантюризм, свойственные его политике, польское правительство не сумело и не хотело увидеть реальности надвигающейся на страну опасности. Оно надеялось как-то отвести ее сговором с Гитлером, пыталось добиться посреднических действий Италии и Японии, уповало на поддержку западных держав, так и не сумев сделать сколько-нибудь правильных выводов из их "мюнхенской" политики уступок агрессору и ориентации его на действия, влекущие за собой ухудшение международного положения как СССР, так и Польши и прямое вооруженное с ними столкновение.

Имели место и некоторые события, которые способствовали тому, что польское правительство упорно держалось своего курса. Так, 19 мая 1939 г. в Париже начальник французского генерального штаба генерал М. Гамелен и польский военный министр Т. Каспржицкий подписали протокол, в соответствии с которым Франция обязалась в случае германской агрессии против Польши незамедлительно ввести в действие против агрессора свои военно-воздушные силы, через три дня после начала военных действий начать операции ограниченным контингентом сухопутных войск, а на пятнадцатый день войны перейти в наступление всеми своими вооруженными силами.¹⁸ Обязательства то были взяты, но правящие круги Франции, как это и показали последующие события, выполнять их вовсе не собирались.

25 мая английский посол в Москве вручил Советскому правительству разработанный Англией и Францией проект трехстороннего пакта о взаимопомощи. Со времени, когда СССР оделал соответствующее предложение прошло уже 10 недель. Непростительность такой проволочки усугублялась еще и тем, что сам англо-французский проект предусматривал крайне медленный, неопределенный, сложный механизм приведения в жизнь взаимодействия трех держав. 2

июня Советский Союз представил свой проект соглашения, которому должна была сопутствовать взаимобязывающая военная конвенция. Но по вине западных держав переговоры о двух проектах пакта шли медленно и малопродуктивно. Как писала "Правда", кажется, что Англия и Франция хотят не настоящего договора, "а только лишь разговоров о договоре" и стремятся "облегчить себе путь к сделке с агрессором".¹⁹ В этом же направлении действовала и Польша: Бек категорически возражал против того, чтобы в подготавливаемом англо-франко-советском соглашении - так и недостигнутом - вообще упоминалась Польша и что самое возможное оказание Советским Союзом помощи даже подвергшейся нападению Польше недопустимо без ее согласия.²⁰

Лишь 24 июля Советскому правительству было сообщено, что Англия и Франция согласны, наконец, на переговоры о военной конвенции.

Примерно в эти же дни советник Геринга по экономическим вопросам Вольтат вел в Лондоне совершенно секретные переговоры о разделе мировых рынков между Англией и Германией, о возможности заключения англо-германского пакта о ненападении. А это, заметил собеседник Вольтата - главный внешнеполитический советник Чемберлена - Хорас Вильсон, - "дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши", т.е. от "гарантий", объявленных Чемберленом 31 марта и от англо-польской декларации, принятой 6 апреля.²¹

Так как проходившие в Москве по обычным дипломатическим каналам переговоры не приносили каких-либо положительных результатов, правительство СССР 23 июля предложило провести в Москве переговоры специальных представителей Англии, Франции и СССР. Для ведения с СССР переговоров о военной конвенции Англия и Франция направили в СССР военные делегации. Отплыли они из Лондона лишь 5 августа на товаро-пассажирском пароходе, который 10 августа прибыл в Ленинград. Хотя, как оказалось, у главы английской военной делегации вообще не было каких-либо письменных полномочий, а у главы французской делегации полномочия носили

весьма расплывчатый характер, советская делегация, которую возглавлял Народный комиссар обороны К.Ворошилов, считала, что нельзя допускать новых проволочек и необходимо немедленное обсуждение тех совместных военных действий против агрессора, которые обязуются предпринять три державы. Ознакомление с имеющимися в их распоряжении сведениями о вооруженных силах и военной технике не оставило у участников переговоров никаких сомнений, что на их стороне неоспоримое превосходство над вооруженными силами Германии и ее союзников. Естественно надо было решать определенные оперативно-тактические вопросы. Понятно, что особое значение имело то, как западные страны представляют себе взаимодействие своих вооруженных сил с вооруженными силами Советского Союза, не имеющего общей границы с гитлеровской Германией. Опыт истории, в частности опыт первой мировой войны говорил о том, что в таком случае союзные войска выходят на линию фронта через территорию того из союзников, который имеет общую границу с общим противником. Так действовали английские, американские войска, русский экспедиционный корпус сражаясь в войну 1914-1918 гг. на территории Франции вместе с французскими войсками. Поэтому вполне естественен и необходим был вопрос, поставленный К.Ворошиловым на заседании 14 августа: "Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?..."²² Уклоняясь от прямого ответа на кардинальный вопрос, адмирал Р.Дракс, глава английской военной миссии договорился до того, что в случае гитлеровской агрессии и Польша и Румыния "в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит как с ними поступать"²³. В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что западные страны считают, что Советский Союз должен объявить войну Германии в случае ее нападения на Польшу, но не предпринимать никаких военных действий до выхода германских войск к его границам. По-

зияция эта, продиктованная стремлением не помочь Польше, а поставить Советский Союз под удар гитлеровцев, не имела ничего общего с реальной возможностью трех стран договориться о мерах обуздания и сокращения агрессора, не имела ничего общего с исполнением тех гарантий, которые Англия и Франция предоставили Польше и говорила лишь о том, что западные державы намерены не защищать дело мира, а отсиживаться, принося в жертву Польшу и издали наблюдать за той схваткой, в которой окажется Советский Союз, сражаться в Европе с Германией, а в Азии – с ее союзницей Японией.

Для полноты картины следует напомнить, что отдавая себе отчет в абсолютной правомерности вопроса о том, как западные страны представляют себе действия советских войск в случае нападения Германии на Польшу, Англия, а особенно Франция пытались оказать некоторое воздействие на высшие польские инстанции, рекомендуя им хоть в какой-то мере договориться о сотрудничестве с СССР. Но в беседе о французском военном атташе в Варшаве маршал Э. Рыдз-Смиглы соотался на недопускающие этого заветы Пилсудского. А чуть позднее, когда французский министр иностранных дел Ж.Бонне выразил польскому послу Ю.Лукашевичу пожелание, чтобы Польша нашла пути к сотрудничеству с СССР, он услышал, что это невозможно пока Россия не вернет Польше территорий, входивших в состав магнатско-шляхетской Речи Посполитой до первого раздела Польши в 1772 г.²⁴

Понятно, что и позиция Рыдза и слова Лукашевича, заявившему Бонне, что он лишь излагает позицию Бека, не укладываются в рамки чего-то элементарно разумного, чего-то соответствующего пониманию опытными политиками ответственности перед народами за принимаемые решения.

Когда 21 августа 1939 г. в Москве вновь состоялось заседание военных делегаций трех стран, выяснилось, что на кардинальный вопрос, поставленный Ворошиловым 14 августа, западные державы не желают дать какой-либо благоприятный делу мира ответ. Тогда Ворошилов предложил вре-

менно прервать переговоры.

Так по вине Англии и Франции, не оказавших необходимого давления на Польшу, польское правительство отклонив предложенное ему советское сотрудничество, способствовало резкому обострению международной обстановки. Думается, что если бы Англия и Франция пригрозили Польше открытым отказом от своих гарантий в случае отказа Польши от военного соглашения с СССР, то Польша вынуждена была бы принять советскую помощь. А она была бы оказана автоматически, вне всякой зависимости от того, что Англия и Франция, как оказалось, не выполнили своих обязательств и по сути дела предали Польшу. Располагая соглашением Польши на пропуск советских войск через польскую территорию до линии соприкосновения с войсками агрессора, Советский Союз, понятно не стал бы ждать, как это предлагали западные державы выхода гитлеровских войск к советской границе, а развернул бы необходимые операции в боевом содружестве с мужественной польской армией. Путь к этому был отрезан усилиями и польского правительства и западных "гарантов", фактически совместно толкавших Польшу к катастрофе.

Создалось положение при котором у Советского Союза, знавшего к тому же о факте совершенно секретных переговоров, которые велись западными странами с гитлеровской Германией и не могли не быть направлены против СССР, не было никакой-либо альтернативы принятию гитлеровского предложения о заключении договора о ненападении. Договор от 23 августа 1939 г. оказался печальной необходимостью. Но к оценке этого вынужденного акта нельзя подходить через призму оценок ряда последовавших вскоре же ошибочных действий и суждений советской стороны. Это — особая тема. Здесь же, в пределах небольшой статьи хотелось показать лишь то, как и Польша и ее западные "гаранты" совместными усилиями воспрепятствовали осуществлению проводившейся Советским Союзом до августа 1939 г. линии на обеспечение коллективной безопасности и облегчили фашистским агрессорам возможность развязать одну из самых

страшных трагедий истории - вторую мировую войну.

Примечания.

1. Terleski O. Pulkownik Beck. Kraków, 1985, s. 238.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (далее ДМИСПО). т. VI, М., 1969, с. 368-371.
3. Там же, с. 373.
4. Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Washington, 1953, p. 158.
5. Beck J. Dernier rapport, p. 186.
6. Известия, 20 марта 1939 г.
7. Turlejska M. Rok przed kląską, /Wrzesień 1938-wrzesień 1939/. Warszawa, 1960, s. 195-196.
8. Правда, 2 апреля 1939 г.
9. Нюрнбергский процесс. М., 1965, т. I, с. 525.
10. Beck J. Dernier rapport, p. 344-345.
11. Documents on British Foreign Policy. Third Series, v. V, p. 206.
12. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, с. 341.
13. Kleist E. Entre Hitler et Staline. 1939-1945. Paris, 1953, p. 12; Jakemtschouk R. La ligne Curson et la II Guerre Mondial. Louven-Paris, 1957, p. 15.
14. Beck J. Dernier rapport, p. 201.
15. ДМИСПО, т. VII, М., 1973, с. 102-103.
16. Там же, с. 104.
17. Turlejska M. Rok przed kląską, s. 232.
18. Beck J. Przeliminaria polityczne do wojny 1939 g.- "Zeszyty historyczne", Paris, 1970, N 18, s. 83-84.
19. Правда, 29 июня 1939 г.
20. ДМИСПО, т. VIII, с. 120.
21. Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1981, т. 2, с. 70-77; Майский И. М. Воспоминания советского посла. М., 1987, с. 411.
22. Документы и материалы кануна второй мировой войны. с. 233
23. Там же, с. 234.
24. Noël L. Polonia restituta. La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984, p. 227.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
 НАКАНУНЕ 1 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

После Мюнхена, координации своей деятельности с действиями фашистской Германии, Польша была фактически изолирована. Спад мюнхенского ажиотажа, дальнейшее развитие событий – начало гитлеровского давления на Польшу (по вопросу о Вольном городе Данциге-Гданьске) – показали польским правящим кругам, что необходимо искать союзников. Обратилась Польша и к Востоку. К этому польское правительство толкнули одиночество, антигитлеровская позиция польского народа, оппозиционных санации партий, давление военных кругов, а также экономические интересы – необходимость сохранения советских рынков для захваченной в Тешинской области промышленности. СССР же не мог допустить положения "с Польшей против СССР".

Советский Союз продолжал придерживаться политики создания коллективной безопасности и организации общего отпора готовившейся фашизмом войны, политики установления максимально хороших отношений со всеми соседями, которые этого пожелают. В рамках указанной стратегии СССР и Польша подтвердили в ноябре 1938 г. действительность заключенных между ними соглашений, в период Мюнхена весьма обоюсторонних. В феврале 1939 г. был заключен первый в их взаимной истории торговый договор. В Варшаву назначался советский посол. Печати и радио были даны указания умерить антисоветскую прыть. Но все это было возвращением к нормальному климату межгосударственных отношений.¹

СССР в налаживании связей со своим крупнейшим западным соседом готов был идти вплоть до заключения военного союза, направленного против агрессии фашистской Германии, ее практики установления "новых порядков" в Европе.

После 15 марта, когда была ликвидирована независимость Чехословакии, Польша с трех сторон оказалась окруженной германской территорией или ее захватами. Военно-

стратегическое положение Польши было отчаянным. Политическое — не лучше. Теория санации о "равном" удалении от СССР и Германии потерпела крах. 8 марта 1939 г. на совещании высших кругов Германии Гитлер заявил, что после Чехословакии последует Польша. Варшаве надо было решать, о кем идти до каких пределов, возможно ли для нее сотрудничество с СССР.

О надвигающейся войне Польша предполагала или знала. Готовилась к ней военно-экономически: строительство военных заводов в "треугольнике безопасности", попытки модернизации армии. Но планы были выполнены примерно на треть, производство не налажено, уровень обеспечения польской армии не поднялся к нормам механизированных войск, какими в Германии стал вермахт. С марта-апреля 1939 г. началась военная подготовка к войне против Германии. До этого все средства вкладывались в строительство укреплений на Востоке и все планы войны разрабатывались в расчете на столкновение с Советским Союзом. Предпринимаемые меры были поздними, нерешительными, без должных политических выводов из ситуации.

Каждую неделю на стол министру иностранных дел Ю.Беку ложились сводки Генерального штаба. Но политических выводов из донесений польской разведки Бек не делал. Начальник Генерального штаба В.Стахович больше верил Беку, чем своим разведчикам. При этом оба они ненавидели СССР. Опубликованные документы свидетельствуют, что ситуация польскими разведчиками была выявлена достаточно точно. Однако военный диктатор маршал Э.Ридз-Смиглы считал, что сведения эти им подбрасывают гитлеровцы или они преувеличены. Адекватных выводов польское правительство не сделало. Оно переоценивало свои силы, возможности. Дух "державности" не давал реальной оценки для соотношения военно-экономических потенциалов Германии и Польши, не давал увидеть реальных союзников, оценить их географическое расположение по отношению к Польше. Традиции, классовые привязанности толкали польские правящие круги на Запад. В марте 1939 г. Бек сообщил французскому

премьеру, что Польша согласна на ведение двусторонних польско-французских и польско-английских переговоров и даже на заключение соглашения, но тайного. В начале апреля Бек прибыл в Лондон.

Одновременно нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов вел интенсивные переговоры в Москве с польским послом В. Гжибовским (советского посла в Варшаве еще не было, а поверенного в делах Бек не принимал). Литвинов желал выяснить, причины, почему, когда образовался и активизировался блок агрессивных стран, Польша отказывается от общего противостояния агрессивным государствам, почему старается устранить "оседей", которые могут оказать наиболее существенную помощь. Литвинов поставил вопрос о непосредственных советско-польских переговорах.²

3 апреля 1939 г. командование вермахта получило приказ подготовить план нападения на Польшу - "План Вайс".

4 апреля Литвинов вновь пригласил Гжибовского. Он пытался доказать, что равновесие в Европе, которое якобы стремится сохранить Польша, рухнуло. Теперь, когда Польша соглашается заключить пакт о взаимной помощи с Великобританией, надо внести ясность в советско-польские отношения: речь идет не о комбинациях против интересов Германии, против германского народа, а о борьбе с агрессивной фашистской Германией. Гжибовский (Литвинов расценил: скорее от себя) сказал, что "когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР". Нарком ответил, что она может обратиться, когда уже будет поздно.³

Военные атташе СССР в Польше и Литве в беседах с польскими представителями передавали Варшаве, что СССР готов помочь сырьем, вооружением, а, если понадобится, авиацией, механизированными войсками, флотом. В "плане Вайс" не даром был специальный пункт о проведении мероприятий прикрытия на случай действий советских военно-морских сил в поддержку Польши со стороны Финского залива. Военные атташе предупреждали о разработанных гитлеровцами планах нанесения рассекающих ударов на Польшу со стороны Восточной Пруссии и Словакии.⁴

Польское правительство считало для СССР достаточным позицию "союзника ее союзников". Это проявилось и в ходе лондонских переговоров Бека: Польше достаточно, если ее союзники договорятся, чтобы в случае войны с Германией, их военные материалы шли бы в Польшу через Россию, а о самой России имело место экономическое сотрудничество (тактики молниеносной войны Польша во внимание не принимала). Итогом лондонских бесед было коммюнике от 6 апреля, которое в общей форме содержало обязательство взаимных гарантий и обещание заключить англо-польское соглашение. Хотя в нем и была оговорка, дававшая возможность пойти на соглашение с Гитлером, в Берлине оно послужило предлогом для расторжения 28 апреля польско-германской декларации о ненападении и англо-германского морского соглашения.⁵

Гитлеровские провокации в Гданьске, антипольская кампания в Германии показывали польскому народу всю сложность его положения. Антисанационные буржуазные политические силы объединялись, требовали создания правительства национального спасения, ориентирующегося на Великобританию, Францию и СССР. По стране прокатывались антинацистские народные манифестации.

Возмущение политикой санации было столь велико, что 5 мая 1939 г. Бек вынужден был заявить в сейме, что правительство может идти на уступки Германии до пределов, не угрожающих независимости Польши, а далее считает необходимым оказывать сопротивление притязаниям Германии.⁶ После речи Бека его заместитель М.Арчишевский заявил германскому послу фон Мольтке, что Бек готов договориться с Германией, если бы удалось найти формы, которые не выглядели бы как капитуляция.⁷

5 мая Бек заявил о неизменности курса Польши в отношении СССР. По уполномочию советского правительства в Варшаву 10 мая прибыл первый заместитель наркома иностранных дел В.П.Потемкин. Он убеждал Бека в необходимости изменения позиции Польши, в сомнительности эффективной англо-французской помощи Польше во время войны, что без

поддержки СССР полякам не отразить германское нашествие, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала.⁸

11 мая Гжибовский сообщил новому наркому иностранных дел В.М.Молотову, что польское правительство не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР и не согласно на советские гарантии Польше.⁹

23 мая Гитлер заявил: "... польский вопрос обойти невозможно; остается одно решение - при первой подходящей возможности напасть на Польшу... Задача в том, чтобы изолировать Польшу".¹⁰

25 мая советский посол П.И.Шаронов нанес визит Беку и заявил о сочувствии советских людей Польше, о готовности СССР помочь Польше, "но чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, т.е. заранее знать о необходимости помогать". Предложение опять не было принято. Создавалось впечатление, как будто СССР просил о помощи себе, а не предлагал ее Польше.¹¹

Как известно, на англо-франко-советских переговорах, начавшихся 12 августа 1939 г., советское правительство заявило о готовности выставить на защиту Польши большие военные силы, чем уже стоявшие на ее границах части вермахта. СССР просил возможности прохода через виленский и галицийский "коридоры" для осприкосновения о германскими войсками. Бек был тверд: "Польшу с Советским правительством не связывают никакие договоры и польское правительство такой договор заключать не намеревается". Это он заявил 20 августа, после совещания с президентом И.Моссыдицким и маршалом Рыдз-Смиглы.¹²

Переговоры в Москве топтались на месте. 19 августа было заключено германо-советское экономическое соглашение. Впору бы одуматься. Но полномочий на подписание военной конвенции западные делегации по-прежнему не имели. До войны оставалось несколько дней: первый срок нападения на Польшу Гитлер установил на 26 августа. Советский Союз стал искать иные пути обеспечения своей безопасности и ограничения сферы германской агрессии. 22 августа

западным делегациям было сообщено о прибытии в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа. Но лишь глава французской делегации ген. Думенк заявил, наконец, К.Е.Ворошилову 22 августа, что он получил полномочия подписать конвенцию. Франция пыталась "в последний раз" убедить Польшу, но как и ранее "дозированно". 23 августа, когда переговоры миссий были уже прерваны, Бек согласился, чтобы Великобритания и Франция могли бы тактически повернуть вспять ситуацию, предпринимая вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского соглашения, на "тихое соглашение" с формулой: "французский и английский штабы уверены, что в случае общей акции против агрессоров сотрудничество между СССР и Польшей не исключено в условиях, которые надлежит установить. Вследствие этого штабы считают необходимым проведение (обсуждения) с советским штабом всех возможностей". Польским представителям за границей Бек сообщил, что ранее заявленная позиция Польши в отношении СССР окончательная и изменению не подлежит. Бек выразил возмущение, что Советы обсуждали "наши вопросы с Францией и Англией без обращения к нам". Сам же он от непосредственных советско-польских переговоров все месяцы отказывался. Польскому народу ничего не было сообщено об отказах польского правительства от советской помощи.¹³

Виновата ли Польша в войне или нет? Нет! Виновата ли, что не был заключен союз трех, а вернее четырех, наличие которого по признанию одного из руководителей гитлеровского вермахта на Нюрнбергском процессе могло привести к тому, что Гитлер не решился бы развязать войну? Известно, что к такому же выводу пришел после Крымской конференции А.Иден, британский министр иностранных дел. В общем, конечно, виновата, но не более правительства мюнхенских соглашателей. Но во многом санация виновата, что Польша из субъекта международных отношений стала ее объектом. Ее руководство не смогло подняться над узкоклассовыми интересами и понять истинно национальные задачи, задачи общечеловеческие. Оно не могло встать на

позиции защиты мира и демократии от фашизма. Но Польша не ведала, что даже заключив с ней 25 августа договор, оторочивший нападение на Польшу до 1 сентября, Великобритания (и Франция) не собиравшись ей помогать: может, удастся все-таки новый Мюнхен, может, Германия все-таки разгромит социализм. Об этом они хлопотали до 3 сентября (и далее в ходе "отранной войны").

Польша боялась утраты суверенитета, ввода советских войск, "коммунизации польских крестьян" в результате этого акта. Это вывод английских экспертов. Советский Союз и Польша были больны синдромом 1920 г. Этот синдром, чрезвычайная идеологизация советско-польских межгосударственных отношений привели к тому, что даже тогда, когда рухнула польская политика балансирования между Германией и СССР и она вынуждена была вступить в переговоры с Великобританией и Францией, Польша отвергала неоднократные советские предложения об оказании ей помощи в предотвращении или отпоре гитлеровского нашествия. Никакого военного союза с СССР, никакого участия в коллективных действиях, участником которых был бы СССР. Такса продолжала оставаться точка зрения санационного руководства Польши.

Изменения в советской внешней политике, связанные с назначением на пост Наркома иностранных дел В.М.Молотова, привели к тому, что в результате трудностей в англо-франко-советских переговорах о военной конвенции - в создание которых внесла свою лепту и санация - была выбрана иная альтернатива обеспечения, хотя бы на период завершения перевооружения Советской армии, безопасности Советского Союза.

В условиях нератифицированного советско-германского соглашения и продолжавшихся лихорадочных переговоров (англо-германских и германо-итальянских; акций США и Ватикана; предложений, сделанных Молотовым послам Великобритании и Франции возобновить переговоры "через неделю") - советско-польские отношения не изменились внешне. Заместитель наркома С.А.Дозовский заявил 26 августа, что

договор о ненападении с Польшей остается в силе. Уже после начала войны, 2 сентября Шаронов, ссылаясь на интервью К.Е.Ворошилова, спросил Бека, почему Польша не обращается за помощью к СССР. Гжибовский сделал это только 5 сентября, когда немецко-фашистские войска подходили уже к Варшаве. Гжибовский и теперь повторил только то, на что был согласен несколько месяцев назад Бек.¹⁴ Польша осталась на прежних позициях. Молотов ответил послу, что советская сторона намерена в точности выполнять предписания торгового договора. Что же касается поставок из СССР в Польшу военных материалов, транзита и т.д. то это маловероятно в конкретной международной ситуации, когда в войне уже участвуют Польша, Германия, Великобритания и Франция. Советский Союз не хочет быть втянутым в войну на той или другой стороне и должен принимать меры для обеспечения своей внешней безопасности.¹⁵

Примечания.

- 1 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (далее ДМИСПО), М., 1973, с.67-69.
- 2 Там же, с.73-75.
- 3 Там же, с.82.
- 4 Там же, с.88.
- 5 Sprawa polska na arenie międzynarodowej w okresie drugiej wojny światowej. Warszawa, 1964
- 6 Ibid., с.23-27.
- 7 Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. М., 1981, т.2, с.99.
- 8 ДМИСПО, с.103.
- 9 Там же, с.167.
- 10 Там же, с.111.
- 11 Там же, с.112. 12. Там же, с.167
- 13 Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 r. Warszawa, 1987.
- 14 Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. т.2, с.399.
- 15 Documents on polish-soviet relations, v.1, p.5-6

ДОКУМЕНТЫ ВЕНГЕРСКИХ АРХИВОВ ОБ
ОККУПАЦИИ ИТАЛИЕЙ АЛБАНИИ В 1939 г.

Из всех дипломатических документов Венгрии, относящихся к Албании до сих пор опубликован на венгерском языке только один, излагающий обстоятельства оккупации Албании итальянскими войсками. С 3 по 6 апреля 1939 г. венгерского посланника в Риме и Тиране Ф. Виллани трижды вызывал министр иностранных дел Италии Г. Чиано и в порядке консультаций сообщил ему о намерении Италии оккупировать Албанию. В эти дни итальянские войска уже сосредотачивались в Бриндизи, Бари и на границе с Югославией. В марте 1939 г. Венгрия захватила Закарпатскую Украину и армия ее была отобюлизована. Чиано был против демобилизации: если Италия не договорится с Югославией, то Венгрия сможет "прирастить страну" на юге¹. Чиано сообщал также Виллани, что поведение А. Зогу становится все более подозрительным и угрожает интересам Италии в Албании. Король, уже давно не пользовавшийся доверием Италии, неоднократно пытался возбудить интерес западных стран к Албании, заигрывал с Югославией, хотел заключить договор с Грецией, стремился заручиться поддержкой Германии (в надежде выхода ее к северному берегу Адриатики). Дуче шадил Албанского короля (который без поддержки Италии давно потерял бы свой трон) еще и потому, что его просто неким было заменить.

В первой половине марта 1939 г., ссылаясь на албанско-итальянский договор об "оборонительном союзе" от 22 ноября 1927 г., Зогу попросил у Чиано войска, для отражения опасности, грозящей Албании "с севера и востока". Чиано отказал, утверждая, что Югославия не будет рисковать дружбой с Италией из-за нападения на Албанию² и предложил королю углубить союзнические отношения. Через посланника Ф. Якомони Зогу был передан проект договора, который внешне не затрагивал суверенитет Албании, а по

существо "все же полностью связал бы ее руки как во внешней, так и во внутренней политике". При этом Чиано рассуждал следующим образом: "Теплые отношения между малой страной и 45-кратной великой державой очень близки к протекторату"; если король проект подпишет, то он удержит трон, Италия берет в свои руки экономические источники страны как вознаграждение, королю предоставляется возможность заполнить оставшуюся открытой в договоре графу госбюджета о сумме расходов на королевскую семью; если же король не подпишет этот документ, то придется оккупировать Албанию и лишить Зогу трона.

Король тянул с ответом, а между тем совещался с греческим посланником, в течение нескольких дней 8 раз принимал английского посланника (прежде он принимал лишь Якомони и тех посланников, которые выполняли эту функцию по совместительству, т.е. не жили в Тиране). Кроме того, король мобилизовал на своей родине Мати 5 тыс. добровольцев для защиты столицы и побережья, подкрепил их выпущенными из тюрем узниками (в Тиране они окружили итальянское посольство, дома итальянцев поместили черными крестами, оскорбляли их на улицах).

В этих условиях Чиано предпринял еще одну попытку решить возникшую проблему и направил в Тирану Шерреги, сменившего в Риме албанского посланника Беретти, с посланием дуче, носившим ультимативный характер. Но Шерреги возвратился в Рим без ответа. Итальянское правительство использовало для воздействия на Зогу и других своих сторонников. Так, префект Дурреса, один из доверенных Зогу, бывший поверенный в делах Албании в Риме М.Кодели бежал в Бари, откуда по радио призвал албанцев выступить против короля, "ведущего на государственные средства роскошную жизнь, когда его подданные голодают". Виллани сообщал и о тех сотнях писем "с одинаковыми текстами", которые получил Чиано от знатных албанцев, просивших Италию освободить их от деспотизма и предлагавших албанскую корону Савойскому дому. Чиано перечислил ряд фамилий албанских политических деятелей, которые оказывали нажим

на короля, чтобы тот подписал проект договора. В их числе: председатель парламента П.Эвангели, министр внутренних дел М.Юка, который не считался другом Италии, байрактары — главы племен миридитов и малишор, Бушати Вриона и Влёри. Но крайние националисты, и что особенно поразило Чиано, министр иностранных дел Либохова, которому итальянцы полностью доверяли, знать Кочи и Гирокастры подстрекали короля к сопротивлению, а затем и угрожали ему поднять против него всю нацию, если он пойдет на уступки. В связи с этим Виллани ставил вопрос: остался бы жив король, подписав договор?

Ночью на 7 апреля 1939 г. итальянские войска из Бари и Бриндизи на быстроходных катерах были направлены на албанский берег в Дурресе, Влёре и двух других портах. В акции приняли участие 28 тыс. человек, легкая и тяжелая артиллерия, военные корабли, самолеты, в т.ч. 130 бомбардировщиков. В обозе войск находились и албанские эмигранты, мечтавшие отомстить Зогу. Сопротивление оккупантам было незначительным. Итальянцы потеряли примерно 20 человек убитыми и 50 ранеными. Король с семьей и ближайшим окружением бежал в Грецию. Виллани писал, что несмотря на всю неприязнь к итальянцам, в Тиране их все еще любят больше чем короля.

По мнению Виллани, оккупация Албанией дала Италии ключ над Адриатикой, открывающий путь на Балканский полуостров³. "Мы венгры, — писал он, — видим, как оно есть на деле. Произошло прекращение государственной самостоятельности древнего, малого, свободолюбивого, нам братского народа, но в то же время нам надо радоваться приращению могущества великой итальянской империи, которая как раз в этой части Европы может привести и нас ближе к осуществлению наших притязаний"⁴.

Не прошло и 10 дней после этого донесения, как в Риме встретились Муссолини, Чиано и министр иностранных дел Венгрии Т.Чаки. По записи бесед прошедших 18-20 апреля 1939 г. (составленной Чаки), тогда затрагивался и албанский вопрос. Руководители Италии бегло упомянули,

что оккупация Албании вызвана двойственным поведением короля Зогу, но из бесед сильно чувствовалось, что "главной причиной было стратегическое положение Албании". Теперь Адриатическое море Италия действительно может считать своим внутренним морем. С военной точки зрения итальянское правительство считало Албанию ключевой позицией на Балканах. Хотя Муссолини вновь заявил, что не собирается менять "статус кво" на Балканах, "но он, как и граф Чиано, несколько раз указывали на то, что теперь Салоники находятся в 140 км от итальянских позиций, а граница Болгарии - в 100 с лишним км"⁵.

Примечания.

1. Кроме Ф. Виллани в тайну подготовки нападения Италии на Албанию были посвящены посланники Германии в Риме Маккензен и Югославии - Кристич.

2. По мнению Чиано, Зогу рассчитывал именно на войну, в которой приобрел бы заселенные албанцами районы Косово и северо-албанских Альп.

3. Кроме того он указывал на экономические выгоды Италии, получившей возможность осваивать природные богатства страны, обращал внимание на то, что Италия сможет переселить в Албанию около 3 млн. своих лишних людей.

4. Diplomáciai iratok Magyarorszáг külpolitikájához. 1936-1945. IV. Magyarorszáг külpolitikája a II. világháború kitörésnek időszakában. 1939-1940. Budapest, 1962, 157 old.

5. Ibid., 159-182 old.

ГИТЛЕРОВСКИЕ ПЛАНЫ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬШИ И
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ЛЕТОМ 1939 г.

До 1938 г. Гитлер, по-видимому, имел намерение сговориться с польскими правящими кругами на антисоветской платформе и использовать Польшу в будущем как инструмент своей внешней политики, превратив отношения с ней в отношения вассала и сателлита для осуществления своих планов восточной "антибольшевистской" экспансии. Вполне возможно, что вплоть до первых месяцев 1939 г. Гитлер намеревался, в случае, если Польша безоговорочно подчинится его требованиям, предоставить ей в будущем при установлении "нового порядка" в Восточной Европе, такой же статус, как тот, который он предоставил позднее словакам, румынам и венграм. Вполне возможно также, что требования, предъявленные Гитлером Польше о возврате Данцига и строительстве экстерриториальной автострады и железной дороги через "корридор" имели целью прозондировать польскую позицию: подчинится ли она немецкой претензии на руководство особенно после польско-германского сотрудничества в период чехословацкого кризиса, за которое Польша была вознаграждена в начале октября 1938 г. Тешинской Силезией? Кроме того, эти требования были попыткой прозондировать и позиции западных держав: предоставят ли они Германии, после заверений Гитлера в Мюнхене, полную свободу действий на Востоке для осуществления его стратегических экспансионистских целей?

Отклонение Польшей германских требований и обращение за поддержкой к Великобритании и Франции, объявление 31 марта 1939 г. Великобританией, а затем и Францией гарантий Польше перечеркнуло германо-польское сближение. Выяснилось, что Польша, получившая серьезное предупреждение на примере Чехословакии, не была склонна подчиниться германским требованиям. Для Гитлера исчез всякий смысл дальнейшего германо-польского союза. В речи в рейх-

стаге 28 апреля 1939 г. он официально заявил о расторжении всех пактов о ненападении: германо-польского договора о дружбе от 26 января 1934 г. и англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г. Из возможного поощрителя агрессивной германской политики на Востоке Польша превращалась во враждебное государство, которое стояло на пути германских стратегических замыслов. Весной 1939 г. вопрос войны с Польшей был предрешен. В Берлине было принято решение о применении "радикальных мер" и о нападении на Польшу. Однако, можно высказать предположение, что тогда у Гитлера всё-таки не было еще твердого намерения тотального уничтожения Польши. Он высказывался неоднократно за сохранение так называемого "Reststaat"; т.е. какого-то "остаточного" марионеточного польского государства, которым он оперировал бы в своих переговорах с Западом вплоть до заключения пакта со Сталиным. Идя сознательно на развязывание второй мировой войны, он, однако, до последней минуты не верил, что Великобритания одержит свои обещания о гарантиях Польше, а с другой стороны стремился "подстраховать" свое нападение на Польшу от вмешательства западных держав.

С мая 1939 г. возобновились переговоры Германии с Советским Союзом. Германия зондировала позиции советского руководства. Эти переговоры явились важным элементом дипломатической подготовки плана "Вайс" (военного плана нападения на Польшу). 26 августа 1939 г. Гитлер писал Муссолини, уговаривая его помочь Германии в войне с Польшей активной пропагандой и соответствующими военными демонстрациями против Великобритании и Франции, заявляя при этом: "... На Востоке, после расправы с Польшей, Германия, благодаря соглашению с Россией высвобождает все свои силы"¹. Многие западные историки считают, что заключение германо-советского договора было нужно Гитлеру для нейтрализации Советского Союза при походе на Польшу. По всей видимости, Гитлер всё же сомневался, что Великобритания и Франция останутся нейтральными в случае нападения Германии на нее. Они подчеркивают, что на достижение

германо-советской договоренности Гитлер пошел прежде всего для "подотраховки" "польского предприятия" на случай "западного вмешательства". Германская сторона предлагала "нормализацию политических отношений", как мне думается, и с еще одной целью - с целью нейтрализации советской антифашистской пропаганды.

Германо-советские переговоры велись, как известно, с перерывами. С 27 июля 1939 г. велись переговоры о заключении экономического соглашения, которое было подписано 19 августа 1939 г. Вел эти переговоры с советским поверенным в делах Г. Астаховым и советским торгпредом в Берлине Е. Бабариным руководитель экономико-политического отдела германского МИД посланник Ю. Шнурре. Германская сторона предлагала нормализацию политических отношений, настаивала на обличении двух стран, обосновывая это "отсутствием серьезных политических противоречий от Балтийского до Черного моря", "идеологической близостью" - неприятием капиталистических западных демократий. На встрече с Астаховым и Бабариным Шнурре пытался играть на общности позиций гитлеровской Германии и Советского Союза в отношении западных держав. Он заявил советским представителям: "При всем различии нашего мировоззрения в идеологии Германии, Италии и Советского Союза есть одно общее - наше противостояние капиталистическим демократиям. Поэтому, - продолжал он далее, - мне кажется удивительно парадоксальным, что Советский Союз, как социалистическое государство, хочет выступить исключительно на стороне западных демократий"². В записи беседы Шнурре зафиксировал далее, что советские дипломаты, упрекая национал-социализм в идеологической вражде к СССР, заверили его, однако, что Москва "всегда имела полное понимание внутри политического противоборства с коммунизмом". Если запись эта хоть в какой-то степени соответствует действительности, то напрашивается вывод, что интересы германских коммунистов и Коминтерна в целом приносились в жертву сталинским расчетам на сделку с фашистской Германией. Это заявление советских представителей дало основание

Шнурре записать в отчете о "преобразовании русского большевизма в последние годы". "Коминтерн, — записал он, — в своем значении отступил далеко назад в сравнении с Политбюро, в котором сейчас делается совершенно другая политика, чем в то время, когда Коминтерн был доминирующим"³.

Предлагая сталинскому руководству нормализацию отношений германская сторона обещала ему совместное участие в переустройстве Восточной Европы с учетом "жизненно важных интересов России", подчеркивая при этом, что это "будет исключено, если Советский Союз заключит партнерство с Англией против Германии"⁴. Германская сторона обещала советскому руководству, "в случае оближения между Берлином и Москвой", "неучастие Советского Союза в возможном европейском конфликте и, если Москва захочет, германо-русское соглашение о взаимных интересах"⁵. В беседе Шнурре с Астаховым и Бабариным раскрывались карты сталинского руководства, та цена, которую Сталин готов был заплатить за договоренность с Германией. Из этих переговоров явствует, что Сталин был готов согласиться с аннексией Данцига и "коридора" гитлеровской Германией. Астахов, записал Шнурре, "выразил мнение, что Данциг так или иначе отойдет к рейху и что вопрос о коридоре как-то должен быть решен в пользу рейха"⁶. Советскую сторону интересовали при этом, как отметил Шнурре, лишь намерения Германии в отношении "галицийских и украинских земель, принадлежавших ранее Австрии", а также планы Германии в отношении прибалтийских государств и Финляндии и Румынии. Шнурре откровенно выразил удовлетворение нацистского руководства "переменами в международном облике большевизма" вследствие того, что Сталин отказался, по его мнению, от "идеи мировой революции" (буквально он записал: "отложил до греческих календ") и перешел к осуществлению имперской политики. "В результате Германия видит в новой обстановке возможности, которых она ранее не видела"⁷. Германская дипломатия уловила определенную нерешительность позиции сталинского руководства, проистекав-

шую из чувства изолированности, страха перед гитлеровской Германией и неприязни к Великобритании и сделал вывод о том, что соглашение с последней стоит под большим вопросом. У Шнурре сложилось впечатление, "что в Москве еще не принято решение, что в конечном счете надо делать"⁸ и что "в переговорах как с Германией, так и с Англией Советский Союз применяет тактику затяжек"⁹. Поэтому германский МИД резко активизировал усилия, направленные на достижение договоренности со Сталиным. Немцы могли быть довольны результатами этого вондажа. Советский поверенный выразил надежду, что "в Москве эта беседа не останется без определенных последствий с точки зрения последующего разнтия"¹⁰.

Переговоры продолжались в августе 1939 г. Сохранилась запись беседы того же Шнурре с Астаховым и Бабариным от 10 августа 1939 г. Из нее видно, что хотя речь шла об экономических отношениях, о заключении экономического договора, Шнурре вновь добивался выяснения прежде всего позиций советского руководства по политическим вопросам. Его интересовало, как советская сторона относится к Польше, какова позиция СССР в конфликте Германия - Польша. Чрезвычайно важно заметить, что при этом он, явно по указанию сверху, судил гарантии безопасности Советскому Союзу и, как он говорил, "куда более весомые чем английские". Он поспешил сообщить советским представителям об обеспечении "гарантий советских интересов в Польше", о возможности "советско-германского соглашения на этой основе"¹¹. Это было откровенное приглашение к разделу Польши и к сделке на этой платформе.

Переговоры походили на подготовку оговора, далекого от норм нравственности и морали, уважения международного права. Трудно опровергнуть правильность записей бесед руководителя экономико-политического отдела германского МИД с советским поверенным в делах Астаховым и советским торгпредом Бабариным, поскольку советские историки не имеют доступа к записям бесед советских представителей, направленным ими в Москву. Но учитывая то обстоятельство-

во, что документы, составленные Шнурре, предназначались для точного информирования верхов рейха, а главное, учитывая весь последующий ход событий, так сказать всю "клическую картину" событий, можно допустить значительную долю достоверности цитируемых документов. Поддержка Сталиным идеи о разделе Польши сыграла роковую, трагическую роль и предопределила судьбу польского государства.

Возвращаясь к планам Гитлера периода весны 1939 г. можно предположить, что он видимо намеренно избегал заранее определять в деталях будущее Польши. В этом отношении характерна формулировка секретного протокола советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: "Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития"¹². Такая формулировка, как мы видим, лишь определяла в основных чертах разграничение сфер обоюдных интересов в Польше и, таким образом, трагическую судьбу польского государства.

Договоренность со Сталиным, при том, что он получил равное право голоса решать вопрос о будущей судьбе Польши, о ее будущем территориальном устройстве, и, более того, получил уже теоретически намеченную линию раздела польского государства по рекам Нарев, Висла, Сан, предопределила в значительной степени политику нацистов в оккупированной ими стране. Тот факт, что Гитлер нашел в лице Сталина партнера, который был готов так же легко распорядиться чужими территориями и не считаться с нормами международного права, и, что гитлеровская идея о крупномасштабных сферах интересов и разграничении этих интересов нашли у него взаимопонимание, дал Гитлеру несомненно определенный импульс и воодушевил его на осуществление национал-социалистской концепции "нового порядка". Сталин не учитывал того обстоятельства, что нацистское намерение установления "нового порядка" не ограничивалось только территорией Польши. Сегодня хорошо известно, что

такие планы существовали и были зафиксированы в нацистских документах. Достаточно вспомнить небезызвестный "Генеральный план Ост". Нацистские внешнеполитические теоретики с огорчением констатировали в то время (лето 1939 г.), что в случае достижения соглашения с советским руководством и заключения с ним договора, Германия должна будет на какое-то время отказаться от далекоидущих стратегических экспансионистских планов в отношении русских, украинских (а не только западноукраинских и западнобелорусских) земель и прибалтийских территорий. В этом смысле характерна позиция А. Розенберга, шефа внешнеполитического ведомства национал-социалистической партии. Именно под таким углом зрения он оценивал возможное передвижение (в случае заключения германо-советского договора и раздела Польши) советских границ на Запад. Он считал, что в таком случае Германия будет вынуждена отказаться на какое-то неопределенное время от своих стратегических планов разгрома и национального расчленения Советского Союза. Трудно сказать на какое время нацисты собирались отложить исполнение своих агрессивных планов. Известно, что по инициативе германской стороны в 1939-1940 гг. были начаты переговоры о переселении немецкого национально-меньшинства (фольксдойчей) с территорий, которые отошли к Советскому Союзу, а затем осуществлено и само переселение. Эта договоренность с советским руководством о переселении немецкого населения была зафиксирована в секретном германо-советском протоколе, подписанном в дополнение к "Договору о границах и дружбе" от 28 сентября 1939 года¹³. Известно, что Гитлером было запланировано строительство гигантского "восточного вала" вдоль советско-германской демаркационной линии.

Всё это свидетельствует о том, что Гитлер действительно рассчитывал на какое-то время приостановить свою восточную экспансию и опираясь на договоренность со Сталиным "разделаться" с европейскими странами.

Озабоченность А. Розенберга возможной перспективой отсрочки "похода на Восток" отчетливо видна из документа

который был разработан в его ведомстве и направлен затем имперскому министру, шефу имперской канцелярии доктору Ламмерсу. Автором документа был начальник штаба внешнеполитического ведомства Розенберга некий Шикеданц. Документ назывался "Восточноевропейские вопросы" и был датирован 14 июня 1939 г.¹⁴ Шикеданц обращал особое внимание имперских властей, во-первых, на значение западноукраинских и западнобелорусских земель, входивших в состав Польши, как на восточный плацдарм для осуществления стратегических планов Германии против СССР с целью его "разгрома и расчленения". В документе указывалось, что эти территории представляют собой те рубежи, с которых можно обеспечить интересы германского "жизненного пространства" глубоко на Востоке, осуществляя их "не немецкой, а их кровью", т.е. белорусской и украинской. "И в этом качестве, - говорилось в меморандуме, - эти земли будут иметь неопределимое значение"¹⁵. Более того, в нем давались рекомендации, как и каким образом использовать на стороне Германии западноукраинское и западнобелорусское население в случае военного конфликта с Польшей, принимая во внимание, что эти народы постоянно оказывали сопротивление политике колонизации и оккупации, проводившейся польскими властями в отношении их. В меморандуме с озабоченностью констатировалось, что в случае "германо-русского раздела Польши", по которому Западная Украина отоидет к СССР, "Великая Германия сама у себя отнимет многообещающие перспективы расчленения Московии".

Характерно в этом отношении выступление Сталина на XVIII съезде партии, особенно в той его части, которая касалась украинских сюжетов. Сталин сказал следующее: "...характерен шум, который подняла французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют в руках так называемую Карпатскую Украину и т.д., что похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спрово-

пировать конфликт с Германией без видимых на то оснований".

Но, видимо, основания для таких рассуждений у западной прессы были¹⁶.

Выступление Сталина на XIII съезде партии 10 марта 1939 г. показало, что он игнорировал нацистские намерения в отношении украинских и белорусских земель, игнорировал наличие стратегических целей их захвата и использования в качестве плацдарма для дальнейшего развертывания германской агрессии далеко на Востоке, против Советского Союза. 13 марта 1939 г. германский посол в Москве Шуленбург передал в Берлин подробный отчет об этом выступлении и подчеркнул: "примечательно, что ирония и критика Сталина значительно острее обращена против Англии, чем против так называемых государств-агрессоров и, особенно, Германии"¹⁷.

Возвращаясь к украинским и белорусским сюжетам надо сказать, что, наверное, соображения Розенберга и Шикеданца и вообще внешнеполитического ведомства НСДАП оказывали на Гитлера определенное влияние. Однако, в данном случае Гитлер (являвшийся в определенной мере "импровизатором"), видимо, предпочел тактические преимущества пакта с Советским Союзом осуществлению своих более далеких стратегических замыслов.

К началу войны с Польшей, к 1 сентября 1939 г., вопрос о судьбе польского государства еще оставался открытым. Объявление Великобританией и Францией 3 сентября войны нацистской Германии побудило гитлеровское руководство "подстраховать" свою договоренность со Сталиным о разделе Польши. 3 сентября Риббентроп официально призвал Советский Союз к военному вторжению в Польшу, т.е. к занятию своей зоны интересов. Сталин и Молотов очень осторожно реагировали на это предложение. Они заняли выжидающую позицию, потому что, как писал Шуленбург в своем донесении, стремились избежать обвинения в агрессии вместе с Гитлером против Польши в глазах мирового общественного мнения. Как сообщал Шуленбург, Молотов обещал вме-

шаться после полного военного поражения Польши под предлогом оказания "помощи украинцам и белоруссам"¹⁸.

Военное вторжение в Польшу, которое осуществил Сталин и на чем так настаивала германская сторона, явилось решающим фактором в вопросе об окончательном разделе Польши, в решении ее судьбы. Но и в начале сентября, когда Гитлер еще надеялся склонить западные державы к уступкам, он не исключал возможности образования какого-то "остаточного" польского марионеточного государства. В беседе с шефом контрразведки 12 сентября 1939 г. Риббентроп, говоря о всех возможных вариантах германской "польской политики", подчеркнул, что Гитлеру представляется "наиболее симпатичным решением образование какого-то "остаточного" польского государства", потому что тогда он (Гитлер) мог бы вести с этим польским правительством переговоры, — как выразился Риббентроп, — о заключении "восточного мира". В этой же беседе Риббентроп кроме двух альтернатив — германо-советского раздела Польши и создания "остаточного" польского марионеточного государства, зажатого между Германией и Советским Союзом, назвал еще одну, третью возможность — расчленение Польши на отдельные составные национальные части и образование при этом самостоятельной Западной Украины¹⁹.

Тот факт, что Риббентроп официально призвал Советский Союз ускорить занятие отходящей к нему сферы интересов, свидетельствует о том, что у Германии возникли какие-то сомнения или недоверие в отношении договоренности со Сталиным из-за промедления с занятием этих территорий. Сталин же, в свою очередь, видимо опасался, что Гитлер может заключить военное перемирие с "остаточным" польским государством. Соображения такого рода побудили Сталина быстрее, чем это предусматривалось вначале, мобилизовать армию и уже 17 сентября начать ввод советских войск, хотя еще 10 сентября Молотов объявлял германскому послу в Москве, что "Красной Армии необходимо для подготовки похода на Польшу от двух до трех недель"²⁰.

Эти события существенно уменьшили для Гитлера веро-

ность создания более или менее значительного "остаточного" польского государства, о котором шла речь как о возможном партнере для каких-то переговоров.

В своей речи в Данциге 19 сентября 1939 г. Гитлер еще раз заявил, что "окончательная форма государственности" занятых польских территорий зависит в первую очередь от Германии и России. "Совершенно очевидно, - сказал он, - что Польша в том виде, в котором она возникла по Версальскому договору, никогда уже больше не воскреснет. Это гарантирует также Россия". Двадцатого сентября посол Шуленбург сообщил из Москвы, что Сталин решительно против создания польского "остаточного" государства и вместо этого предпочел окончательный раздел Польши вдоль четырех рек по линии Писа-Нарев-Висла-Сан. Во всяком случае он пожелал быстрого окончательного разграничения польских территорий²¹.

В это же время Берлин обратился к Сталину с просьбой об уступке Германии входившей в состав Польши Виленской области (отходившей к Советскому Союзу) Литве, входившей в сферу германских интересов²². 25 сентября Сталин ответил на это предложение контрпредложением. Он предложил уступить Германии в обмен на Литву воеводство Люблин, население которого было чисто польским, и восточную часть территории Варшавского воеводства, используя в качестве границы реку Буг. Предложение Сталина после непродолжительных переговоров было принято германской стороной. По обоюдной договоренности Литва отходила к сфере интересов Советского Союза. Это решение было зафиксировано в секретном дополнительном протоколе к договору "О границах и дружбе" от 28 сентября 1939 г.²³ и, таким образом, решение вопроса о судьбе "остаточного" польского государства целиком было передано нацистской Германии.

Короткое время в выступлениях гитлеровской верхушки еще встречался термин "остаточная" Польша или польское государство. Розенберг в разговоре с Гитлером 29 сентября 1939 г. упоминал о польской "государственности"

на территории между германо-советской демаркационной линией и польскими областями, включенными в состав рейха ("Eingegliederte Ostgebieten"). 30 сентября 1939 г. в указании вермахту Гитлер заявил, что "государственно-политическое оформление территории, лежащей между этой и новой политической границей германской империи" он оставляет за собой²⁴. Последнее упоминание о польском "Reststaat" содержалось в речи Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г., когда он заявил, что целью имперского правительства на "новых территориях" является помимо создания "нового порядка" также "восстановление польского государства, которое как своей структурой, так и своим руководством будет гарантировать, что там никогда не возникнет ни очага пожара против Германской империи, ни центра интриг против России и Германии".

В действительности принципы политики в отношении западных польских земель, включенных в состав германской империи ("Eingegliederte Ostgebieten") и в отношении оставшейся части Польши - генерал-губернаторства - уже были определены Гитлером и никак не согласовывались с понятием польской государственности. 12 октября 1939 г. военная администрация на территориях оккупированной Польши была заменена гражданской. В силу вступили "основные принципы" нацистской политики, началось претворение в жизнь "нового порядка".

Примечания:

1. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Baden-Baden. 1956-1961. Serie D, Bd. VII, Dok. 307, S.263. /ADAP/.
2. ADAP, Serie D, Bd. VI, S.847.
3. Ibid., S.848.
4. Ibidem.
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. ADAP, Serie D, Bd. VI, S.849.
8. Ibidem.
9. Ibidem.

10. Ibidem.
11. ADAP, Serie D, Bd. VII, S.15.
12. Ibid., S.207.
13. ADAP, Serie D, Bd. VIII, S.125-127.
14. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs 1934-1935 und 1939-1940. DTV, München, 1956, S.168-176.
15. Ibid., S.173.
16. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1958, с.610-611.
17. ADAP, Serie D, Bd. VIII, S.1.
18. Ibid., Bd. VII, S.450; Bd. VIII, S.2,3,26,28.
19. Abschagen K.Canaris.Patriot und Weltbürger.Stuttgart, 1950,S.209
20. ADAP, Serie D, Bd. VIII, S.34-35.
21. Ibid., S.82.
22. Ibid., S.88.
23. Ibid., S.129.
24. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung. Dokumente des Oberkommando der Wehrmacht. DTV, München, 1965, S.34-35.

ПОВОРОТ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В
1939 г. И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Одним из важнейших факторов, оказавших воздействие на развитие ситуации в восточноевропейском регионе к моменту начала и в первые месяцы второй мировой войны, явился тот крутой поворот в советско-германских отношениях на рубеже лета-осени 1939 г., который радикально изменил расстановку сил не только в региональном, но в целом в европейском и даже мировом масштабе.

Истоки поворота, оценка которого вызывает сейчас острую полемику в нашей историографии и публицистике, можно проследить по крайней мере с весны 1939 г. В литературе, в том числе в последнее время и советскими исследователями, отмечается в этой связи доклад, сделанный Сталиным 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б)¹.

Охарактеризовав Германию, Италию и Японию как "государства-агрессоры", "фашистские государства", фактически развязавшие новую империалистическую войну - захват Абиссинии, интервенцию в Китае и Испании, отторжение Судет и т.д., а Англию, Францию и США как "неагрессивные, демократические государства", Сталин наряду с резким осуждением первых отвел, однако, еще большее место в докладе не менее резким нападкам на вторых². Он обвинил их не только в попустительстве фашистской агрессии, но и в прямом стремлении дать Японии и Германии, как он сформулировал, "впутаться в войну" на Дальнем Востоке и в Европе, особенно с Советским Союзом, "увязнуть" в ней, с тем чтобы все ее участники, т.е. включая агрессивные государства и СССР, "могли ослабить и истощить друг друга", а западные державы - "выступить на сцену со свежими силами" и "продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия"³. Как бы ни относиться к оценке Сталиным действий Англии, Франции и США, даже принимая ее цели-

ком, трудно было не заметить много – некоей отстранности, двусмысленности формулы "впутаться в войну", вдруг употребленной им применительно к фашистским агрессорам, в частности к Германии. Двусмысленность усиливалась тем, что одновременно он обвинил западные державы и в стремлении толкнуть СССР против Германии. Сообщения английской, французской и американской прессы о возможности гитлеровского вторжения на Украину Сталин назвал "подозрительным шумом", который "имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований"⁴.

Из интерпретации Сталина, таким образом, как бы получалось, что главную опасность для СССР представляет собой не агрессивная политика Германии, а козни Англии, Франции и США, пытающихся направить агрессию гитлеровцев на Советский Союз либо толкнуть последний против Германии. И что равным образом эти козни опасны по той же причине для самой Германии, к конфликту с которой у СССР нет оснований.

Подобное впечатление подкреплялось и тем, как Сталиным были поставлены внешнеполитические задачи партии, а стало быть и Советского государства. Первой из четырех сформулированных в докладе задач являлось проведение политики мира "и укрепления деловых связей со всеми странами"⁵, т.е. без каких-либо различий между указанными им же самим двумя группировками: фашистскими агрессорами, с одной стороны, и неагрессивными государствами – с другой. А вторая задача заключалась в том, чтобы "соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками"⁶. Тем самым опять-таки получалось, что наибольшая опасность для СССР идет именно от этих "провокаторов войны", т.е. Великобритании, Франции и США, в то время как Германия при такой постановке вопроса попадала в разряд "всех отран", с которыми Советский Союз был готов на "укрепление деловых связей". К тому же, хотя в

докладе упоминалось в общей форме о том, что "мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины"⁷, однако в упомянутых четырех внешнеполитических задачах партии ни о каком противодействии распространению фашистской агрессии не говорилось вовсе: третья задача предусматривала всемерное укрепление боевой мощи Красной Армии, т.е. обороноспособности самого СССР, а четвертая - укрепление "международных связей дружбы с трудящимися всех стран"⁸.

Не случайно в Берлине сразу же обратили внимание на эти странности доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б), истолковав их как своего рода сигнал советского руководства о готовности к изменению фактически враждебных отношений с гитлеровской Германией, к "укреплению связей" с ней. То, что нацистские правители тогда не ошиблись в своих предположениях, получило несколько месяцев спустя более чем авторитетное подтверждение из уст главы Советского правительства и наркома иностранных дел СССР Молотова. В своем сообщении 31 августа 1939 г. на внеочередной 4-ой сессии Верховного Совета СССР при ратификации советско-германского Договора о ненападении, заключенного 23 августа, Молотов, напомнив уже цитировавшиеся нами слова Сталина о "подозрительном шуме" английской, французской и американской прессы с целью "без оснований" столкнуть Советский Союз с Германией, пояснил, что Сталин "еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР". И, продолжал Молотов, "теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы", т.е. заключили договор с Советским Союзом. Похвалив, таким образом, сообразительность гитлеровцев, Молотов, разумеется, не упустил случая охарактеризовать сигнал, данный в их адрес вождем с трибуны XVIII партсъезда, как "историческое предвидение т. Сталина", которое "блестяще оправдалось"⁹.

На самом деле ситуация развивалась гораздо сложнее, и после съезда прошло еще немало времени, пока поворот

в советско-германских отношениях действительно произошел. Ибо обе стороны с большой осторожностью и подозрительностью "примеривались" друг к другу и к общему бурному водовороту на международной арене. В частности, что касается советского руководства, то Сталин, послав немцам свой своеобразный сигнал, однако, не торопился с какой-либо однозначной ориентацией советской внешней политики, стремясь обеспечить свободу рук и испытать возможности на разных направлениях — как с Германией, так и с ее западными противниками.

Всего восемь дней спустя после его доклада Советское правительство достаточно резко осудило гитлеровский диктат и ликвидацию 15 марта 1939 г. Чехословацкой Республики. Одновременно оно — в ответ на британский запрос о советской позиции в случае германской угрозы Румынии — выступило в пользу созыва совещания СССР, Англии, Франции, а также Румынии, Польши и Турции для обсуждения вопросов, связанных с возможной угрозой со стороны агрессоров¹⁰. Так со второй половины марта 1939 г. начинается обмен различного рода предложениями, а затем и переговоры между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, по поводу координации или объединения усилий, которые бы воспрепятствовали дальнейшей гитлеровской агрессии, прежде всего в отношении восточноевропейских стран. Эти контакты, то затормаживавшиеся, то активизировавшиеся, тянулись на протяжении всей весны и лета 1939 г., завершившись известными переговорами военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в Москве в середине августа 1939 г., целью которых было заключение трехсторонней военной конвенции, направленной против угрозы германского нападения, в том числе на Польшу и Румынию.

В той или иной мере ход всех этих дипломатических обменов и прямых переговоров многократно освещался в советской историографии. Куда скромнее в ней затрагивалось то обстоятельство, что на протяжении весны-лета 1939 г. параллельно англо-франко-советским переговорам

осуществлялись и советско-германские контакты. Вначале они в основном касались экономических отношений, а затем, особенно после замены Литвинова на посту наркома иностранных дел Молотовым, все больше приобретали политическое значение. То прерывавшиеся, то возобновлявшиеся вновь по дипломатическим каналам, они довольно долго носили взаимно зондирующий характер и вступили в активную стадию по германской инициативе в августе, одновременно с англо-франко-советскими военными переговорами в Москве. Правители "третьего рейха" стали энергично добиваться радикального поворота в отношениях с СССР. Фактически используя, особенно в тот решающий момент середины августа 1939 г., классический метод "игры на двух столах", традиционно применявшийся в буржуазной дипломатии, тогдашнее советское руководство, Сталин сделали выбор в пользу подобного поворота. Принципиальная договоренность об этом была достигнута в ходе советско-германских обсуждений в Москве и в Берлине и путем дипломатической переписки, происходивших параллельно с московскими переговорами военных миссий СССР, Великобритании и Франции. Результатом было заключение 19 августа советско-германского торгового-кредитного соглашения, сообщая о котором 21 августа, советская сторона публично заявила в прессе: "Новое торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, родившись в атмосфере напряженных политических отношений, призвано разрядить эту атмосферу. Оно может явиться серьезным шагом в деле дальнейшего улучшения не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией"¹¹.

Достигнутая в принципе договоренность стремительно получала конкретную реализацию. Уже на следующий день, 22 августа в советской печати было официально объявлено, что "обмен мнений (так в документе. — Л.Г.) между правительствами Германии и СССР установил наличие желания обеих сторон разрядить напряженность в политических отношениях между ними, устранить угрозу войны и заключить пакт о ненападении. В связи с этим предстоит на днях

приезд германского министра иностранных дел г. фон-Риб-бентропа в Москву для соответствующих переговоров"¹². 23 августа Риббентроп уже был в Москве, где в тот же день был подписан Договор о ненападении между СССР и Германией.

Как известно, относительно оценки этого шага, объяснения его причин в мировой исторической литературе существуют резко различающиеся точки зрения, по сей день ведется полемика. В советской историографии до сих пор имела место только одна интерпретация, с теми или иными нюансами повторявшая официальное объяснение, которое было дано первоначально Ворошиловым в опубликованном 27 августа 1939 г. интервью "Известиям", а затем более подробно — небезызвестной "исторической справкой" Совинформбюро "Фальсификаторы истории" в феврале 1948 г.¹³ Суть объяснения сводилась к тому, что СССР был вынужден заключить советско-германский договор ввиду тупика на московских переговорах с Англией и Францией, возникшего по вине западных держав. Последние обвинялись в фактическом нежелании достижения реальной договоренности с Советским Союзом, в невыполнении его обоснованных требований гарантировать планировавшейся военной конвенцией, что для совместного отпора гитлеровской агрессии советские войска имеют право прохода через территорию Польши, без чего возможность практической военной взаимопомощи превращалась в фикцию. Поскольку необходимые условия, поставленные советской стороной, не были выполнены и переговоры, безнадежно затягивавшиеся западными участниками, по существу провалились, СССР пришлось в интересах своей безопасности пойти на подписание договора о ненападении с Германией. И это, согласно данной интерпретации, представляло собой в тех условиях единственно правильный выход.

В последние три десятилетия в советской исторической литературе обоснование такого взгляда одновременно сочеталось с утверждением о том, что и после заключения советско-германского договора, в последних числах ав-

густа, Советское правительство по-прежнему было готово к продолжению переговоров с Англией и Францией о заключении с ними пакта о взаимопомощи. Это аргументировалось ссылками на подобные заявления, делавшиеся в конфиденциальном порядке 23 августа Молотовым французскому послу и 26 августа заместителем наркома иностранных дел Лозовским китайскому послу¹⁴.

Что касается этого второго утверждения, то оно находится в полном противоречии с обязательствами, которые взял на себя СССР по договору с Германией от 23 августа. Согласно его статье I-ой обе стороны обязывались "воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами"¹⁵. Уже одно это обязательство исключало возможность военной поддержки Советским Союзом Великобритании и Франции в случае их вступления в войну с Германией, а без условия такой поддержки никакого пакта о взаимопомощи просто не могло быть. Но советско-германский договор содержал и статьи, в еще большей мере исключавшие пакт о взаимопомощи СССР с Англией и Францией. Так статья 2-я предусматривала: "В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу". А статья 4-я прямо гласила, что "ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны"¹⁶. В свете этого очевидно, что приведенные выше заявления Молотова и Лозовского не соответствовали действительности и были просто дипломатическим камуфляжем. Так что ссылки на них, использовавшиеся в нашей историографии, на деле были совершенно беспредметны и, подобно самим заявлениям, могли служить лишь таким же по своей сути пропагандистско-камуфляжным целям.

Что же касается первого, т.е. причин подписания советско-германского договора от 23 августа и оценки

существа изменений в отношениях между двумя странами, то здесь, если обратиться к исторической реальности, дело обстоит гораздо сложнее, нежели рисовалось упомянутыми выше официальными объяснениями, дававшимися с советской стороны и затем развивавшимися в нашей исторической литературе вплоть до сих пор, даже в только что вышедших работах¹⁷.

Верным в данной интерпретации несомненно является то обстоятельство, что решение о повороте в отношениях с Германией было принято советским руководством в условиях серьезной пробуксовки англо-франко-советских военных переговоров в Москве, когда попытки СССР добиться от своих партнеров четкого ответа о согласии на проход Красной Армии через территорию Польши (а также Румынии) в случае войны и о незамедлительном заключении с учетом этого трехсторонней военной конвенции не увенчались успехом. В общем верно и то, что большая затычка о начале этих переговоров и их малообещающий характер были связаны с двойственной позицией западных участников: после гитлеровского захвата Чехословакии они постепенно осознавали иллюзорность своей мюнхенской политики "умиротворения" и были вынуждены искать взаимодействия с СССР против германской угрозы, но по-прежнему относились к нему чрезвычайно враждебно как к социально-политическому фактору и испытывали сильнейшие колебания перед перспективой установления с ним военного союза. Наконец, несомненно, что такое же, если не еще более враждебное отношение к Советскому Союзу со стороны польских правящих кругов и их "нет" возможной перспективе пропуска советских войск через Польшу стали важной причиной провала августовских переговоров трех стран. Следует, кстати, заметить, что все эти положения отнюдь не являются точкой зрения лишь советской историографии, но в той или иной мере уже давно присутствуют в значительной части западной литературы по данной тематике.

Вместе с тем указанная проблема имеет и ряд других аспектов, которые долгое время игнорировались названной

выше интерпретацией, господствовавшей в нашей исторической науке, либо усиленно отрицались ею.

Разве, например, наряду с социальной враждебностью к СССР, на отношение к нему правящих кругов Великобритании, Франции не оказывали серьезного негативного воздействия также и чудовищные сталинистские деформации в его развитии, массовый террор, достигший апогея во второй половине 30-х годов? Помимо того, что в глазах не только британских и французских политиков, но и значительных кругов общественности Советский Союз в результате этого представлял в мрачном образе тоталитарной диктатуры, мало чем отличающейся от гитлеровского режима в Германии, сталинские репрессии против широкого круга руководящих партийных, советских, хозяйственных, военных, дипломатических кадров не могли не вызывать в Лондоне и Париже определенных сомнений во внутренней прочности СССР, его военных возможностях, в стабильности советской политики, в надежности Москвы как партнера. Имедж Советского государства оказывался на весьма низкой отметке. И это, как уже отмечалось в последнее время некоторыми советскими авторами, прямо повлияло на крайне низкую "союзоспособность" СССР накануне войны, на недоверие к нему, на его серьезную внешнеполитическую изоляцию¹⁸. Вряд ли правомерно абстрагироваться от указанных факторов при оценке позиции западных держав с точки зрения неудачи англо-франко-советских переговоров 1939 г.

К тому же документы, введенные в оборот исторической наукой, в том числе и опубликованные в Советском Союзе, свидетельствуют о том, что как раз в середине августа 1939 г. правительства Великобритании и Франции проявили, наконец, серьезную заинтересованность в заключении военного соглашения с СССР, поскольку не видели другой возможности защиты Польши от вплотную придвинувшейся опасности гитлеровского нападения. И в ответ на советские требования они всячески пытались добиться от польского правительства какой-то формы согласия на проход советских войск в случае необходимости через территорию Польши,

стремились предотвратить неудачу переговоров¹⁹. Это обстоятельство всячески замалчивалось нашей историографией, много лет продолжавшей бездоказательно повторить выдвинутое в упомянутом интервью Ворошилова и спичке Совинформбюро "Фальсификаторы истории" не соответствующее действительности утверждение, будто англо-французская сторона негативно отнеслась к советскому условию относительно пропуска советских войск через польскую территорию и поддержала Польшу в ее отказе. Из документов видно, что западные партнеры СССР по московским переговорам разделяли подозрения польского правительства, как бы советское военное присутствие в Польше не стало вмешательством в ее развитие, — здесь отрицательный имидж Советского Союза, связанный со сталинскими беззакониями, и воспоминания о попытке "внедрения" революции во время похода Красной Армии на Варшаву в 1920 г. также, вероятно, играли свою роль. Однако в Лондоне и Париже полагали возможным пойти на риск, считая германскую угрозу более опасной и возлагая надежды на англо-французский контроль за действиями советских войск в Польше. Главным же в их планах был, как очевидно, расчет на то, что сам факт заключения англо-франко-советского военного соглашения остановит Гитлера у границы Польши, предотвратив немецкое вторжение, а, стало быть, и войну вообще, вследствие чего, в частности, отпадет и необходимость ввода частей Красной Армии на польскую территорию²⁰.

Так что в реальной, а не выдуманной истории англо-франко-советских переговоров августа 1939 г. тупик, связанный с вопросом о пропуске советских войск через Польшу, отнюдь не был вызван позицией западных участников. Категорический отказ согласиться на какой бы то ни было ввод частей Красной Армии на территорию Польши был всецело шагом самого польского правительства, предпринятым вопреки желаниям, которые были в тот момент выражены Парижем и Лондоном. Нельзя не заметить в данной связи, что вся интерпретация этой проблемы, содержавшаяся в упомянутых выше официальных советских заявлениях и в нашей исто-

рической литературе, базировалась не только на игнорировании опровергавших ее исторических документов, но и на повторявшемся много лет стереотипном пропагандистском тезисе, будто внешняя политика довоенной Польши, польского правительства, прежде всего в отношении СССР определялась англо-французскими покровителями. Подобная грубая схема сводила роль Польши, как и ряда других восточноевропейских стран, чуть ли ни до уровня своего рода зависимых государств, если не просто марионеток. Тем самым совершенно искажалась куда более сложная историческая действительность того времени, которая характеризовалась как определенным, порой весьма значительным влиянием Франции и Великобритании на ряд восточноевропейских стран, в том числе на Польшу, так и самостоятельной политикой этих стран, диктовавшейся интересами и представлениями их собственных правящих кругов, что в частности особенно проявлялось в позиции польского правительства.

Наконец, пришла, видимо, пора пристальнее присмотреться и к тому утверждению, которое со времени упомянутого интервью Ворошилова "Известиям" неизменно повторялось в нашей пропаганде и нашей историографии как аксиома, — что отказ гарантировать пропуск советских войск через территорию Польши сделал беспредметными дальнейшие переговоры военных делегаций СССР, Великобритании и Франции и невозможным заключение трехсторонней военной конвенции. Аксиома ли это на самом деле?

В том же интервью Ворошилова приведенное выше положение аргументировалось следующим образом: "СССР, не имеющий общей границы с агрессором (т.е. Германией. — Д.Г.), может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора", а поскольку в пропуске через Польшу советской стороне было отказано, "это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран"²¹. Такая же аргументация повторялась во всей последующей

советской литературе. При этом, однако, полностью остав-
лось без внимания, что в подобных аргументах оодержит-
ся по крайней мере одна существенная нелогичность. Ведь
в том, чтобы в случае, если Германия развяжет войну, оо-
ветские войска могли "войти в соприкосновение с войсками
агрессора", были из участников трехсторонних военных пе-
реговоров в Москве заинтересованы как раз Франция и Ве-
ликобритания, ибо это означало сказание им, а также их
союзнику Польше военной помощи со стороны СССР. Между
тем Великобритания и Франция не только выступали за про-
должение переговоров, но, как видно из уже называвшихся
выше документов, введенных в научный оборот, в том числе
опубликованных в Советском Союзе, проявляли в последние
дни переговоров явную заинтересованность довести дело
до конца и подписать военную конвенцию. В частности, ру-
ководитель английской делегации адмирал Дракс, не имев-
ший первоначально необходимых полномочий, получил их, а
руководитель французской делегации генерал Думенк пред-
лагал Ворошилову, возглавлявшему советскую делегацию,
подписать конвенцию в течение 3-4 дней²². Что же каса-
лось СССР, то он, наоборот, должен был прежде всего быть
заинтересован в том, чтобы в случае, если бы гитлеровс-
кая агрессия угрожала непосредственно ему, получить ан-
гло-французскую военную помощь. Последняя же могла быть
оказана путем действий британских и французских войск
против Германии прямо с территории Франции и с Балтийс-
кого моря, и вопрос о Польше не имел к этому никакого от-
ношения, Почему же тогда именно советская сторона поста-
вила возможность продолжения переговоров и заключения
военной конвенции в зависимость от решения вопроса о раз-
решении ее войскам вступить в Польшу? Почему именно она
заявила о беспредметности дальнейших переговоров, а значи-
т - невозможности подписания конвенции без такого раз-
решения?

Порой выдвигается довод, что вопрос о пропуске
войск через Польшу был для советского руководства инди-
катором готовности или неготовности западных партнеров

к действительному соглашению о взаимопомощи. Но, во-первых, как уже говорилось, на самом деле удовлетворение советского требования не зависело в итоге от Великобритании и Франции. И если Сталин думал наоборот, то правомерен в таком случае вывод о непонимании им реальной обстановки, о грубом политическом просчете. А во-вторых, само по себе согласие на вступление частей Красной Армии в Польшу, даже если бы оно было дано, не могло служить советской стороне гарантией того, что англо-французские партнеры будут строго и в полной мере соблюдать верность соглашению о совместных действиях против агрессора. Ведь если Сталин столь не доверял им, что боялся, как бы планируемая военная конвенция не оказалась пустым звуком, то почему же он, следуя этой логике, не опасался того, что ввод советских войск в Польшу вообще в таком случае окажется роковым: СССР прямо столкнется с Германией при ее нападении на Польшу, а Великобритания и Франция могут в данной ситуации умыть руки?

Таким образом, то, что много лет считалось в нашей литературе аксиомой, при конкретном рассмотрении рождает лишь новые и новые вопросы, требующие ответа.

Но даже если вопреки всем этим вполне правомерным вопросам по-прежнему продолжать считать, что отказ Польши заводил англо-франко-советские переговоры в тупик и ставил СССР перед необходимостью иных решений, можно ли согласиться с тем, что поворот в советско-германских отношениях был адекватным выбором? Оправдывая его, авторы официальной версии, содержащейся в справке "Фальсификаторы истории", утверждали, будто Советский Союз оказался тогда по вине западных держав один на один с прямой угрозой немедленного нападения на него Германии. И потому, чтобы избежать этого в тех неблагоприятных условиях и выиграть время, он вынужден был пойти на заключение советско-германского договора о ненападении. Такой шаг сравнивался в справке с вынужденным заключением Советской Россией Брестского мира в 1918 г.²³ Это утверждение до самого последнего времени повторяется в нашей

исторической литературе и пропаганде. Но разве в августе 1939 г. Советский Союз, представлявший собой великую державу с мощным потенциалом, находился по отношению к Германии в положении, подобном положению только что возникшей, еще не консолидированной и не обладавшей ни военной, ни экономической организацией Советской России в 1918 г.? И разве Гитлер, если бы он действительно был в состоянии и намерен в тот момент напасть на СССР, воздержался бы от этого в обмен на договор? Вряд ли можно сомневаться, что, если бы мог, он бы напал. Об этом ясно свидетельствует последующее развитие: когда по мнению нацистской верхушки Германия оказалась готова к войне с СССР, последовало нападение на него в июне 1941 г. и при наличии Договора о ненападении от 23 августа и даже Договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Так что на самом деле советско-германская договорная система не обеспечила безопасности СССР. Просто в 1939 г. Гитлер еще не был готов к войне с Советским Союзом. И это достаточно хорошо известно в современной исторической науке. В одной из недавних дискуссий советских историков было уже справедливо отмечено, что никто никогда не обнаружил доказательств возможности агрессии фашистской Германии против СССР ни в августе, ни в последующие месяцы 1939 г.²⁴ Никаких конкретных военных планов на сей счет у гитлеровцев тогда не было. В телеграмме Гитлера Сталину 20 августа 1939 г. можно было усмотреть и намек на то, что при германо-польском столкновении, ожидаемом в ближайшие дни, СССР гарантирован от осложнений лишь немедленным подписанием пакта о ненападении²⁵. Но это был блеф, призванный обезопасить "рейх" от неожиданностей в запланированном на ближайшие дни нападении на Польшу. И если Сталин поддался на этот блеф, то можно было бы лишь говорить о его грубейшем просчете. Между тем здесь были, на наш взгляд, более глубокие причины.

Что собой представляло в действительности советско-германское соглашение, первым политическо-правовым актом которого был договор от 23 августа 1939 г.?

Наша историография много лет либо замалчивала, либо опровергала как вымысел широко распространенный за рубежом взгляд, согласно которому этот договор сопровождался секретным дополнительным протоколом о разделе сфер интересов и территорий между СССР и Германией в Восточной Европе (в том смысле, как она тогда понималась): в Прибалтике и Финляндии, Польше, Бессарабии. В последнее время замалчивание и опровержение сменилось в советской исторической литературе и публицистике тезисом о том, что, поскольку оригинал протокола, отсутствующий на Западе, не обнаружен и в СССР, трудно сказать, является ли опубликованная после войны в западных изданиях копия подлинным текстом или фальшивкой, т.е. нельзя с определенностью утверждать, был ли подписан такой протокол или нет. Действительно, каким-либо бесспорным оригиналом протокола — советским или германским — историческая наука по сей день не обладает. Однако у этой проблемы есть и другая сторона, до сих пор почему-то оставшаяся в тени: ведь если обратиться к документам 1939 г., опубликованным тогда же в советской печати, то становится очевидно, что советско-германская договоренность, достигнутая в августе и дополненная затем последующими политическими соглашениями между СССР и Германией, во всяком случае значительно выходила за рамки официально декларируемого пакта о ненападении.

В упомянутом выше сообщении 31 августа 1939 г. на внеочередной 4-ой сессии Верховного Совета СССР по поводу ратификации договора от 23 августа Молотов, доказывая правомерность "хороших политических отношений" Советского Союза "с государством фашистского типа" и назвав договор ни много, ни мало "поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы", заявил под "бурные продолжительные аплодисменты": "Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом"²⁶. Таким образом, хотя официально речь шла о ратификации договора о ненападении, однако при этом от име-

ни Советского правительства его глава и народный комиссар иностранных дел, характеризуя договор как исторический поворот к "хорошим политическим отношениям" с Германией, публично вводил в такие отношения понятие "дружбы". Говорилось, правда, о "народах", но, как известно, германский народ жил тогда в том государстве, которое в тот момент существовало, — в нацистском "райхе", возглавляемом Гитлером. И, стало быть, на практике речь могла идти лишь о дружбе между Советским Союзом и тогдашней, т.е. гитлеровской Германией. Впрочем, не прошло и месяца, как стидливая формула о "народах" была и вовсе отброшена: 28 сентября 1939 г. был заключен советско-германский Договор о дружбе и границе, уже официально квалифицировавший межгосударственные отношения между СССР и Германией понятием "дружба".

На чем же основывалась эта "дружба" и в чем она выражалась? Обратимся опять к опубликованным советским официальным документам.

Уже в том же сообщении в связи с ратификацией Договора о ненападении от 23 августа на внеочередной 4-ой сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Молотов заявил, что в результате договора "поле возможных военных столкновений в Европе суживается, масштаб этих военных действий будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят замечь всеевропейский военный пожар"²⁷. В чей адрес это говорится? Разумеется, не "дружественной" Германии, с которой только что подписан договор, столь срочно ратифицируемый как раз накануне 1 сентября. Это говорится в адрес противостоящей Германии англо-французской коалиции. Она, таким образом, характеризуется как поджигатель войны — она, а не гитлеровская Германия, которая с часу на час должна напасть на Польшу: недаром Молотов говорит о "возможных военных столкновениях в Европе". Что это, как не попытка обелить агрессора, как не выражение фактической солидарности с тем, что произойдет на следующий

день? В реальном историческом контексте зафиксированное договором "ненападение" и декларируемая Молотовым "дружба" оказываются на практике политической поддержкой предстоящего фашистского нападения на Польшу. Неудивительно, что советская сторона не выразила никакого осуждения этой агрессии, когда на следующий день она произошла. И не выражала на протяжении всей германо-польской войны сентября 1939 г., в результате которой гитлеровцы захватили Польшу.

Эта линия получила логическое продолжение в официальных заявлениях, сделанных от имени Советского правительства 17 сентября, — в речи председателя Совета Народных Комиссаров СССР Молотова по радио с обращением к советскому народу и в ноте, врученной в тот же день Молотовым, но уже в качестве наркома иностранных дел, польскому послу в Москве. В обоих этих документах, объявлявших о приказе советским войскам "перейти границу (советско-польскую. — Л.Г.) и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии", что, как было очевидно, в той реальной ситуации должно было означать защиту указанного населения от возможной угрозы со стороны подходивших гитлеровских армий, о данной угрозе не только, однако, ничего не упоминалось, но и вновь не содержалось вообще никакого осуждения германской агрессии в отношении Польши. Более того, в названных документах ответственность за — как там формулировалось — "злополучную войну" возлагалась, наоборот, на польскую сторону: и в речи Молотова, и в ноте правительства СССР от 17 сентября утверждалось, что польский народ в эту войну "был ввергнут его неразумными руководителями"²⁸.

Смысл проявляемой таким образом фактической солидарности с гитлеровскими действиями в Польше был достаточно ясно выражен на следующий день, 18 сентября, когда было согласовано объявленное вслед затем германо-советское коммюнике. В нем говорилось, что задача "советских и германских войск, действующих в Польше", "состо-

ит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши перестроить условия своего государственного существования"²⁹. Санкционируя столь чудовищную по своему цинизму формулировку, Сталин и его окружение тем самым не только уже напрямую солидаризировались с фашистской агрессией против Польши, но и непосредственно идентифицировали свою собственную политику в отношении этой страны с политикой Германии, публично декларировали проведение совместной с "третьим райхом" политики. Таковым оказывалось содержание понятия "дружба", сопровождавшего заключение договора о "ненападении". В этом контексте логичными выглядят и откровения, содержащиеся затем в докладе Молотова на внеочередной 5-ой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Хотя Молотов повторил там сделанные 17 сентября заявления о том, что СССР не мог ввиду уже произошедшего распада польского государства оставить в беде единокровных братьев – украинцев и белорусов, однако, вопреки этому, в том же докладе говорилось: "Правящие круги Польши немало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения неполюских национальностей"³⁰. Думаю, здесь все достаточно ясно и без всяких секретных протоколов.

Такого рода совместная политика в отношении Польши и стала одной из основ заключенного 28 сентября 1939 г. советско-германского Договора о дружбе и границе между СССР и Германией, составившего вместе с Договором о ненападении единую договорную систему. В преамбуле договора от 28 сентября заявлялось, что "Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соот-

ветствующее их национальным особенностям". В статье I фиксировалась установленная граница обоюдных интересов: к западу их будет обеспечивать Германия, к востоку — Советский Союз³¹. Дело, однако, не ограничивалось только этим. В статье II указывалось: "Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение"³². Иначе говоря, территория прежнего польского государства провозглашалась сферой интересов только СССР и Германии.

Однако дело не ограничивалось лишь Польшей. К договору было приложено заявление советского и германского правительств, в котором содержалась формулировка, шедшая уже несколько дальше. В заявлении говорилось, что "Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе"³³. Тут уже от Польши это советско-германское урегулирование как бы распространяется вообще на Восточную Европу. А 29 сентября, когда Риббентроп, заключив второй договор, улетал из Москвы, он сделал корреспонденту ТАСС заявление, в котором говорилось: "Обе страны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы"³⁴. 30 сентября заявление с этой чеканной формулой было опубликовано центральной советской печатью на первых полосах. Причем не последовало никаких корректирующих комментариев, т.е. эта формула тем самым разделялась и советской стороной.

В свете этого встает вопрос: какой же конкретный интерес, кроме стремления избежать войны, непосредственно руководил теми людьми, которые решили с советской стороны заключить не только первый, но и второй договор? Совершенно очевидно, что вопрос о влиянии на судьбу Восточной Европы, к сожалению, играл тут первостепенную роль. В понимании того времени Восточная Европа охватывала и Прибалтику, и Финляндию. Нужно ли было в

этой связи о точки зрения интересов СССР как интересов социалистического государства вступать в такие отношения с Германией? Думается, здесь имело место то явление, которое я бы назвал потерей социального ориентира. Так же как он был потерян во внутреннем развитии страны и от социалистического социального ориентира правящая верхушка, узурпировавшая власть, стала нацеливаться на некий иной – квазисоциалистический, явно противостоящий основам представлений о социализме, то такой же курс определился и во внешней политике. Главным в нем стал вопрос о территориях, о влиянии в определенных регионах Европы, и прежде всего – в восточноевропейском регионе.

1. См.: Арумян Х. Август 39-го: как это было? – Таллин, 1988, № 6, с. 95; "Круглый стол": Советский Союз в 30-е годы. – Вопросы истории, 1988, № 12, с. 16–17.

2. Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1953, с. 607–612.

3. Там же, с. 610.

4. Там же, с. 610–611.

5. Там же, с. 614.

6. Там же.

7. Там же, с. 613.

8. Там же, с. 614.

9. Известия, 1939, 1 сент.

10. См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов (далее – ВП СССР), т. IV. М., 1946, с. 410–412.

11. Правда, 1939, 21 авг.

12. ВП СССР, т. IV, с. 442.

13. Справка была опубликована в советской печати, в частности в "Известиях" 10, 12, 15, 17 февр. 1948 г., а затем выходила многочисленными отдельными изданиями и помещена в сборнике: Внешняя политика Советского Союза (далее – ВП СС) 1948 год: Документы и материалы, ч. I. М., 1950.

14. См., например: История внешней политики СССР. 1917–1975. Под ред. А.А.Громыко, Е.Н.Пономарева. Изд.

- 2-е. М., 1976, т. I, с. 392.
15. ВП СССР, т. IV, с. 443.
16. Там же.
17. См., например: Волков Ф.Д. Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны. М., 1989, с. I3-I6; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки, 1938-1947. М., 1989, с. 27.
18. См.: Волков В. СССР накануне второй мировой войны. - Глобус, 1988, № 33, с. I6-I9.
19. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее - ДМИСПО), т. УП. М., 1973, с. I22-I76.
20. Там же, с. I6I, I63-I64, I65, I66.
21. ВП СССР, т. IV, с. 444.
22. ДМИСПО, т. УП, с. I24, I67, I73.
23. ВП СС. 1948 год, ч. I, с. I0I-I02.
24. "Круглый стол": Советский Союз в 30-е годы, с. 18.
25. История второй мировой войны, 1939-1945. Т. 2. М., 1974, с. 282.
26. Известия, 1939, I сент.
27. Там же.
28. ВП СССР, т. IV, с. 447, 448.
29. Там же, с. 449.
30. Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 3I октября - 2 ноября 1939 г. Стеногр. отчет. М., 1939, с. 8.
31. ВП СССР, т. IV, с. 452.
32. Там же.
33. Там же, с. 452-453.
34. Известия, 1939, 30 сент.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В КАНАУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Хотел бы начать с оценки гарантий, предоставленных Польше Великобританией 31 марта 1939 г. У нас бытует мнение, что Н.Чемберлен предпринял этот внешнеполитический шаг исключительно с целью нажима на Берлин, во имя достижения соглашения с "третьим рейхом" на широкой основе.

Что "смущает" в этой очень логичной концепции? Прежде всего наличие полной преемственности в политике британского правительства и лично Чемберлена до и после 15 марта 1939 г. Я далек от мысли трактовать происшедшие на Даунинг-стрит перемены в духе концепции "радикального поворота" во внешней политике Великобритании после исчезновения Чехословацкого государства с политической карты Европы. Тем не менее не следует и недооценивать влияния этого события на британских политиков и общественное мнение страны. Ведь речь шла о резком изменении существовавшего баланса сил в Европе, связанного в немалой степени с разрушением западной системы военно-политических союзов.

Здесь необходимо четко уяснить, что являлось приоритетным в тот период для британской внешней политики? По моему мнению, стремление во что бы то ни стало остаться вне надвигающейся войны, и как можно дольше, что позволило бы значительно увеличить военную мощь страны (уже в 1939 г. авиационный парк пополнялся ежемесячно 600 боевыми машинами). Объективно на пути этого намерения самым серьезным препятствием была политика держав фашистского блока и прежде всего нацистской Германии. Именно для предстоящей схватки с ними Великобритания и наращивала в конечном счете свои вооружения.

Принимая во внимание доминанту британской внешней политики того времени, может показаться непонятным, как английское руководство решилось на такую акцию. Ведь, по сути дела, вопрос об участии или неучастии Великобритании в вой-

не в немалой степени отныне зависел от позиции польского правительства, т.е. смещался из Лондона в Варшаву. Учитывая всю совокупность привходящих обстоятельств (о них несколько ниже), нужны были чрезвычайно весомые аргументы в пользу подобного решения.

Мне представляется заслуживающей самого серьезного внимания следующая версия, объясняющая действия британского руководства в конце марта 1939 г. Зимой 1938/39 гг. широко распространились слухи о том, что германская военная машина разворачивается не в направлении Украины, как это предполагалось в Лондоне и Париже после Мюнхенского соглашения, а в западном. Серьезная тревога охватившая британское руководство в этой связи дополнялась опасениями, что польское правительство может пойти на уступки "третьему рейху" в вопросах о Данциге и "польском коридоре". Эти опасения усиливались под влиянием имевшего место недоверия к внешней политике Польши, методы и образ действия которой в отношении Чехословакии осенью 1938 г. были квалифицированы в Лондоне как "разбойничье соучастие".

Даже, если допустить, что к концу марта 1939 г. Чемберлен располагал более определенной информацией относительно ближайших намерений Гитлера, полностью исключить возможность нового польско-германского соглашения он, вероятно, не мог. Поэтому наличие замысла о переключении германской агрессии с запада на восток и тем самым, хотя бы некоторого выигрыша во времени, в свете всего последующего развития вполне допустимо. Ведь Великобритания была в то время лишена каких-либо эффективных средств воздействия, чтобы заставить Гитлера отказаться от нападения на Польшу; она не располагала даже возможностями для создания состояния неуверенности в Берлине относительно ближайших намерений западных держав. Не стремились в Лондоне и к конкретизации своих обязательств в отношении Польши, что вытекало прежде всего из стремления остаться вне войны.

Таким образом, предоставление столь необеспеченных гарантий Польше, столь очевидное для всего остального мира, является серьезным аргументом в пользу версии о стремлении

Чемберлена лишь подчеркнуть взаимозависимость между обоими государствами, тесную связь политики Варшавы и Лондона. Чемберлен, как впрочем и Сталин, игнорировал в 1939 г. глубокий смысл предложенной М.М.Литвиновым формулы о "неделимости мира" и стремился обеспечить мир исключительно для Западной Европы. Это было грубым просчетом.

Развитие событий после 31 марта 1939 г. так или иначе свидетельствует о серьезном воздействии этого шага главы британского кабинета вкупе с предшесствующей ему позицией польского правительства на внешнеполитические решения Гитлера. В августе того же года он следующим образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: "Я принял решение (о войне. - С.С.) еще весной, но считал, что сначала мне в ближайшие годы придется выступить против Запада, а уже потом только против Востока... Однако этот привлекательный для меня план оказался неосуществимым, так как изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно, - резюмировал фюрер, - что при столкновении с Западом Польша нападет на нас"¹. Оставим (за скобками) правомерность последнего утверждения, главное - в другом. Гитлер не без помощи Чемберлена, убедил командование вермахта в реально существующей "связке" Польша - Запад, в которой Варшава представляла собой слабейшее и, в отличие от западных держав, поддающееся изоляции, по мнению нацистского лидера, звено. Таким образом, даже, если Чемберлен, заявляя 31 марта 1939 г. о решении британского кабинета предоставить гарантии Польше, имел в виду и нечто иное, объективно его действия сыграли провоцирующе-отвлекающую роль, дав последний толчок Гитлеру для принятия решения о разгроме Польши, т.е. повороте с запада на восток.

В нашей историографии стало общепринятым утверждение, что в 1939 г., т.е. после Мюнхена, нарастала изоляция Советского Союза. Я думаю, что такая точка зрения требует корректировки. Изоляция СССР достигла своего пика именно в период Мюнхенской конференции, а затем, особенно после мартовских событий 1939 г., она объективно уменьшалась вплоть до 23 августа. Трудно говорить о возрастающей изоляции го-

сударства, к переговорам с которым стремятся с самых различных сторон. Я не останавливаюсь здесь на причинах, по которым Советский Союз оказался весной-летом 1939 г. в центре внимания разных сил на международной арене. Но это объективный факт. В тот период советское руководство находилось в положении стороны, имевшей возможность выбора. Формально эта ситуация сохранялась до 23 августа 1939 г.

Высказывается мнение, что советский посол в Варшаве Н. Шаронов уже в первые дни после начала германской агрессии сделал вроде бы совершенно искреннее заявление по поводу того, почему Польша не приобретает то сырье и военные материалы, которые ей были обещаны К. Е. Ворошиловым 27 августа. Действительно, подобного рода заявление Шаронова имело место, хотя в искренность его нелегко поверить. Известно, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек после этого заявления Шаронова дал указание послу в Москве В. Гжибовскому поднять данный вопрос перед В. М. Молотовым. Однако 8 сентября нарком иностранных дел заявил польскому послу, что проблема снимается сама собой. По мнению Молотова, вмешательство Англии и Франции в войну "создало совершенно новое положение", исключающее поставки военных материалов в Польшу. Одновременно Молотов сообщил Гжибовскому и о прекращении транзита военных материалов в Польшу через территорию Советского Союза. Последнее уже являлось прямым нарушением договора о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., 2-я статья которого, в частности, гласила: "В случае, если бы одна из договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны третьего государства или группы третьих государств, другая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать, ни прямо, ни косвенно, помощи и поддержки нападающему государству в продолжении всего конфликта"². Я уже не говорю о том, что по просьбе начальника генерального штаба германских ВВС советское руководство разрешило использование радиостанции г. Минска в качестве радиомаяка для самолетов люфтваффе, выполнявших боевые задачи над территорией Польши. Это было еще более грубым нарушением уже упоминавшегося советско-польского договора 1932 г.

Хотел бы высказать свои соображения по вопросу о причинах отставки наркома иностранных дел М.М.Литвинова в мае 1939 г.: по состоянию здоровья или по иным соображениям? По моему мнению, отставка Литвинова почти зеркально отражала ситуацию имевшую место в Польше в 1932 г. Приняв решение о сближении с Германией, единолично руководивший политикой страны Ю.Пилсудский 2 ноября 1932 г. произвел замену главы внешнеполитического ведомства. Устранение франкофила А.Залесского, имевшего высокое личное реноме на международной арене, и назначение министром иностранных дел Польши полковника Ю.Бека заметно встревожило политико-дипломатические круги в большинстве европейских столиц. Поэтому польским представителям за рубежом были даны соответствующие инструкции, согласно которым они должны были разъяснить, что Залесский покинул свой пост из-за ухудшившегося состояния здоровья, в связи с болезнью сердца. Для справки: Залесский скончался спустя 44 года после отставки в возрасте 93 лет...

Некоторые замечания к вопросу о том, мог ли Запад пойти на предоставление СССР "свободы рук" в Прибалтике. Конечно, не мог, ибо это означало бы гипертрофированное переиздание Мюнхенского договора, причем даже не мотивированное никакими этническими "зацепками". Но ставило ли советское руководство перед западными державами этот вопрос в такой откровенной форме, как это имело место на переговорах с Германией (раздел сфер влияния)? Нет, в такой откровенно-циничной форме не ставило. Однако политические переговоры между Советским Союзом и западными державами натолкнулись, в частности, на такое препятствие, как определение понятия "косвенная агрессия". По моему мнению, косвенная агрессия - это был тот самый "троянский конь", с помощью которого не Гитлер, а Сталин пытался открыть дорогу в Прибалтику, прикрываясь необходимостью обеспечения "государственных задач в районах западных границ" СССР³. Запад на это не пошел.

Напомню, что в проекте договора о ненападении, представленном советской стороной германским дипломатам 19 августа 1939 г. содержалась приписка, гласившая: "Настоящий

договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для высоких договаривающихся сторон". Это и был тот самый секретный протокол, существование которого с завидным упорством отрицается официальными инстанциями в СССР вплоть до сегодняшнего дня.

У некоторой части советских историков есть тенденция противопоставлять договор о ненападении от 23 августа и договор "О дружбе и границе" от 28 сентября 1939 г. Мол, первый из них был "хороший", а второй – "нехороший". Это, разумеется, совершенно несерьезно, поскольку без одного не было бы и другого. Все основные компоненты самого настоящего сговора между Сталиным и Гитлером содержались уже в договоре от 23 августа, причем не только в секретном приложении, но и в основной части, опубликованной в газетах. Из чего это видно?

Прежде всего из того, что в тексте договора отсутствовала статья, которая предусматривала бы право денонсировать договор, в случае, если бы одна из договаривающихся сторон предприняла агрессию против третьего государства. Подобные статьи всегда присутствовали в договорах о ненападении, которые Советский Союз заключал в 30-е годы. В Наркоминделе, возглавляемом Литвиновым, ее традиционно считали "неизменной частью всякого пакта о ненападении". Отсутствие данной статьи в советско-германском договоре от 23 августа автоматически превращало его в соглашение с неограниченным нейтралитетом его участников. В результате подписания именно такого договора Гитлер не только обезопасил Германию с востока "от любых неожиданностей", вне зависимости от развития международной обстановки, но при этом еще и заручился благожелательным нейтралитетом со стороны СССР, т.е. добился от последнего "свободы рук" в отношении третьих стран (большинства европейских государств), в том числе в отношении тех, с которыми Советский Союз имел договоренности, исключающие возможность подобного соглашения с нацистским агрессором. Из этого очевидно, что советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., да-

же в своей официальной части, отнюдь не ограничивал нацистскую агрессию, а, напротив, всячески способствовал ее расширению.

Что же касается секретных приложений к договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г., это, разумеется, предмет специальных исследований. Хочу отметить лишь одно — наличие этих документов подтверждается большим количеством самых разных документов и свидетельств, подлинность которых никогда не вызвала сомнения, но самое главное — конкретной политикой прежде всего СССР в согласованных с "третьим рейхом" сферах влияния. Поэтому ставить под сомнение факт четвертого раздела Польши, осуществленный в результате советско-германских договоренностей в августе — сентябре 1939 г., — это означает входить в очень грубое противоречие с истиной, с исторической реальностью.

Высказывается точка зрения, что слова председателя Совнаркома Молотова, в том числе и произнесенные на сессии Верховного Совета СССР, не всегда могут рассматриваться в качестве аргумента для оценки политики Советского государства в тот или иной период. Несколько странное утверждение. Конечно, с точки зрения ревнителей стерильности советской внешней политики, Молотов, выступая 31 октября 1939 г. на У сессии Верховного Совета СССР I-го созыва, сказал немало "лишнего", в частности, по отношению к Польше. Обратимся к тому, как освещала политику Советского руководства другая сторона, германская. Приведу выдержки из двух донесений германского посла в Москве Ф.фон Шуленбурга. 10 сентября: "Советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, который "угрожает" Германии"⁴. Однако под давлением германской стороны первоначальный текст был изменен, Шуленбург (17 сентября) следующим образом описывал заключительный этап согласований: "Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяже-

нии от Полоцка до Каменец-Подольска... Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже этой ночью польскому послу и конец которой в течение дня будет разослан всем миссиям, а затем опубликован... Зачитанный мне проект содержал три пункта для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет"⁵. Из ноты "выпало" всякое упоминание о германской угрозе украинцам и белорусам, проживающим на территории Польши, но она все-таки как бы подразумевалась, вытекая из содержания этого дипломатического документа.

Однако опубликованное спустя два дня в "Правде" германо-советское коммюнике уже совсем по-иному высвечивало уровень сотрудничества между двумя государствами. "Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, - говорилось в совместном документе, - правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования". Таким образом, в этом коммюнике на одну доску, причем совершенно недвусмысленно, поставлены действия вермахта и Красной Армии на территории Польши.

Спустя еще один день, 20 сентября в Москве состоялись секретные военные переговоры между советскими и германскими представителями. В совместном протоколе, принятом по итогам переговоров, подтверждалась необходимость координации действий вооруженных сил обоих государств при занятии ими согласованных ранее сфер влияния на территории Польши. При этом вермахт брал на себя обязательство принять "необходимые меры" для воспрепятствования "возможных провокаций и актов саботажа со стороны польских банд и тому подобных"

в передаваемых Красной Армии городах и деревнях. Командование Красной Армии, со своей стороны, обязывалось в случае необходимости выделить "силы для уничтожения частей польских войск или банд" на направлениях отвода германских войск в оккупируемую ими зону. С советской стороны этот документ подписали нарком обороны Ворошилов и начальник генерального штаба Б.М.Шапошников.

Своего рода апогеем военного сотрудничества советских и германских войск в период польской кампании явился их совместный парад в Брест-Литовске 22 сентября 1939 г., который с германской стороны принимал генерал Х.Гудериан, с советской — комбриг Кривошеин. Все это свидетельствует о том, что не Молотов говорил "лишнее", а содержание политики сталинского руководства не имело ничего общего с интересами советского народа.

И, наконец, последнее замечание, касающееся проблемы "альтернативы". Я согласен с мнением, что поскольку речь идет о сталинском руководстве, то альтернативы советско-германскому договору о ненападении не было. Хотя объективно, если исходить из национально-государственных интересов Советского Союза, то, конечно, альтернатива была. Причем она могла быть связана как с достижением соглашения с западными державами, так и (этот вариант практически никогда не рассматривается) с сохранением "свободы рук" до определенного периода. И эта позиция имела ряд существенных преимуществ. Ведь даже на протяжении весны — лета 1939 г. позиция Лондона менялась под влиянием международной обстановки и активизации общественного мнения внутри страны; она наверняка изменилась бы в ходе польской кампании, о чем свидетельствовало уже объявление войны Германии 3 сентября. Не говоря уже о совершенно иной ситуации, которая возникла бы для Германии, а следовательно и для СССР, в ходе западной кампании при отсутствии договоренностей между ними. Рассмотрение этого гипотетического варианта, по моему мнению, было бы весьма плодотворным. Научная разработка альтернативного развития советской внешней политики в 1939-1940 гг. позволила бы четко разграничить национально-государственные интересы Советского Союза и интересы сталинского руководства.

Примечания

¹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2-х тт. - М.: 1973. Т. I, док. 34. - С. 138.

² Документы внешней политики СССР: В 21-м т. - М.: 1957-1977, т. 15, док. 300. - С. 437-438.

³ Правда, 1940, 23 августа.

⁴ A D A P, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 46, S. 35.

⁵ Ibid., D. 80, S. 62.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИНТЕРЕСАХ СССР

В своем выступлении В.К.Волков дал следующее понимание стержневого, так сказать, противоречия советской внешней политики последних предвоенных лет. Он сказал, что "государственные интересы СССР требовали остаться в стороне от конфликта", в то время как Коминтерн стоял на позиции борьбы против фашизма, т.е. выражал несколько другой интерес. Думаю, что здесь в наши рассуждения вкрадывается не только терминологическая, но и смысловая неточность. Государственные или, вернее, национально-государственные интересы Советского Союза, как, впрочем, и любой другой страны, — это по своему содержанию совокупность направленных вовне, в сферу межгосударственных отношений, потребностей развития; это обусловленное всей данной совокупностью потребностей Советского Союза объективное отношение правящего рабочего класса к соответствующим международным условиям жизнедеятельности социалистического государства и всего общества. Национально-государственные интересы представляют собой весьма сложный комплекс интересов: интернациональных и национально-специфических, политических и экономических, долговременных и текущих, общенародных и групповых, в т.ч. элитарных, и т.д. Разумеется, если налицо узурпация классового господства партийно-государственным аппаратом, — а в предвоенном Советском Союзе так оно, несомненно, и было, — то вся иерархия интересов на общегосударственном уровне смещается в сторону резкого повышения удельного веса элитарно-групповых интересов правящего слоя парт- и госаппаратчиков в ущерб общенародным, подлинно национальным интересам. Таким образом, государственные или национально-государственные интересы предвоенного Советского Союза — это не та же самая категория, что интересы бесконтрольно правившей в то время в нашей стране сталинской клики большевистских перерожденцев и узурпаторов воли партийных масс, рабочего класса и всех трудящихся, воли мно-

гочисленных наций и народностей СССР, их суверенных национально-государственных прав. Не считаю, что действительные национально-государственные интересы Советского Союза требовали в тот период "остаться в стороне от конфликта". А вот что касается интересов тогдашних кремлевских временщиков, вполне допускаю, что они заключались именно в этом.

После войны наша официальная идеология, в т.ч. история, пыталась доказывать своему народу и всему человечеству, что-де с помощью договоров 1939 года с фашистской Германией "Советская страна избежала вероломно подготовленной для нее ловушки, была выведена из-под удара объединенных сил агрессоров на определенное время, которое советский народ использовал для укрепления своего экономического и оборонного могущества"¹. Дескать, "для СССР и свободолюбивых сил это был важный выигрыш, а для их противников - явный проигрыш"².

Какая-то часть советского народа, оболваненная сталинско-брежневской пропагандой, верила в прошлом, да и сейчас еще продолжает верить этим бездоказательным постулатам, единственная цель которых, как мне кажется, заключается в том, чтобы "запудрить людям мозги", скрыть неприятную для власть предержащих правду о поразительной недалекости и беспринципности большевистской внешней политики двух последних предвоенных лет. Ибо реальные исторические факты подводят к совершенно иным выводам, чем те, которые прокламируют разного рода "фундаментальные" официальные издания.

В самом деле, если наша "непобедимая и легендарная" Красная Армия за пять месяцев 1941 года была отброшена на 1.200 километров, до самой Москвы, если отступление сопровождалось катастрофическим разгромом не только многих армий, но и целых фронтов и пленением нескольких миллионов советских солдат и офицеров, то это доказывает только то, что ЦК ВКП(б) и Советское правительство не сумели скольконибудь эффективно использовать для укрепления экономического и оборонного могущества СССР тот 22-х месячный временной шанс, который оказался предоставлен им договорами

с Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 года.

Официальная идеология в течение пяти десятилетий силится доказать, что с помощью этих договоров, особенно договора о ненападении, наша Родина "избежала вероломно подготовленной для нее ловушки". Однако, если сбросить историко-догматические шоры, то из осмысления всей совокупности тогдашних событий трудно сделать иной вывод, чем тот, что, предоверившись договорно-словесным обязательствам нацистов, партийное и государственное руководство СССР попало именно в вероломно подготовленную для него ловушку. Этот вывод, вероятно, был очевиден для "мудрого друга и учителя всех трудящихся"; недаром же он, по свидетельствам ряда своих "соратников", например, Н.С.Хрущева, получив известие о нападении Германии на СССР, впал, скованный страхом и растерянностью, в состояние полнейшей прострации и несколько дней оставался на ближней подмосковной даче, будучи абсолютно неспособным к каким-либо решениям. Но опомнившись, Сталин сразу же озаботился такой интерпретацией событий, чтобы поставить все с ног на голову, т.е. не только снять с себя и приближенных всякую ответственность за безголовый и просто преступный предвоенный политический флирт с Гитлером, но и поставить этот трагический для нашего народа флирт в заслугу ЦК ВКП(б) и Советскому правительству, для которых он якобы "был важный выигрыш, а для их противников - явный проигрыш".

Все такого рода суждения и выводы, содержащиеся в многотомных "фундаментальных" советских изданиях, восходят к положениям справки "Фальсификаторы истории", изданной в 1948 году и обращенной, как явствует из названия, против интерпретации важнейших событий предвоенного и военного времени западными политиками и обществоведами. Не вдаваясь в анализ этой некогда чрезвычайно важной, можно сказать, директивной для советских научных работников, преподавателей и пропагандистов брошюры, заметим, что ее название вполне можно отнести и к составителям данной "исторической справки", настолько она одиозна по пристрастности, по стремлению упрятать все концы в воду и выдать черное за бе-

лое. Так, давая оценку пакту "Риббентроп - Молотов", авторы сей справки утверждают, что "Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, что ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток"³.

Нетрудно заметить, что то положение из многотомной "Истории второй мировой войны", изданной в 1973-1982 гг., которое в критическом плане приведено выше, - очевидный перепад приснопамятной "справки". И поэтому повторю еще раз: если кому и удалось умело использовать советско-немецкий пакт, так это руководителям фашистской Германии, а никак не аппарату бездарной сталинской диктатуры. А что касается раздвигания границ далеко на Запад, молотовской похвалы насчет территориальных, людских и прочих приобретений, включая военные трофеи в двухнедельной войне с буржуазной Польшей ("финскую кампанию", в которой начавший первым военные действия Советский Союз просто опозорился на весь мир, Председатель СНК СССР и нарком по иностранным делам никогда в хвалебных тонах, естественно, не характеризовал), ибо я вижу тут яркую иллюстрацию полнейшего выхолащивания социально-классового, социалистического элемента из содержания советской внешней политики последних предвоенных лет.

Выступая 31 октября 1939 года с докладом о внешней политике Советского Союза на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР I-го созыва, Молотов заявил: "Правящие круги Польши не мало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако, оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем - Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей"⁴.

Вот так официальноотреагировал сталинский Советский Союз на события начала сентября 1939 года, т.е. на провокационное нападение Германии на Польшу и развязывание тем самым второй мировой войны. Но мало констатировать лишь по-

пустительство со стороны СССР германскому международному разбою, мало указать в данном случае на своего рода "восточный вариант" политики умиротворения агрессора. Вернее будет говорить здесь о соучастии в противоправных агрессивных действиях. Ведь реально события выстраиваются так: с запада ударил по Польше гитлеровский "рейх", а с востока, спустя две с небольшим недели, — сталинский Советский Союз. И понятно, что такие неспровоцированные наступательные действия были квалифицированы мировой общественностью в качестве агрессивных и со стороны Германии, и со стороны Советского Союза и они оказались выдворенными из Лиги Наций. Правда, СССР подвергся этой экзекуции несколько позднее Германии, 14 декабря 1939 г. в связи с осуждением тех советских военных действий, которые на сей раз были направлены против суверенного Финляндского государства.

Но послушаем далее молотовские рассуждения. Характеризуя победоносный наступательный порыв красноармейцев по территории принадлежавших Польше Западной Украины и Западной Белоруссии, глава Советского правительства заявил: "При боевом продвижении Красной Армии по этим районам у наших воинских частей были местами серьезные стычки с польскими частями, а, стало быть, и жертвы. Каковы были эти жертвы, видно из следующего. На белорусском фронте в частях Красной Армии, считая начальствующий и рядовой состав, мы имели убитых — 246 и раненых — 503, а всего — 749. На украинском фронте мы имели убитых из начальствующего и рядового состава — 491 и раненых — 1 359, а всего — 1 850. Следовательно, общее количество жертв, понесенных Красной Армией на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, составляет: убитых 737, раненых — 1 862, т.е. в целом — 2 599 человек. Что касается наших боевых трофеев в Польше, то они составляют 900 с лишним орудий, свыше 10 000 пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, 1 млн. артиллерийских снарядов, до 300 самолетов и т.д. Перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население — около 13 миллионов человек, из которых украинцев — более 7 миллионов, белоруссов — более

3 миллиона, поляков – свыше 1 миллиона, евреев – свыше 1 миллиона”⁵.

Похвалялся Молотов территориальными и людскими приобретениями также на VII сессии Верховного Совета СССР I-го созыва, выступив на ней с докладом 1 августа 1940 года. В частности, он сказал, что в результате ультиматума правительству Румынии “территория Советского Союза увеличилась присоединением Бессарабии площадью в 44,5 тысячи квадратных километров с населением 3 миллиона 200 тысяч человек и присоединением Северной Буковины площадью в 6 тысяч квадратных километров с населением 500 тысяч человек”⁶. Далее сей большевистский государственный муж поведал депутатам высшего законодательного органа СССР – родины социализма о “требованиях Советского правительства об изменении состава правительств Литвы, Латвии и Эстонии и о вводе на территорию этих государств дополнительных частей Красной Армии”, после чего и в результате соответствующих усилий полномочных представителей Москвы и их организационно-пропагандистских и репрессивных аппаратов прибалтийские народы “единодушно высказались за введение советского строя и за вступление Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР”⁷.

Не выказывая и тени сомнения в том, что такого рода требования и действия по отношению к суверенным государствам находятся в вопиющем противоречии со всеми принципами и нормами международного права, Молотов заключил свои победные реляции в истинно имперском духе: “Вхождение прибалтийских стран в СССР означает, что Советский Союз увеличивается на 2 миллиона 880 тысяч населения Литвы, на 1 миллион 950 тысяч населения Латвии и на 1 миллион 120 тысяч населения Эстонии”⁸.

Уместно, наверное, сделать вывод, что отнюдь не социалистический элемент был определяющим в содержании предвоенных национально-государственных интересов СССР или, точнее, в той интерпретации этих интересов, которая находила отражение во внешнеполитической концепции тогдашней советской партократии, концепции, преломлявшейся в свою очередь в конкретную и, прямо скажем, удивительную по беспринцип-

ности и какой-то профашистской ориентированности внешнеполитическую доктрину двух последних предвоенных лет. В самом деле, разве не профашистски ориентированы рассуждения Молотова (а его устами говорил в данном случае сам "кремлевский горец") о коренных изменениях во всей международной обстановке, которые внесла вспыхнувшая в Европе большая война? "В связи с этими важными изменениями международной обстановки, - заявил он в упоминавшемся докладе на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года, - некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно, - и к которым многие так привыкли (формула об агрессивности германского фашизма, что фашизм, по словам Э.Тельмана, - это война. - Ю.Н.) - явно устарели и теперь неприменимы... Известно, например, что за последние несколько месяцев такие понятия, как "агрессия", "агрессор" получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Нетрудно догадаться, что мы теперь не можем пользоваться этими понятиями в том смысле, как, скажем, 3-4 месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира"⁹.

Вот так цинично и прямо обеливалась захватническая политика немецких фашистов, а противодействие этой политике со стороны Англии и Франции, объявивших войну Германии после ее нападения на Польшу, причислялось тогдашними лидерами ВКП(б) к агрессивным действиям. "Попытки английского и французского правительства, - вешал Молотов, - оправдать эту свою новую позицию данными Польше обязательствами, разумеется, несостоятельны. О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего Польского государства"¹⁰.

Напав с разных сторон на Польшу и поделив ее между собой, гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз агрессорами себя ни в коей мере, как видим, не считали, а

вот политику Англии и Франции пытались всячески дискредитировать. "В последнее время, - говорил поднаторевший в псевдомарксистской казуистике Молотов, - правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как "уничтожение гитлеризма". Получается так, что английские, а вместе с ними и французские, сторонники войны объявили против Германии что-то вроде "идеологической войны", напоминающей старые религиозные войны... Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это - дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемая фальшивым лозунгом борьбы за "демократию" ¹¹.

Ну разве не налицо в этих словах, поистине конюнктвенных для большевистского деятеля, прогитлеровские, профашистские симпатии, только чуть-чуть прикрытые фиговым листком показного объективизма? После таких "трогательных" примеров тесного сотрудничества сталинского руководства с гитлеровским, как использование в 1939 году радиостанции Минска для наведения бомбардировочной авиации Германии на польские города, как совместный парад в Бресте 22 сентября того же года немецких и советских войск-победителей Польши, который принимали, стоя рядом на сооруженной по этому случаю помосте, Гудериан и Кривошеин, как передача в руки гестапо нескольких сот немецких антифашистов, находившихся в лагерях советского ГУЛАГа, которую "Правда" назвала недавно "одним из самых позорных моментов игры Сталина с Берлином" ¹², - после всех этих действительно позорных, антидемократических, антикоммунистических действий вышеупомянутым симпатиям, прогитлеровским политическим ориентировкам можно, конечно, найти объяснение, но оправдать их

ни в коем случае нельзя.

Иными словами, если бы социалистический элемент был определяющим в том толковании содержания предвоенных национально-государственных интересов СССР, которое давали кремлевские властители, то он требовал бы не оставаться во что бы то ни стало в стороне от конфликта, навязанного Европе и всему миру агрессивной гитлеровской политикой, а решительно встать в этом конфликте на сторону антифашистских сил, требовал бы не издеваться с глубокомысленностью идиотов над заявлением английского правительства, что целью войны против Германии является "уничтожение гитлеризма", а присоединиться к этому заявлению уже тогда же, в начале сентября 1939 года, а не два года спустя, когда нацистская военная машина якобы внезапно обрушила свою мощь на СССР с целью, как заявлял Гитлер, "на все времена искоренить коммунизм"¹³.

Нередко и сейчас еще можно столкнуться с мнением, что в конкретных условиях последних предвоенных лет невозможно было интенсифицировать борьбу против гитлеризма не пропагандистски, а на государственном уровне, ибо Советский Союз находился в чрезвычайно сложном международном положении, ему не было веры, мало кто хотел иметь дело с подобным репрессивным режимом. Но все же думается, что безвыходных положений ни во внутренней, ни во внешней политике не бывает. Позиция, что-де просто не было другого пути у кремлевского руководства, чем подписать в то время пакт о ненападении с фашистской Германией, бессмысленный и просто недействительный без секретного к нему протокола о разделе сфер интересов, прежде всего о разделе территории Польского государства, — это стремление тем или иным способом, но все-таки оправдать в конечном счете предвоенную политику сталинской камарильи, политику, как я уже говорил, недалековидную, беспринципную, антисоциалистическую. Как тут не вспомнить строки Ф.Ф.Раскольниковца из его Открытого письма Сталину от 17 августа 1939 года: "В грозный час военной опасности, — писал он, — когда острие фашизма направлено против Советского Союза, когда борьба за Данциг и война"

в Китае – лишь подготовка плацдарма для будущей интервенции против СССР, когда главный объект германо-японской агрессии – наша Родина, когда единственная возможность предотвращения войны – открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение военного и политического союза с Англией и Францией, вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя осями”¹⁴.

В этих провидческих словах, мне кажется, во многом отнюдь упомянутому мнению. Надо также сказать и о деятельности Коминтерна. Кое-что он мог бы сделать полезного для нашей внешней политики, если бы эта политика сама была полезной социализму, коммунистической идеологии, советскому народу, то есть, если бы она не порывала путем заигрывания с нацистами со своей революционной социально-классовой сутью. Но будучи чрезвычайно ослабленным массовыми репрессиями советской охранки против коминтерновских кадров и полностью дезориентированным идеологически и политически беспрецедентным поворотом политики СССР к союзу и дружбе с нацистской Германией, в 1939 году Коминтерн был уже совершенно не тот, что раньше: он оказался под полным контролем Сталина и НКВД, превратился, образно говоря, еще в один отдел этих охранно-репрессивных “органов”, стоявших отнюдь не на страже интересов социального прогресса, мира и демократии, а исключительно на службе советской тоталитарной административно-командной системы – антипода социализма.

Примечания

- 1 История второй мировой войны 1939–1945, т.2. М., 1974, с.290.
- 2 Там же.
- 3 Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948, с.55.
- 4 Известия, 1939, 1 ноября.
- 5 Там же.
- 6 Правда, 1940, 2 августа.
- 7 Там же.

- 8 Там же.
9 Известия, 1939, I ноября.
10 Там же.
11 Там же.
12 Правда, 1989, 30 июня.
13 См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. I. М., 1958, с. 428-429.
14 Неделя, 1988, № 26, с. 7.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ ЧЕХСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Эта тема, по-существу, "белое пятно", как в истории чешского народа, так и в истории советско-чехословацких отношений, хотя попытки постановки и рассмотрения этого вопроса и имели место в чехословацкой историографии 60-х годов. Не претендуя на полноту изображения картины, коснемся лишь некоторых ее аспектов.

Прежде всего, несколько слов о времени, предшествовавшем пакту, о летних месяцах 1939 г., когда велись англо-франко-советские переговоры. За их ходом с большим вниманием следили как в чешских землях, так и в чешской зарубежной эмиграции, оживившая с их успехом надежды на решение и чехословацкого вопроса. Понимание того, что собственными силами это сделать невозможно и что все будет зависеть от расстановки сил на международной арене всегда было сильно в чешском обществе. Особые надежды самые широкие его круги связывали с возможной войной западных держав и СССР против гитлеровской Германии и ее поражением в этой войне. Пожалуй наиболее точно эта мысль позднее, в декабре 1940 г. была сформулирована бывшим президентом ЧСР, эмигрировавшим в октябре 1938 г. на Запад, Э. Бенешем: "Нам война была необходима, и я в этом смысле делал все, чтобы она началась. Я не был подстрекателем войны, но видел, что только путем войны можно уничтожить этих гангстеров и избавиться от всех ужасов, которые они натворили"¹.

Бенеш, летом 1939 г. возвратившийся из Америки в Европу, обосновался в Англии. Недоверие к западным державам и их правящим кругам, основанное на опыте Мюнхена и событий 15 марта 1939 г., тем не менее не сделало его сторонником полной ориентации во внешней политике на Советский Союз. Вместе с тем, будучи трезво мыслящим поли-

тиком, Бенеш ясно осознавал ту роль, которую призван был сыграть СССР в дальнейших судьбах чешского и словацкого народов, в восстановлении Чехословацкого государства. Бывший в то время послом СССР в Англии И.М. Майский вспоминал впоследствии: "Бенеш не испытывал большой радости от ориентации на Восток. Его душа срослась с Западом, но как патриот он не видел для своей страны иного выхода кроме сотрудничества с Востоком. Чтобы обеспечить в будущем самостоятельность Чехословакии, он готов был проглотить и горькую пилюлю советско-чехословацкого сближения"². С тревогой Бенеш следил за всеми перипетиями англо-франко-советских переговоров, желая объединения сил западных держав и СССР во имя "войны Европы с Гитлером", которая представлялась ему единственным выходом с точки зрения возможности возрождения Чехословакии, "другой надежды на освобождение не было"³.

Надежды на то, что западные державы и Советский Союз, преодолев имеющиеся между ними противоречия, смогут создать единый фронт против Гитлера, все более крепли и в оккупированных чешских землях, где летом 1939 г. набирало силу движение Сопротивления. Одновременно — очевидно в силу того, что информация о переговорах была скудная — возникали и всяческие иллюзорные представления, связанные, в частности, с тем, что одним из вопросов, по которому не могут прийти к соглашению, является чехословацкий вопрос⁴. Велика была вера в Советский Союз, который единственный не предал Чехословакию в период Мюнхена и решительно протестовал против ее оккупации и расчленения в марте 1939 г. Авторитет великой славянской державы был тогда очень высок во всех слоях чешского общества, в том числе и весьма далеких от идей социализма.

Тем большее недоумение в массах чешского населения вызвало заключение советско-германского пакта о ненападении и последовавшее за этим начало второй мировой войны, а также оценка ее Советским Союзом и Коминтерном как империалистической с обеих сторон.

Сведения о том, что чешская общественность была шо-

кирована происшедшим, содержатся в ясных по своему происхождению источниках. Так, в секретном сообщении немецкой службы безопасности от 29 сентября 1939 г. говорилось: "На чешские слои, враждебные Германии, пакт произвел удручающее впечатление... оптимизму чехов, который с мая по август непрерывно возрастал, был нанесен сильнейший удар"⁵. Примерно в то же время нелегальное руководство КПЧ сообщало в депеше, направленной К. Готвальду в Москву: "... мелкая буржуазия и частично рабочий класс еще дезориентированы в вопросе характера войны и политики Советского Союза"⁶. Посол ЧСР в СССР (посольство существовало до конца 1939 г.) З. Фирлингер, поддерживавший связи с родиной, сообщал Бенешу 26 августа 1939 г.: "Очевидно, что пакт о ненападении, подписанный Москвой и Берлином, породил панику среди наших людей. Особенно официальный комментарий советской печати в связи с событиями будет непонятен нашей общественности. Внешне пакт выглядит, как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве..."⁷. Говоря о своих впечатлениях о заключении пакта, Фирлингер отмечал, что "были весьма удивлены не только широкие слои советских граждан, но и потрясены в своей вере многие друзья СССР"⁸.

Неоднозначно был воспринят пакт чешскими коммунистами. Сохранившиеся подпольные коммунистические издания (газеты, листовки) позволяют сделать вывод, что нелегальное руководство КПЧ и актив партии защищали внешнеполитическую линию Советского Союза и стремились дать ее убедительное разъяснение. Интересно отметить, что нелегальное руководство КПЧ было осведомлено (трудно сказать, откуда шла информация) о предполагаемом подписании советско-германского пакта и о возможном в связи с этим повороте в политике Коминтерна еще до 23 августа. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые коммунистические листовки. Поэтому, видимо, можно говорить, что пакт не был уж такой большой неожиданностью для нелегального руководства КПЧ и что очевидно поэтому оно уже 24 августа заняло по отношению к нему четкую позицию: сомнений в

правильности предпринятого Советским правительством шага не возникло. Этот документ был опубликован затем в нелегальной "Руде право" в конце сентября 1939 г.⁹

Своеобразно толковалось в нем значение подписания пакта с точки зрения задач, стоящих перед чешским народом: "Мы усматриваем в этом поступке СССР решительный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и вести ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики"¹⁰.

Однако эта позиция нелегального руководства КПЧ хотя и стала широко известна в чешских землях из многочисленных подпольных изданий - "Руде право", местная печать, листовки, устная пропаганда - сначала, видимо, не получила абсолютной поддержки рядовых коммунистов. В депеше не[л]егального руководства К.Готвальду 31 августа 1939 г. сообщалось: "Новая ситуация вызвала частично панику. Мы немедленно приняли меры к объяснению ситуации массам и к активизации борьбы против оккупантов. ЦК КПЧ выступил в связи с этим с двумя заявлениями"¹¹.

"Разброд" в умах усилился в связи с началом второй мировой войны, с оценкой ее Советским Союзом и Коминтерном как империалистической с обеих сторон и вытекающим из этого изменением тактики коммунистического движения.¹² В обстановке лавинообразного нарастания событий, быстро меняющейся международной обстановки, дезориентированного общественного мнения чешские коммунисты, действовавшие в подполье, должны были осмысливать новую линию Коминтерна на пролетарский выход из войны, на социалистическую революцию и приспособлять ее к условиям оккупированных чешских земель. Задача эта была непростая и неблагодарная, потому что этой линии не понимали не только широкие слои населения (к этому времени наличие в Протекторате антифашистского национального единства, сложившегося в весенне-летние месяцы 1939 г., было фактом), но и многие, и не только рядовые, коммунисты. Жур-

налист-коммунист Б. Райцин, например, отмечал в своей информации, подготовленной для руководства КПЧ в Москве, что "идеологическая сумятица, охватившая массы, неизбежно перекинулась на менее зрелых членов партии и даже на функционеров"¹³.

В оккупированной гитлеровцами стране труднее было даже не столько объяснить факт заключения советско-германского пакта (в нем виделся тактический маневр Советского правительства, своеобразная ловушка, расставленная им на Гитлера), сколько курс на поражение Англии и Франции в войне с фашистской Германией. Как писал Райцин, "с самого начала войны массы народа были охвачены желанием поражения нацистской Германии и... желали победы Англии и Франции"¹⁴. Поэтому и курс на поражение западных держав в войне, а также объявление Бенеша "врагом, находящимся на службе западного империализма", не могли встретить понимания ни среди широких слоев населения, ни даже среди чешского рабочего класса в оккупированной стране. "Рабочие верили лишь английским и французским сообщениям, - писал Райцин, - день за днем утешали себя тем, что западные державы все же нанесут поражение Германии, опасались дальнейших немецких успехов... В этой сумятице наши аргументы не находили благоприятной почвы. Мы (коммунисты - В.М.) плыли против течения"¹⁵.

Вместе с тем следует отметить, что среди части членов КПЧ ни советско-германский пакт, ни резко изменившаяся линия Коминтерна не вызвали сколько-нибудь большого удивления и растерянности. Это были коммунисты, как считают некоторые исследователи¹⁶, прежде всего рабочего происхождения, воспитанные на уважении к жесткой партийной дисциплине и фетишизированные первое в мире социалистическое государство: они безоговорочно верили в правильность всего того, что делалось Советским Союзом и считали пакт гениальным маневром Сталина. Колебания и сомнения в этой среде, если и возникали, то довольно быстро рассеивались.

Новый внешнеполитический курс СССР и крутой поворот

в политике Коминтерна вызвали растерянность среди многих коммунистов не только в оккупированной стране, но и в эмиграции, главным образом на Западе. Что касается заграничного руководства КПЧ в Москве, то оно в целом согласилось с новой линией (об этом свидетельствуют и депеши, направленные тогда в Прагу), но между чехословацкими коммунистами в Москве, видимо, единодушия в этом вопросе не было, что явствует, в частности, из записи беседы с представителями московской эмиграции в 1966 г., упомянутой в книге Я.Кржана¹⁷. Однако материалов, позволяющих высказать более развернутые суждения по этому вопросу, пока нет.

Для коммунистов на Западе, как и для всей чехословацкой эмиграции, заключение советско-германского пакта было полной неожиданностью и поэтому особенно сначала вызвало бурные дискуссии, непонимание и даже протест. В частности, свое несогласие с этим шагом Советского правительства выразил словацкий коммунист В.Клементис, находившийся тогда в Париже, за что с согласия московского руководства КПЧ¹⁸ и был исключен из партии с формулировкой: за измену Советскому Союзу, отступление от линии партии, Коминтерна и коммунистического движения, нарушение партийной дисциплины¹⁹.

Против пакта высказались во время дискуссий и некоторые представители чехословацкой коммунистической эмиграции в Англии²⁰. Однако в конце концов подавляющее большинство чехословацких коммунистов на Западе согласилось с новым внешнеполитическим курсом СССР, рассматривая его как "неизбежное зло", исходя из своей убежденности в неизменной правильности советской политики и веры в "провидческий гений" Сталина, из не подвергавшихся сомнению представлений о первоочередной обязанности коммунистов в любой ситуации становиться на защиту интересов первого в мире социалистического государства, а также просто подчиняясь партийной дисциплине.

Таким образом можно сказать, что глубоко запрятав или преодолев сомнения в собственных рядах, КПЧ в общем

выразила доверие новому внешнеполитическому курсу Советского Союза. Факт определенной консолидации в рядах КПЧ был зафиксирован и в документах немецкой службы безопасности и пражской тайной полиции, где сообщалось, что заключение советско-германского пакта вначале осложнило и нарушило деятельность компартии, но "нелегальной КПЧ удалось быстро преодолеть смутение в рядах своих сторонников" и с успехом изобразить пакт, как "шаг к большевистской мировой революции"²¹.

Однако следует отметить, что определенное преодоление разброда среди чешских коммунистов на платформе Коминтерна, восприятие оценки войны как империалистической с обеих сторон, а также изменения стратегии и тактики мирового коммунистического движения, нацеленных теперь не на сплочение всех антифашистских сил, а на выход из войны путем социалистической революции (отсюда выводилась и необходимость резкой критики, а затем и разрыва с буржуазным крылом антифашистского Сопротивления, о Бенешем), не создавало благоприятных условий для решения главной на том этапе задачи - развития национально-освободительной борьбы чешского народа, объединения всех участвовавших в ней социальных слоев и политических течений. Наоборот, это вело к изоляции коммунистов от широких народных масс, в значительной степени мешало завоеванию их доверия, несмотря на то, что КПЧ по-прежнему (это признается и в немецких документах)²² оставалась активной силой борьбы против оккупантов.

Новая ситуация, естественно, не могла не вызвать острых споров и в рядах чехословацкого некоммунистического Сопротивления, как в оккупированной части страны, так и за рубежом. Хотя были мнения и крайне правого толка (прежде всего это относилось к некоторой части чехословацкой эмиграции на Западе, и особенно во Франции, где в конце августа - сентябре 1939 г. развернулась широкая антисоветская и антикоммунистическая кампания), но в целом в кругах ответственных чехословацких полити-

ков оценки (что касается пакта и отношения к СССР) были довольно сдержанные.

Интересны взгляды по этим вопросам Фирлингера, постоянно поддерживавшего связь с Бенешем и неизменно рекомендовавшего осторожность и осмотрительность в оценках политики СССР. В сообщении Бенешу от 26 августа 1939 г. он писал: "Переговоры зашли в тупик. Обвинять сегодня Москву в предательстве по меньшей мере чрезмерно... мы должны выждать, прежде чем сможем понять его (имелся в виду пакт - В.М.) истинное значение и смысл". "Я надеюсь, - писал далее Фирлингер, - что Вы смотрите на события, как и я, и что не следует расценивать их, как трагические".²³ И в дальнейшем, несмотря на то, что официальная политика Советского Союза обходила полным молчанием чехословацкий вопрос, мнение Фирлингера относительно оценок позиций СССР не изменилось²⁴.

Похоже, что Бенеш разделял это мнение и был одержан в отношении внешнеполитического курса Советского Союза. Это отражалось и в его официальных выступлениях, и в посланиях своим сторонникам в оккупированной стране, хотя нельзя сказать, чтобы Бенеш однозначно положительно и с полным пониманием относился к советско-германскому пакту и последующим шагам советской внешней политики²⁵. Первая реакция Бенеша и его сторонников на заключение пакта была изложена в послании начальника его канцелярии Я.Смутного в страну 24 августа 1939 г.: "... мы смотрим на новую ситуацию весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта... наша тактика и действия останутся прежними, не взирая на меняющуюся ситуацию и развитие. Будем по-прежнему энергично готовить военное сопротивление и участвовать в войне против Германии на стороне того, что бы ее не начал и не вел"²⁶.

В целом остались неизменными оценки ситуации и линии поведения и в послании в страну, направленном в день начала второй мировой войны. Здесь отмечалось: "На-

ша линия на Западе, независимо от того, что делает Россия, есть и будет следующей: Мы ведем войну при всех обстоятельствах против Германии, Поэтому создаем армию, политически объявляем себя союзниками Франции, Англии и Польши и идем до конца"²⁷.

Документы дают возможность утверждать, что политика Бенеша в отношении СССР не изменилась и в осенние месяцы 1939 г.²⁸, хотя уже стало известно о начавшихся переговорах относительно установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Словацким государством. В оекретной политической инструкции, направленной Г.Рипке 10 октября 1939 г., говорилось: "Находясь в состоянии войны вместе с Францией, Англией и Польшей, мы не можем иметь иное официальное отношение к Советам, чем наши союзники, но мы не связываем себя ни с кем односторонне... Наша позиция остается на линии чехословацкой внешней политики последних лет: лояльность, взаимные симпатии и дружба в надежде, что СССР не одолает ничего, чем мог бы в своей теперешней политике нанести нам вред. Своей заграничной деятельностью мы не хотим ничего такого, что когда-либо и как-либо осложнило бы наше дружественное сотрудничество с СССР. Видимо мы станем его непосредственными соседями. Для сотрудничества мы оставляем дверь открытой"²⁹.

В искренности Бенеша в данном случае, видимо, не приходится сомневаться, поскольку все вышеприведенные документы, выражаясь современным языком, были предназначены для "внутреннего", "служебного" пользования. В них Бенеш разъяснял собственную позицию и взгляд на сложившуюся ситуацию своим сторонникам и единомышленникам.

Нужно отметить, что не только единомышленники Бенеша, но и его политические соперники в эмиграции придерживались осторожных оценок, анализируя советскую внешнюю политику и заключение советско-германского пакта³⁰. Вместе с тем и среди сторонников Бенеша были люди, которые, по крайней мере в частной переписке, более резко и непримиримо оценивали заключение пакта. К их числу отно-

сился, например, представлявший правое крыло национальных социалистов Г.Рипка³¹. В этот период среди разномастной чехословацкой эмиграции на Западе нередко были и прямо антисоветские и антикоммунистические голоса (особенно этим отличалась реакционная часть высших армейских кругов и некоторые правые национальные социалисты и социал-демократы)³².

Однако, видимо, не они задавали тон в чехословацких эмигрантских кругах. Об этом свидетельствует, в частности, оценка, содержащаяся в сообщении Фирлингера в Лондон 12 октября 1939 г.: "Слушаю сейчас регулярно чешские радиопередачи из Лондона... Констатирую с радостью, что наше радио избегает принципиальной критики сегодняшней политики Советского Союза. Я знаю, что сам президент смотрит на вещи очень спокойно и хорошо взвешивает негативные и позитивные стороны нового развития"³³.

Такое же сдержанное отношение к политике Советского Союза было видимо характерно в целом и для сторонников Бенеша в оккупированной стране, где недоумение от заключения советско-германского пакта сочеталось с надеждой на то, что в создавшейся ситуации Советский Союз, находясь в дружественных отношениях с Германией, найдет возможность облегчить положение чешского народа, а в подходящий момент прийти ему на помощь (эти настроения особенно усилились после установления новых западных границ СССР).

Как свидетельствует чешский исследователь Б.Пекарек, опирающийся в своих выводах на многочисленные изученные им материалы, для нелегальных некоммунистических изданий антисоветские настроения осенью 1939 г. были не характерны³⁴.

В начале октября оккупированные чешские земли залила огромная "листовочная волна", которая не опала еще и в ноябре 1939 г. Листовки были как коммунистические, так и некоммунистические, но имели один характер: обращение за помощью к СССР (первые) или к России (вторые). В по-

следних, адресованных "товарищам и славянам", высказывалась мысль о присоединении Чехословакии к СССР в форме протектората: "Мы — славяне и поэтому по праву требуем протектората СССР"³⁵.

Таким образом можно сказать, что резкое изменение внешнеполитического курса Советского Союза, вызвавшее особенно в начале недоумение, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, не оказали в целом негативного влияния на отношение чешского антифашистского некоммунистического лагеря к СССР. Возможная помощь оккупированной стране ожидалась как с Запада (в связи с начавшейся войной), так и с Востока (особенно по мере того, как война на Западе стала обнаруживать свой "странный" характер).

Об усилении симпатий к СССР (или России) в осенние месяцы 1939 г. свидетельствуют документы самого разного происхождения. Так, в немецком документе, ообщающем о подготовке к 21-й годовщине создания Чехословакии 28 октября 1939 г. говорилось: "массе чешского народа... своей надежда на освобождение к 28 октября, переход протектората к Советскому Союзу, возвращение президента Бенеша"³⁶. В этот день во время массовых демонстраций провозглашались лозунги: "Долой Гитлера!", "Да здравствует Бенеш!", "Хотим Сталина!". Наряду с национальным гимном "Где мой дом" и песней "Тей, славяне" пели "Интернационал" и гимн Советского Союза³⁷.

В письме, полученном Бенешем в ноябре 1939 г. от одного из видных деятелей некоммунистического крыла Сопротивления, говорилось: "Вопреки пакту с Германией Россия пользуется у нас большой любовью. Пакт рассматривается, как удавка, подготовленная Гитлеру русокой стороной"³⁸.

Тот факт, что многие материалы пока недоступны исследователям, не позволяют раскрыть весь сложный комплекс вопросов, связанных с отражением в чешском общественном сознании международных событий августа-ноября 1939 г. (с декабря, с советско-финской войны, в нем обозначился новый поворот), но приведенные материалы дают, на наш

взгляд, возможность показать, хотя и неполно, отношение к Советскому Союзу в этот период различных активных социальных и политических сил чешского общества. Колебания, сомнения, неуверенность в оценке внешнеполитической линии Советского Союза, резко критическое и даже негативное отношение к ней, свойственные в той или иной мере всем слоям чешского общества после заключения советско-германского пакта, в том числе рабочему классу и коммунистам, постепенно уступали место новой волне прорусских, просоветских настроений.

"Кредит доверия" к Советскому Союзу (со стороны некоторых слоев населения по классовым мотивам; других — благодаря традиционному чувству славянской взаимности; третьих — в силу полученного в последний год опыта, когда СССР, единственный из всех государств, выразил готовность оказать помощь Чехословакии в период Мюнхена и выступил с решительным протестом против ее оккупации и расчленения в марте 1939 г. гитлеровской Германией) был так велик, что ни советско-германский пакт, ни прочие внешнеполитические акции того времени не могли погасить веру чешского народа в то, что помощь придет с Востока.

Примечания:

1. Dokumenty z historie československé politiky. 1939-1943. Díl 2. Praha, 1966, s. 595.
2. Křen J. V emigraci. Západní zahraniční odboj. 1939-1940. Praha, 1969, s. 503.
3. Dokumenty z historie ... D., I. s.
4. Odboj a revoluce. Zprávy, 1969, 1969, N I., s. 73-74.
5. Odboj a revoluce, Zprávy, 1966, N 4, s. 98.
6. Depeše mezi Prahou a Moskvou. 1939-1941. - Příspěvky k dějinám KSČ, 1967, N 3, s. 394.
7. Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Praha, 1947, s. 280.
8. Ibid., s. 284-285.
9. Rudé právo. 1939-1945. Praha, 1971, s. 32.
10. Ibidem.
11. Depeše ... s. 388.
12. Ibid., s. 390, 392-393.

13. Z počátků odboje. Praha, 1969, s. 104-105.
14. Ibid., s. 98.
15. Ibid., s. 99.
16. Odboj a revoluce. Zprávy, 1966, N 4, s. 102.
17. Křen J. V emigraci, s. 552.
18. Depeše ... s. 414, 417.
19. Holotíková Z., Plevza V. Vladimír Klementis. Bratislava, 1972, s. 185.
20. Beneš E. Paměti. Praha, 1947, s. 212; Křen J. V emigraci. s. 552.
21. Komunistický odboj ve světle dokumentů. Sb. dokumentů d. I., Praha, 1971, s. 246-247, d. 2., Praha, 1971, s. 88-89.
22. Komunistický odboj ve světle dokumentů, d. I, s. 247.
23. Fierlinger Z. Ve službách ČSR, d. I, s. 279-280, 283.
24. Ibid., s. 297, 305.
25. Křen J. V emigraci. s. 49.
26. Ibid., s. 48.
27. Ibid., s. 51.
28. Начало советско-финской войны оказало влияние и на позиции Бенеша, по крайней мере это видно из его официальных выступлений.
29. Křen J. Dr. Beneš za války. - Československý časopis historický, 1965, č. 6, s. 808.
30. Křen J. Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj. 1938-1939. Praha, 1963, s. 551.
31. Křen J. V emigraci. s. 46-47.
32. Ibidem, s. 47.
33. Fierlinger Z. Ve službách ČSR, d. I., s. 295.
34. Odboj a revoluce. Zprávy, 1969, N 1, s. 71-76.
35. Ibid., s. 76.
36. Z počátků odboje, s. 498.
37. Ibidem.
38. Janáček F. Dva směry v začiatkoch národného odboja. Bratislava, 1962, s. 216.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ 1939 г. И РЕАКЦИЯ НА ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЕ В БОЛГАРИИ

Вопрос о восприятии в Болгарии советско-германского пакта о ненападении 1939 г., о его влиянии на развитие антифашистской борьбы в этой стране специально не исследовался ни в советской, ни в болгарской литературе. Ученые, в той или иной мере касавшиеся этого вопроса, единодушны в признании того, что пакт был воспринят одобрительно как широкими народными массами Болгарии, так и прогермански настроенным правительством Г. Кюсеиванова. В то же время анализ позиций отдельных партий¹ и политических деятелей показывает, что их реакция на заключение советско-германского договора была различной, более того, не было единства даже между деятелями одной и той же партии. Как справедливо отмечает болгарский историк В. Георгиев, это объясняется как предшествовавшей внешнеполитической линией отдельных партий и политических деятелей, так и растерянностью, смятением в умах, наступившим у всех после заключения пакта².

Надо сказать, что для болгарского правительства советско-германский договор не явился полной неожиданностью. Еще во второй половине июня 1939 г. оно получило информацию от болгарского посла в Берлине П. Драганова о возможности заключения пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом³. В обстановке зашедших в тупик 3-сторонних переговоров в Москве это сообщение произвело сильное впечатление на болгарское правительство, по многим причинам нежелавшего реализации военно-политического союза между СССР, Великобританией и Францией.

В заключении советско-германского пакта правительство Кюсеиванова видело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее Болгарии возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по мнению болгарских властей, зависело разрешение некоторых

важных для Болгарии внешнеполитических вопросов (прежде всего, возвращение Южной Добруджи и выход к Эгейскому морю), а также улучшение экономического положения страны.

Действительно, в конце 1939 – начале 1940 гг. наблюдается заметное улучшение отношений Болгарии с СССР при одновременном усилении прогерманской ориентации болгарского правительства. Расширение отношений с Советским Союзом идет главным образом в хозяйственной и культурной областях: заключаются торговые соглашения, устанавливается регулярное воздушное сообщение между Москвой и Софией, растет число болгаро-советских обществ, расширяется их деятельность, увеличивается продажа советских газет и книг, в кинотеатрах с огромным успехом демонстрируются советские фильмы. Все это в сочетании с активной пропагандистской деятельностью болгарских коммунистов вело к усилению советского влияния в Болгарии, к росту симпатий к Советскому Союзу в широких народных массах, к тому же традиционно русофильски настроенных. Одновременно и отношения Болгарии с Германией продолжают в этот период развиваться по восходящей линии: заключаются новые торговые договоры, согласовываются все внешнеполитические шаги. Словом, как выразился в августе 1939 г. Кьосеиванов, Болгария "идет нога в ногу" /Zusammengehen/ с Германией.

Немецкие наблюдатели сообщали в своих донесениях из Софии, что советско-германский договор был воспринят болгарским населением восторженно, многие отмечали это событие, как праздник⁴.

Остановимся подробнее на отношении к советско-германскому пакту Болгарской рабочей партии – наиболее влиятельной и организованной политической силы в стране. Известно, что компартии разных стран по-разному отреагировали на заключение пакта (от его резкого неприятия до горячего одобрения) и на последовавшие за ним директивы Коминтерна, вынужденного учитывать внешнеполитический курс Советского Союза.

Следуя указаниям ИККИ, БРП с самого начала выступи-

ла в поддержку этого шага Советского правительства. В специальном письме, которое было распространено среди населения, ЦК БРП разъяснял позицию партии в связи с заключением договора. А в сентябрьском номере нелегального органа БРП газете "Работническое дело" была опубликована передовая статья "Германо-советский пакт о ненападении", которая также затем распространялась в виде отдельной листовки по всей стране. ЦК БРП стремился разъяснить, что заключение договора не означает поворота в политике Советского правительства, так как этот шаг является продолжением миролюбивой политики Советского Союза в отношении всех стран, готовых проводить такую же политику по отношению к нему. "Рабочая партия Болгарии, — отмечалось в "Работническое дело", — полностью одобряет пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией. Это, однако, не означает прекращения нашей борьбы против фашизма, против германской и итальянской агрессии. Новое в этой борьбе после заключения пакта состоит в том, что в процессе переговоров между Англией, Францией и СССР была разоблачена подлая роль правительств Чемберлена и Даладьё"⁵.

Подавляющее большинство рядовых коммунистов сразу восприняло договор положительно. Авторитет и влияние СССР среди широких масс, и прежде всего коммунистов, был настолько велик, что они готовы были одобрить любой его внешнеполитический шаг, будучи заранее уверены в его правильности. Однако отдельные члены и сочувствующие БРП испытывали растерянность и недоумение. ЦК БРП сообщал Загранбюро, что в первые дни после заключения договора имелись колебания в рядах партийной интеллигенции⁶. Руководству партии пришлось применить много тактики и гибкости, чтоб убедить коммунистов и других антифашистов в необходимости этого шага Советского правительства и в его полезности для Болгарии. Павлов написал даже с этой целью специальную работу "Против путаницы в понятиях".

Ситуация осложнялась тем, что свою внутривнутриполитическую тактику БРП должна была сообразовывать с наступившими изменениями в настроениях и поведении лидеров буржу-

азной и мелкобуржуазной оппозиции. Накануне войны оппозиция выступала против прогерманской внешнеполитической ориентации болгарского правительства, пыталась раскрыть неискренний характер провозглашенного Болгарией нейтралитета и показать, что он является прикрытием фактического союза с Германией. События конца августа – начала сентября 1939 г. привели оппозиционные буржуазные и мелкобуржуазные круги в состояние полной растерянности. Вторая по численности и по влиянию после коммунистической партия – Болгарский земледельческий народный союз – была в этот период разделена на два крыла: левое ("Тладне") и правое ("Врабча I"). И в том, и в другом крыле многие деятели отнеслись к пакту резко отрицательно. Лидеры БЗНС – "Врабча I" Д.Гичев и В.Димов, лидер БЗНС – "Тладне" Г.М.Димитров (Гемето) осудили этот шаг Советского Союза. С критикой советско-германского договора выступил лидер Демократической партии Н.Мушанов. Социал-демократы встретили заключение договора с нескрываемым удивлением и сначала лишь отметили этот факт в своей газете "Дьга", где поместили выдержки из передовицы "Известий", посвященной пакту. Лидер БРСДП Кр.Пастухов заявил, что этот шаг СССР означает "поворот спиной к западным демократиям и к антифашистскому фронту". Пастухов выразил пожелание, чтобы Советский Союз присоединился к западному блоку держав в борьбе против фашистских государств⁷. Как "реалистичный" шаг Советского Союза оценило пакт большинство деятелей союза "Звено". Но они смотрели на этот договор скептически и считали, что Германия использует его, чтобы напасть на Польшу.

Представители англо-французской ориентации в буржуазной оппозиции, группировавшиеся вокруг газеты "Мир", восприняли советско-германский договор как тяжелый удар, как неудачу англо-французской дипломатии, и предпочли обойти этот вопрос молчанием. Русофильское же течение в оппозиции, напротив, оценило пакт положительно. Возглавлявший это течение М.Маджаров (лидер Народняцкой партии) назвал договор "обычным миролюбивым актом, имеющим

целью успокоить близких соседей и вселить в них уверенность в отсутствии дурных намерений по отношению к ним". Маджаров выразил также надежду, что этот договор "поможет избежать страшной войны"⁸.

Таким образом, реакция различных политических деятелей и группировок на советско-германский договор показывает, что его заключение внесло смятение в ряды антифашистов, вызвало кризис в движении народного фронта. Многие деятели БЗНС, БРСДП, Демократической, Национально-либеральной партий отказались от установленного в предвоенные годы сотрудничества с коммунистами. Наиболее правые буржуазные лидеры вышли из оппозиции и открыто перешли на сторону правительства. Большая же часть нефашистских буржуазных деятелей оставалась в оппозиции властям с позиций защиты буржуазной демократии. Они выступали за нейтралитет Болгарии, не одобряли советско-германский пакт и обвиняли СССР в том, что он предал Великобританию и Францию, чью войну против Германии они считали справедливой.

В этой ситуации перед БРП стояла весьма трудная задача - восстановить единство антифашистского движения, убедить деятелей мелкобуржуазной и буржуазной оппозиции в том, что советско-германский пакт не означает прекращения борьбы против германской агрессии и правительства Кьосеиванова. В то же время БРП выступила с резкой критикой поведения Кр.Пастухова, Н.Мушанова и других политических деятелей, начавших борьбу против Советского Союза. Партия неоднократно подчеркивала в своих воззваниях, что политика колеблющихся лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий не служит делу мира и интересам болгарского народа⁹.

Болгарские ученые, в частности, Д.Сирков, полагают, что все же в Болгарии, в отличие от других стран, в первые месяцы войны не произошло такого глубокого кризиса и раскола в антифашистском движении (в сентябре - октябре 1939 г. БРП сохраняла еще предвоенную политическую линию, включая и лозунг национального антифашистско-

го фронта, снятый лишь в ноябре). Партия не осталась в изоляции. Левые социалисты, "Звено", левые силы в БЗНС и в новых условиях продолжали сотрудничать с коммунистами, выступали за союз с СССР¹⁰. Можно сказать, что одной из причин того, что заключение советско-германского пакта не вызвало в антифашистском движении Болгарии такого шока, как, например, в оккупированных или находившихся под угрозой оккупации странах, было то, что Болгария шла уже в это время в фарватере гитлеровской Германии. Другой причиной одобрения договора большей частью населения Болгарии было традиционное русофильство болгарского народа. Большую роль сыграла довольно гибкая линия БРП, сумевшей в трудных условиях скорректировать на практике свою внутривластную линию, творчески применять общие директивы ИККИ в специфических условиях страны. Болгарские коммунисты, формально поддержав установку Коминтерна на то, что "главным врагом" являются Великобритания и Франция, в своей практической деятельности направляли основной огонь критики против Германии и Италии. Слово "фашизм", призывы к антифашистской борьбе не исчезли из материалов БРП. Развитие политической линии БРП в конце 1939 г. - 1940 г. было очень сложным и противоречивым. Налицо был определенный диссонанс между теоретическими взглядами БРП на происходившие в этот период процессы и между конкретной практической деятельностью коммунистов. Если в теоретическом освещении этих процессов БРП допускала определенные ошибки (связанные с политической линией Коминтерна), то на практике она часто действовала именно так, как того требовала обстановка. С весны 1940 г. наблюдается эволюция, существенные изменения в политической линии партии в направлении предвоенной политики национального антифашистского фронта. Огонь критики БРП направляет уже исключительно против фашистской Германии¹¹. Этот процесс эволюции завершается после 22 июня 1941 г., когда была поставлена задача сплочения всех демократических и патриотических сил в едином фронте борьбы против фашизма.

1. Хотя официально все политические партии в Болгарии были запрещены и распущены после переворота 19 мая 1934 г., они не исчезли с политической арены и с большей или меньшей степенью активности участвовали в общественной жизни страны.
2. См.: Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, 1934-1939. София, 1971, с. 449.
3. См.: Сирков Д. Външната политика на България, 1938-1941. С., 1979, с. 152.
4. О том, что пакт приветствовали самые разные слои населения Болгарии с различной политической ориентацией, свидетельствует такой любопытный факт. Приехавший в октябре 1939 г. в Москву болгарский коммунист рассказывал члену Загранбюро ЦК БРП Станке Димитрову как 24 августа он оказался на небольшой железнодорожной станции в Родопских горах и застал рабочих местной лесопилки за дружеской беседой с хозяином. Он очень удивился, поскольку знал о напряженных отношениях между рабочими и хозяином. Оказалось - только что по радио сообщили о заключении советско-германского пакта. И, поскольку рабочие всегда выступали за дружеские отношения с СССР, а хозяин - с Германией, теперь они нашли общий язык по вопросам международного положения. - ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 74, д. 74, л. 55.
5. "Работническо дело" 1939, № 8.
6. ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 74, д. 74, л. 57.
7. См.: Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии..., с. 448-449.
8. "Мир", 25.УШ 1939.
9. "Работническо дело", 1939, № 8; воззвание БРП "По какому пути?" (10.10. 1939) - "Антифашистката борба в България. Документи и материали". Т. I, София, 1984, с. 23-24.
10. См. Сирков Д. Политическата линия на БРП по време на Втората световна война (1 септември 1939 - 22 юни 1941г.) - "Известия на Института по история на БКП", т. 29, 1973, с. 293.

II. Наиболее ярким проявлением эволюции во внешнеполитической линии БРП было изданное в начале августа 1940 г. воззвание, целиком направленное против гитлеровской Германии, критиковавшее прогерманскую ориентацию болгарского правительства. Об этом документе стало известно в Лондоне, и английская пропаганда использовала его в своих целях. По признанию Г.Димитрова, он был вызван в связи с этим к Сталину и вынужден был давать объяснения по поводу воззвания БРП, принесшего серьезные дипломатические трудности советскому руководству. После этого Загранбюро ЦК БРП пришлось выступить с критикой внешнеполитической линии ЦК. Суть этой критики заключалась в том, что, сосредоточив огонь на агрессивных действиях гитлеровской Германии, партия в то же время "не защитила от нападков с подобающей настойчивостью германо-советский пакт". Загранбюро подчеркнуло, что партия должна уметь сочетать борьбу против хозяйничанья германских империалистов в Болгарии с защитой мирной политики СССР, включая и сохранение германо-советского пакта. - См. Драгойчева Ц. Повеля на дълга. Щурмът. С. 279-280; ЦПА ИМЛ, ф. 495, исх. 1940, д. II, л. 97-98.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ 1939 г.

Среди источников, отражающих сложности развития политического кризиса в Европе весной-осенью 1939 г., определенный интерес представляют ранее не использовавшиеся (да и вообще не упоминавшиеся^{1/}) в советской историографии статьи бывшего (в 1918-1924 гг.) председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора Л.Д.Троцкого - "Двойная звезда: Гитлер - Сталин" (4 декабря 1939 г.) и "Сталин после Финляндского опыта" (13 марта 1940 г.)^{2/}. Даже если подходить к оценке этих работ Троцкого с позиций ортодоксальных последователей марксизма-ленинизма, то и тогда можно с определенной ответственностью заявить, что он не только ни в чем не предал великого наследия основоположников научного социализма, но напротив - выступил в это время одним из немногих (наряду с Ф.Ф.Раскольниковым^{3/}), кто попытался защитить чистоту социалистических идеалов перед мировой общественностью.

В основе аналитических (и ярко публицистических) статей Троцкого - история становления в Германии и СССР тоталитарных режимов, нелюбимая критика их вождей, внешнеполитическая ситуация и попытка ее прогнозирования. В этой последовательности попытаемся отразить позиции Троцкого, используя тексты его статей.

Броский, интригующий (в какой-то степени и риторический) заголовок статьи "Двойная звезда ..." объясняется ее автором сразу же: "Когда Гитлер молниеносно вторгается в Польшу с Запада, Сталин осторожно, крадучись, вступает в Польшу с Востока. Когда Гитлер, задушив 23 миллиона поляков, предлагает прекратить "бесполезную" войну, Сталин, через свою дипломатию и свой Коминтерн, восхваляет преимущества мира. Когда Сталин занимает стратегические позиции в Прибалтике, Гитлер услужливо вывозит оттуда своих немцев. Когда Сталин наступает на Финляндию, печать Гитлера

– единственная в мире – выражает Кремлю свою полную солидарность. Орбиты Гитлера и Сталина связаны какой-то внутренней связью... Двойные звезды бывают "оптические", т.е. мнимые, и физические, т.е. составляющие действительную пару, причем одна вращается около другой. Представляют ли Гитлер и Сталин на сегодняшнем багровом небосклоне мировой политики действительную или мнимую двойную звезду? И если действительную, то кто вокруг кого вращается?... Политики и журналисты враждебного лагеря с целью перессорить друзей изображают Сталина главной звездой, а Гитлера – спутником. Попробуем разобраться в этом непростом вопросе...^{4/} Необходимость дать окончательный ответ на поставленный вопрос и заставляет Троцкого обратиться к истории становления существующих в Германии и СССР режимов, отметить характерные для них особенности.

Капиталистическая Германия возникла значительно позже своих западных соседей, создала самую передовую и динамичную индустрию на континенте, но оказалась обделенной при первоначальном разделе мира. Попытка германских империалистов осуществить его передел в ходе первой мировой войны оказалась безуспешной. "Тоталитарный режим Гитлера вырос из страха имущих классов Германии перед социалистической революцией. Гитлер получил мандат от собственников какую угодно ценою спасти их собственность от угрозы большевизма и открыть им выход на мировую арену... Победоносная наступательная война должна обеспечить экономическое будущее германского капитализма и вместе с тем национал-социалистический режим."^{5/} Созданный в Германии режим отличают динамичная индустрия, технический гений, дух дисциплины и чудовищная военная машина. Поставив своей целью новый передел мира, Гитлер "меняет свои "дружбы", свои оценки наций и государств, нарушает договоры и обязательства, обманывает врагов и друзей", стремится "превратить объединенную Германию в базу для господства над Европой; превратить объединенную Европу в базу для борьбы за мировое господство..."^{6/} Этим "он оправдывает тоталитарный режим, который стальным обручем сдавил клас-

совые противоречия внутри немецкой нации".^{7/} Было бы "величайшим легкомыслием" (как это делает определенная часть "международной пропаганды"), отмечает Троцкий, "изображать Гитлера как загнанного в тупик маньяка".^{8/} До этого еще очень далеко: ведь речь идет о судьбе фашистского режима и государства. "Польское правительство и чехословацкое полуправительство находятся сейчас во Франции. Кто знает, не придется ли французскому правительству, вместе с бельгийским, голландским, польским и чехословацким искать убежища в Великобритании?.."^{9/} И все же, несмотря на возможность в дальнейшем временных военных побед Гитлера, Троцкий выносит ему однозначный приговор: "задача Гитлера неразрешима ... передел мира в пользу Германии не удастся ... Колонии не хотят быть колониями. Новая мировая война даст новый грандиозный толчок движению независимости угнетенных народов"^{10/}; на пути осуществления замыслов Гитлера к мировому господству встанут новые государства (и не только европейские), "...германский империализм пришел слишком поздно. Его милитаристические основания закончатся величайшей катастрофой. Но прежде, чем пробьет его час, многое и многие будут сметены в Европе. Сталин не хочет быть в их числе. Он больше всего остерегается поэтому оторваться от Гитлера слишком рано"^{11/}.

Главное внимание в статьях Троцкого уделено сталинской олигархии, что вполне естественно и объяснимо: никто кроме него (учитывая многолетнюю работу Троцкого в СНК и Политбюро ЦК партии, наличие у него значительного архива, включавшего выписки из протоколов Политбюро, ЦК и Коминтерна, и др.) не мог в то время в силу объективных и субъективных причин вскрыть особенности сложившейся в СССР командно-административной системы; стояла перед Троцким и необходимость отмежевать себя от ответственности за деяния этой системы (к формированию которой на ее раннем этапе он в той или иной степени был причастен) перед мировой общественностью; наконец, существенную роль играли и личные мотивы — по-разному, но их затянувшийся личный "спор" со Сталиным все еще продолжался.

Возможно, в силу одной из этих причин Троцкий и посчитал необходимым начать свою статью 1940 г. экскурсом в прошлое: "Когда фракция Сталина еще только готовила исключение "троцкистов" из партии, Сталин, в свойственной ему форме инсинуации, спрашивал:

- Неужели оппозиция - против победы СССР в грядущих боях против империализма?

На заседании пленума ЦК в августе 1927 года я ответил на это, согласно секретному стенографическому отчету:

"В сущности Сталин имеет в виду другой вопрос, который не решается высказать, именно: неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не в состоянии обеспечить победу СССР? Да, думает!"

- А партия где? - прервал меня с места Молотов, которого Сталин в интимных беседах называл "деревянным".

- Партию вы задушили, - последовал ответ. Свою речь я закончил словами:

"За социалистическое отечество? - Да! За сталинский курс? - Нет!"

И сейчас, как тринадцать лет тому назад, я полностью стою за защиту СССР. От британского правящего класса я не только географически, но и политически отстою на несколько тысяч миль дальше, чем, например, Бернар Шоу, неутомимый паладин Кремля. Французское правительство арестовывает моих единомышленников. Но все это нисколько не побуждает меня защищать внешнюю политику Кремля. Наоборот: я считаю, что главным источником опасностей для СССР в нынешней международной обстановке являются Сталин и возглавляемая им олигархия. Борьба против них перед лицом мирового общественного мнения неразрывно связана для меня с защитой СССР^{12/}

По оценке Троцкого, Сталин - человек "посредственных интеллектуальных качеств с большим перевесом хитрости над умом", с "ненасытным честолюбием, исключительным упорством и завистливой мстительностью". Он "никогда не заглядывал далеко вперед, никогда и ни в чем не проявлял большой инициативы: он выжидал и маневрировал. Его власть почти что была навязана ему сочетанием исторических обстоя-

ятельств; он лишь сорвал созревший плод. Жадность к господству, страх перед массами, беспощадность к слабому противнику, готовность согнуться вдвое перед сильным врагом — эти свои черты новая бюрократия нашла в Сталине в наиболее законченном выражении и она провозгласила его своим императором.

Ко времени смерти Ленина в 1924 году бюрократия уже была в сущности всемогущей, хотя сама еще не успела отдать себе в этом отчета. В качестве "генерального секретаря" бюрократии Сталин был уже в те дни диктатором, но сам еще не знал этого полностью. Меньше всего знала об этом страна. Единственный пример в мировой истории: Сталин успел сосредоточить в своих руках диктаторскую власть, прежде чем один процент населения узнал его имя! Сталин — не личность, а персонификация бюрократии.

В борьбе с оппозицией, отражавшей недовольство масс, Сталин осознал постепенно свою миссию как защитника власти и привилегий новой правящей касты. Он сразу почувствовал себя тверже и увереннее. По своим субъективным тенденциям Сталин является ныне, несомненно, самым консервативным политиком Европы. Он хотел бы, чтобы история, обеспечив господство московской олигархии, не портила своей работы и приостановила свое течение.

Свою несокрушимую верность бюрократии, т.е. самому себе, Сталин обнаружил с эпической свирепостью во время знаменитых чисток. Смысл их не был понят своевременно. Старые большевики старались охранять традицию партии. Советские дипломаты пытались по-своему считаться с международным общественным мнением. Красные полководцы отстаивали интересы армии. Все три группы попали в противоречие с тоталитарными интересами кремлевской клики и были поголовно истреблены. Представим на минуту, что вражеской воздушной флотилии удалось пробиться через все заграждения и уничтожить бомбами здание министерства иностранных дел и военного — как раз в тот момент, когда там заседал цвет дипломатии и командного состава. Какая катастрофа! Какое потрясение внес бы в жизнь страны подобный адский

удар! Сталин с успехом выполнил эту операцию без помощи иностранных бомбовозов: он собрал со всех концов мира советских дипломатов, со всех концов СССР – советских военачальников, запер их в подвалы ГПУ и всадил им всем по пуле в затылок. И это накануне новой великой войны!

Литвинов физически уцелел, но политически ненадолго пережил своих бывших политических сотрудников. В ликвидации Литвинова помимо политического мотива – согнуться вдвое перед Гитлером – был, несомненно, личный мотив. Литвинов не был самостоятельной политической фигурой. Но он слишком мозолил глаза Сталину одним тем, что говорил на четырех языках, знал жизнь европейских столиц, и во время докладов в Политбюро раздражал невежественных бюрократов ссылками на недоступные им источники. Все ухватились за счастливый повод, чтоб избавиться от слишком просвещенного министра.

Сталин вздохнул с облегчением, почувствовав себя, наконец, головою ныне всех своих сотрудников. Но как раз тут начались новые затруднения. Беда в том, что Сталин лишен самостоятельности в вопросах большого масштаба: при громадных резервах воли ему не хватает способности обобщения, творческого воображения, наконец, фактических знаний. Идеино он всегда жил за счет других: долгие годы – за счет Ленина, причем неизменно попадал в противоречие с ним, как только оказывался изолирован от него; со времени болезни Ленина Сталин заимствовал идеи у своих временных союзников Зиновьева и Каменева, которых затем подвел под пули ГПУ. В течение нескольких лет он пользовался затем для своих практических комбинаций обобщениями Бухарина. Расправившись с Бухариным, Вениамином партии, он решил, что в обобщающих идеях надобности больше нет; к этому времени бюрократия СССР и аппарат Коминтерна были доведены до состояния самой униженной и постыдной покорности". 13/

В отличие от Германии, констатирует Троцкий, "СССР характеризуется прямо противоположными чертами ... Миссия советского режима состоит не в том, чтобы найти новые

пространства для производительных сил, а в том, чтобы создать производительные силы для старых пространств. Хозяйственные задачи СССР не требуют расширения границ. Состояние производительных сил не допускает большой войны. Наступательная сила СССР невелика. Оборонительная сила по-прежнему в его пространствах... Советский Союз ... является в экономическом смысле самой слабой из великих держав. В марте этого года Сталин после ряда лет неслыханного официального хвастовства впервые заговорил на съезде партии о сравнительной производительности труда в СССР и на Западе.¹⁴ Целью его экскурса в область мировой статистики было объяснить ту нищету, в которой все еще живут народы СССР. Чтобы догнать в отношении чугуна Германию по расчету на душу населения, СССР должен был бы производить не 15 миллионов тонн в год, как ныне, а 45 миллионов; чтобы догнать Соединенные Штаты надо было бы довести ежегодную выплавку до 60 миллионов, т.е. повысить в четыре раза. Так же, и даже еще менее благоприятно, обстоит дело со всеми остальными отраслями хозяйства. Сталин выразил, правда, надежду на то, что Советский Союз догонит передовые капиталистические страны в ближайшие 10-15 лет. Срок, разумеется, гадательный! Но до истечения этого срока участие СССР в большой войне означало бы, во всяком случае, борьбу с неравным оружием.

Моральный фактор, не менее важный, чем материальный, резко изменился за последние годы к худшему. Тенденция к социальному равенству, возведенная революцией, расплывана и поругана. Надежды масс обмануты. В СССР есть 12-15 миллионов привилегированного населения, которое осредотачивает в своих руках около половины национального дохода и называет этот режим "социализмом". Но кроме того, в стране есть около 160 миллионов, которые задушены бюрократией и не выходят из тисков нужды." Поскольку тоталитарный режим Сталина "вырос из страха новой касты революционных выскочек перед задушенным ею революционным народом", Сталин "не может вести наступательной войны с надеждой на успех. К тому же она не нужна ему. В случае вовлечения СССР

в мировую войну с ее неисчислимыми жертвами и лишениями все обиды и насилия, вся ложь официальной системы вызовут неизбежно глубокую реакцию со стороны народа, который совершил в этом столетии три революции. Никто не знает этого лучше, чем Сталин. Основная идея его внешней политики — избежать войны"^{15/} Однако в статье 1940 г. Троцкий счел необходимым все же несколько скорректировать свою позицию: "...времененно Сталин может получить поддержку извне: для этого нужно было бы, чтобы союзники вступили в войну с СССР. Такая война поставила бы перед народами СССР вопрос не о судьбе сталинской диктатуры, а о судьбе страны. Защита от иностранной интервенции неизбежно укрепила бы позиции бюрократии. В оборонительной войне Красная армия действовала бы, несомненно, успешнее, чем в наступательной. В порядке самообороны Кремль оказался бы даже способен на революционные меры. Но и в этом случае дело шло бы только об отсрочке. Несостоятельность сталинской диктатуры слишком обнаружилась за последние 15 недель /имеются в виду события советско-финляндской войны 1939-1940 гг., в ходе которой, как пишет Троцкий, "наряду с дипломатом и стратегом поражение потерпел "вождь мирового социализма" и "освободитель финского народа" — Е.Ж./ Не нужно думать, что народы, сдавленные тоталитарны обручем, теряют способность наблюдать и рассуждать. Они делают свои выводы медленнее, но тем тверже и глубже"^{16/}

В статье 1939 г. Троцкий вспоминает, что в одной из своих работ, опубликованной свыше двух лет назад лондонским Королевским Институтом, он писал: "Гитлер борется против франко-русского союза не из принципиальной вражды к коммунизму (ни один серьезный человек не верит более в революционную роль Сталина), а потому, что хочет иметь руки свободными для соглашения с Москвой против Парижа..." Тогда эти слова истолковывались как продукт предвзятости. События принесли проверку"^{17/}

23 августа 1939 г. в Москве Молотов и Риббентроп подписали советско-германский договор о ненападении. Каким образом это оказалось возможным? Что принес этот договор

обеим сторонам? Какова реакция на него Западных держав? Каковы, по мнению Троцкого, перспективы развития международного революционного движения?

"К изумлению дипломатических рутинеров и пацифистских ротозеев, — не без значительной доли сарказма отмечает Троцкий, — Сталин оказался в союзе с Гитлером по той простой причине, что опасность большой войны могла идти только со стороны Гитлера, и что, по оценке Кремля, Германия сильнее своих нынешних противников. Длительные московские совещания с военными делегациями Англии и Франции послужили не только прикрытием переговоров с Гитлером, но и прямой военной разведкой. Московский штаб убедился, очевидно, что союзники плохо подготовлены к большой войне. Насквозь милитаризованная Германия есть страшный враг. Купить ее благожелательность можно только путем содействия ее планам. Этим и определилось решение Сталина.

Союз с Гитлером не только отодвигал непосредственную опасность вовлечения СССР в большую войну, но и открывал возможность получить непосредственные стратегические выгоды. В то время как на Дальнем Востоке Сталин, уклоняясь от войны, в течение ряда лет отступал и отступал, на западной границе обстоятельства сложились так, что он мог убежать от войны — вперед, т.е. не сдавать старые позиции, а захватывать новые. Печать союзников изображает дело так, будто Гитлер оказался пленником Сталина и подчеркивает громадность выгод, которые получила Москва за счет Германии: половина Польши (на самом деле, по числу населения — около трети), плюс господство над восточным побережьем Балтийского моря, плюс открытая дорога на Балканы и пр. Выгоды, полученные Москвой, несомненно, значительны. Но окончательный счет еще не подведен. Гитлер начал борьбу мирового масштаба. Из этой борьбы Германия выйдет либо хозяином Европы и всех ее колоний, либо раздавленной. Обеспечить свою восточную границу накануне такой войны являлось для Гитлера вопросом жизни и смерти. Он заплатил за это Кремлю частями бывшей царской империи. Неужели это дорогая плата?

Разговоры о том, будто Сталин "обманул" Гитлера своим вторжением в Польшу и своим нажимом на балтийские страны, совершенно вздорны. Вероятнее всего, именно Гитлер навел Сталина на мысль завладеть восточной Польшей и наложить руку на Прибалтику. Так как национал-социализм вырос на проповеди войны против Советского Союза, то Сталин не мог, конечно, поверить Гитлеру на честное слово. Переговоры велись в "реалистических" тонах.

— Ты боишься меня? — говорил Гитлер Сталину. — Ты хочешь гарантий? Возьми их сам.

И Сталин взял.

Изображать дело так, будто новая западная граница СССР навсегда преграждает Гитлеру путь на Восток, значит, нарушать все пропорции. Гитлер разрешает свою задачу по этапам. Сейчас в порядке дня стоит разрушение Великобританской Империи. Ради этой цели можно кое-чем поступиться. Путь на Восток предполагает новую большую войну между Германией и СССР. Когда очередь дойдет до нее, то вопрос о том, на какой черте начнется столкновение, будет иметь второстепенное значение."18/

В обстановке бурно развивавшихся событий в Европе осенью 1939 г. Сталин, отмечает Троцкий, "оказался застигнут врасплох", "он не мог заимствовать новые идеи" ни у Молотова, ни у Ворошилова, "ни у растерянных вождей западных демократий". "Единственный политик, который мог импонировать Сталину в этих условиях, — резюмирует Троцкий, — был Гитлер... У Гитлера есть все, что есть у Сталина: презрение к народу, свобода от принципов, честолюбивая воля, тоталитарный аппарат. Но у Гитлера есть и то, чего у Сталина нет: воображение, способность экзальтировать массы, дух дерзания. Под прикрытием Гитлера Сталин попытался применять методы Гитлера во внешней политике. Сперва казалось, что все идет гладко: Польша, Эстония, Латвия, Литва. Но с Финляндией вышла осечка, и совсем не случайно. ... Наступление на Финляндию находится как будто в противоречии со страхом Сталина перед войной. На самом деле это не так. Кроме планов есть логика положения. Уклоняясь

от войны, Сталин пошел на союз с Гитлером. Чтобы застраховать себя от Гитлера, он захватил ряд опорных баз на балтийском побережье. Однако сопротивление Финляндии угрожало свести все стратегические выгоды к нулю и даже превратить их в свою противоположность. Кто, в самом деле, станет считаться с Москвой, если с ней не считается Гельсингфорс? Сказав "А", Сталин вынужден сказать "Б". Потом могут последовать другие буквы алфавита. Если Сталин хочет уклониться от войны, то это не значит, что война пощадит Сталина.

Берлин явно подталкивал Москву против Финляндии. Каждый новый шаг Москвы на Запад делает более близким вовлечение Советского Союза в войну. Если бы эта цель оказалась достигнутой, мировое положение значительно изменилось бы. Ареной войны стал бы Ближний и Средний Восток. Ребрам встал бы вопрос об Индии. Гитлер вздохнул бы с облегчением и, в случае неблагоприятного поворота событий, получил бы возможность заключения мира за счет Советского Союза. В Москве, несомненно, со скрежетом зубовым читали дружественные статьи германской печати по поводу наступления Красной армии на Финляндию. Но зубовый скрежет не есть фактор политики. Пакт остается в полной силе. И Сталин остается сателлитом Гитлера.

...Ссылаясь на недостаток сырья в СССР, мировая печать не устает твердить о незначительности той экономической помощи, которую Сталин может оказать Гитлеру. Дело совсем не решается так просто. Недостаток сырья в СССР имеет относительный, а не абсолютный характер; бюрократия намечает слишком высокие темпы промышленного развития и не умеет соблюдать пропорции между разными частями хозяйства. Если снизить на один-два года темпы роста известных отраслей промышленности с 15% до 10%, до 5%, или оставить промышленность на прошлогоднем уровне, то сразу окажутся значительные излишки сырья. Абсолютная морская блокада германской внешней торговли должна, с другой стороны, направить значительный поток германских товаров в Россию, в обмен на советское сырье.

Не нужно также забывать, что СССР скопил и продолжает скапливать огромные запасы сырья и продовольствия для задач обороны. Известная часть этих запасов представляет потенциальный резерв Германии. Москва может, наконец, дать Гитлеру золото, которое, несмотря на все автаркические усилия, остается одним из главных нервов войны. Наконец, дружественный "нейтралитет" Москвы чрезвычайно облегчает Германии пользоваться ресурсами Прибалтики, Скандинавии и Балкан. ... Не будет преувеличением сказать, что союз с СССР уменьшает для Германии тяжесть блокады не менее как на 25%, а, может быть, и значительно более.

К материальной поддержке надо прибавить – если это слово здесь уместно – моральную. До конца августа Коминтерн требовал освобождения Австрии, Чехословакии, Албании, Абиссинии и совершенно молчал о британских колониях. Сейчас Коминтерн молчит о Чехии, поддерживает раздел Польши, но зато требует освобождения Индии. Московская "Правда" нападает на удушение свобод в Канаде, но молчит о кровавых расправах Гитлера над чехами и гангстерских пытках над польскими евреями. Все это значит, что Кремль очень высоко оценивает силу Германии.

... Пресса союзников жадно ловит симптомы "охлаждения" между новыми друзьями и со дня на день предсказывает их разрыв. Нельзя, конечно, отрицать, что Молотов чувствует себя не очень счастливым в объятиях Риббентропа. В течение целого ряда лет всякая внутренняя оппозиция в СССР клеймилась, преследовалась и уничтожалась в качестве агентуры наци. После завершения этой работы Сталин вступает в тесный союз с Гитлером. В стране есть миллионы людей, связанных с расстрелянными и заключенными в концентрационные лагеря за мнимую связь с наци, – и эти миллионы являются ныне осторожными, но крайне действительными агитаторами против Сталина. К этому надо прибавить секретные жалобы Коминтерна: иностранным агентам Кремля приходится нелегко. Сталин, несомненно, пытается оставить открытой и другую возможность. Литвинов был показан неожиданно на трибуне мавзолея Ленина 7 ноября; в юбилейном шествии несли порт-

реты секретаря Коминтерна Димитрова и вождя немецких коммунистов Тельмана. Все это относится, однако, к декоративной стороне политики, а не к ее существу. Литвинов, как и демонстративные портреты, нужны были прежде всего для успокоения советских рабочих и Коминтерна. Лишь косвенно Сталин дает этим понять союзникам, что, при известных условиях, он может пересесть на другого коня. Но только фантазеры могут думать, что поворот внешней политики Кремля стоит в порядке дня. Пока Гитлер силен, — а он очень силен, — Сталин останется его сателлитом.

Все это, может быть, и верно, — скажет внимательный читатель, — но где же у вас революция? Неужели Кремль не считается с ее возможностью, вероятностью, неизбежностью? И неужели расчет на революцию не отражается на внешней политике Сталина? Замечание законно. В Москве меньше всего сомневаются в том, что большая война способна вызвать революцию. Но война не начинается с революции, а заканчивается ею. Прежде чем разразилась революция в Германии (1918 г.) немецкая армия успела нанести смертельные удары царизму. Так и нынешняя война может опрокинуть кремлевскую бюрократию задолго до того, как революция начнется в какой-либо из капиталистических стран. Наша оценка внешней политики Кремля сохраняет поэтому свою силу независимо от перспективы революции.

Однако, чтоб правильно ориентироваться в дальнейших маневрах Москвы и эволюции ее отношений с Берлином, необходимо ответить на вопрос: хочет ли Кремль использовать войну для развития международной революции, и, если хочет, то как именно? 9 ноября Сталин счел необходимым в крайне резкой форме опровергнуть сообщение о том, будто он считает, что

"...война должна продолжаться как можно дольше, дабы участники ее полностью истощились".

На этот раз Сталин сказал правду. Он не хочет затяжной войны по двум причинам: во-первых, она неизбежно вовлекла бы в свой водоворот СССР; во-вторых, она столь же неизбежно вызвала бы европейскую революцию. Кремль вполне основа-

тельно страшится одного и другого. ... В Москве отдадут себе ясный отчет в том, что война больших масштабов откроет эру политических и социальных потрясений. Если б там могли серьезно надеяться овладеть революционным движением и подчинить его себе, разумеется, Сталин пошел бы ему навстречу. Но он знает, что революция есть антитеза бюрократии, и что она беспощадно обращается с привилегированными консервативными аппаратами. Какое жалкое крушение потерпела бюрократическая опека Кремля в китайской революции 1925-1927 гг. и в испанской революции 1931-1939 гг.! На волнах новой революции должна неизбежно подняться новая международная организация, которая отбросит назад Коминтерн, и нанесет смертельный удар авторитету советской бюрократии на ее национальных позициях в СССР.

... Но разве советизация Западной Украины и Белоруссии (Восточной Польши), как и нынешний приступ к советизации Финляндии, не являются актами социальной революции? И да, и нет. Больше нет, чем да. После того, как Красная армия занимает новую территорию, московская бюрократия устанавливает в ней тот режим, который обеспечивает ее господство. Населению разрешено только одобрять проведенные реформы посредством тоталитарного плебисцита. Такого рода переворот осуществим только на завоеванной территории, с немногочисленным и достаточно отсталым населением. Новый глава "советского правительства" Финляндии Отто Куусинен, - не вождь революционных масс, а старый чиновник Сталина, один из секретарей Коминтерна с тугой мыслью и гибкой спиной. Таковую "революцию" Кремль, конечно, приемлет. Такой "революции" Гитлер не боится.

Руководящий аппарат Коминтерна, состоящий сплошь из Куусиненов и Броудеров, т.е. чиновников-карьеристов, совершенно непригоден для руководства революционным движением масс. Зато он полезен для прикрытия пакта с Гитлером революционной фразой, т.е. для обмана рабочих в СССР и за границей. А в дальнейшем он может пригодиться как орудие шантажа против империалистических демократий.

Поразительно, как мало поняты уроки испанских событий!

Обороняясь от Гитлера и Муссолини, которые стремились использовать гражданскую войну в Испании для создания блока четырех держав против большевизма, Сталин поставил себе задачей доказать Лондону и Парижу, что он способен оградить Испанию и Европу от пролетарской революции с гораздо большим успехом, чем Франко и его покровители. Никто с такой беспощадностью не подавлял социалистическое движение в Испании как Сталин, в те дни выступавший как архангел чистой демократии. Все было пущено в ход: и бешеная кампания лжи и подлогов, и судебные фальсификации в духе московских процессов, и систематические убийства революционных вождей. Борьба против захвата крестьянами и рабочими земель и фабрик велась под видом борьбы против "троцкизма".

Гражданская война в Испании заслуживает величайшего внимания, ибо она во многих отношениях явилась репетицией будущей мировой войны. Во всяком случае, Сталин вполне готов повторить свой испанский опыт в мировом масштабе с надеждой на лучший успех, — именно купить благорасположение будущих победителей, доказав им делом, что никто лучше его не способен справиться с красным призраком, который для удобства терминологии будет снова назван "троцкизмом".

В течение пяти лет Кремль руководил кампанией в пользу союза демократий, чтобы в последний час как можно выгоднее продать Гитлеру свою любовь к "коллективной безопасности" и миру. Чиновники Коминтерна получили команду: "Налево кругом!" — и немедленно извлекли из архивов старые формулы социалистической революции. Новый "революционный" зигзаг будет, надо думать, короче "демократического", потому что атмосфера войны чрезвычайно ускоряет темпы событий. Но основной тактический метод Сталина тот же: он превращает Коминтерн в революционную угрозу по отношению к противникам, чтобы в решительную минуту обменять его на выгодную дипломатическую комбинацию. Опасаться сопротивления со стороны Брудерсов нет основания: эти тигры хорошо дрессированы, боятся бича и привыкли в положенный час получать свою пор-

цию мяса.

... Через покорных корреспондентов Сталин пускает слухи, что в случае, если Италия или Япония присоединятся к Англии и Франции, Россия вступит в войну на стороне Гитлера, причем будет одновременно стремиться к советизации Германии.

... Мысль о советизации Германии под указку кремлевской дипломатии так же абсурдна, как и надежда Чемберлена на реставрацию в Германии мирной консервативной монархии. Недопустимо недооценивать военную мощь Германии, как и силу сопротивления режиму наци! Сломить германскую армию может только новая мировая коалиция посредством войны невиданных масштабов. Низвергнуть тоталитарный режим сможет лишь могущественный напор немецких рабочих. Они совершат революцию не для того, конечно, чтобы заменять Гитлера Гогенцоллерном или Сталиным. Победа народных масс над тиранией наци будет одним из величайших потрясений мировой истории и сразу изменит лицо Европы. Волна возбуждения, надежды, энтузиазма не остановится перед герметическими границами СССР. Советские народные массы ненавидят жадную и жестокую правящую касту. Их ненависть сдерживается мыслью: нас подстерегает империализм. Революция на Западе отнимет у кремлевской олигархии единственное право на политическое существование. Если Сталин переживет своего союзника Гитлера, то ненадолго. Двойная звезда сойдет с небосклона"¹⁹⁷.

Примечания:

1. Первое, и пока что единственное, упоминание о вышедших за рубежом изданиях наследия Троцкого появилось в статье В.Сироткина "Еще раз о "белых пятнах". Читая журнал Известия ЦК КПСС". - "Неделя", №24 (1524). 1989 г.
2. Эти статьи Троцкого вошли в изданный в США в 1984 г. В.Челидзе сборник - "Лев Троцкий. Портреты".
3. См.: Ф.Раскольников. Открытое письмо Сталину. - "Неделя", №26 (1474). 1988 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.	2
Волков В.К. Некоторые аспекты предвоенного политического кризиса 1939 г. в Европе.	3 - 14
Ворачек Э. (ЧССР). 15 марта 1939 г.	15 - 25
Покивайлова Т.А. После Мюнхена. Литвинов, Потемкин, Молотов.	26 - 30
Белыева В.И. Британские гарантии Польше (март-апрель 1939 г.).	31 - 36
Манусевич А.Я. На пути к катастрофе. (Из истории внешней политики Польши в 1938-1939 гг.)	37 - 49
Парсаданова В.С. Советско-польские отношения накануне 1 сентября 1939 г.	50 - 57
Пушкаш А.И. Документы венгерских архивов об оккупации Италией Албании в 1939 г.	58 - 61
Григорьянц Т.Ю. Гитлеровские планы в отношении Польши и советско-германские переговоры летом 1939 г.	62 - 74
Гибянокий Л.Я. Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточноевропейские проблемы. (Некоторые аспекты)	75 - 95
Случ С.З. О некоторых проблемах дипломатической борьбы в канун второй мировой войны.	96 - 105
Новопашин Ю.С. К вопросу о национально-государственных интересах СССР.	106 - 116
Марьина В.В. Советско-германский пакт о ненападении и начало второй мировой войны в оценке чешской общественности.	117 - 129
Валева Е.Л. Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и реакция на его заключение в Болгарии.	130 - 137
Жигунов Е.К. Некоторые источники о политическом кризисе 1939 г.	138 - 157

4. Лев Троцкий. Портреты, с.65-66.
5. Там же, с.69.
6. Там же, с.66-67.
7. Там же, с.67.
8. Там же, с.76.
9. Там же.
10. Там же, с.66.
11. Там же, с.76.
12. Там же, с.86-87.
13. Там же, с.87-90.
14. Имеется в виду Отчетный доклад ЦК ВКП(б), с которым Сталин выступил на ХУШ съезде партии, проходившем в Москве 10-21 марта 1939 г.
15. Лев Троцкий. Портреты, с.67-69.
16. Там же, с.94-95.
17. Там же, с.79.
18. Там же, с.70-71.
19. Там же, с.91, 72, 73, 74, 75, 76-80, 82-86.

Утверждено к печати Институтом славяноведения и
балканистики АН СССР

Подписано в печать 13.08.89. А - 13350 Формат 60x84/16
6,87 п.л. 6,3 уч.-изд.л. Тираж 500 экз. Цена 0р.94к.
Зак.№ 92

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР
АН СССР 117036, Москва, ул.Дм.Ульянова, 19

